

COVER BY MAROCHKA

Замёрзшие

БЕСТСЕЛЛЕР

“НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС”

ДЖЕННИФЕР Л. АРМЕНТРОУТ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Дж. Линн

Для двадцатиоднолетней Сидни вовсе не в новинку любить Кайлера. Они были лучшими друзьями с того самого момента, как он пихнул её на детской площадке и она заставила его отведать пирожок из грязи. В какой-то момент, девушка влюбилась, и сильно. В чём проблема? Кайлер тот ещё бабник. Он не встречался с девушкой больше пары ночей, а учитывая, что это их последний год в колледже, Сид не хочет рисковать дружбой, признавшись в своей любви. Кайлер всегда ставил Сид на пьедестал слишком высокий для достижения. Для него она всё, идеал. Но свои чувства по отношению к девушке он всегда прячет или сосредотачивается на любой другой. В конце концов, Кайлер всегда будет бедным парнем, не чета ей, а Сидни всегда будет той девушкой, которая ему никогда не достанется. Но когда они оказываются вместе на шикарном горнолыжном курорте в связи с сильнейшим штормом, уже ничто не может остановить от разоблачения их чувства друг к другу. Сможет ли выжить их дружба при таком влечении? Смогут ли они вообще выжить? Поскольку за снежными метелями скрывается таинственный преследователь, а горнолыжная поездка может изменить их жизнь — во всех смыслах.

Дженнифер Л. Арментроут
Замёрзшие

Сидни

Я влюблена в своего лучшего друга.

Думаю, могло быть и хуже. Например, я могла влюбиться в стриптизера или наркомана. Кайлер Квин был ни тем, ни другим. Хотя он легко мог сойти за стриптизера благодаря потрясающим внешним данным и взъерошенным темным волосам, а еще он был так же притягателен, как и любой наркотик.

Я увидела его до того, как он понял, что я здесь. Кайлера невозможно было не заметить, даже в переполненном Сухом Доке, где все из университета праздновали начало зимних каникул. Люди толпились около него, особенно девушки.

Всегда девушки.

Не хочу говорить, что Кайлер был похож на бога, потому что скульптуры греческих и римских богов обычно не обращали внимания на привлекательные стороны вещей. И еще они были мелковаты в определенном месте. А судя по бесконечному потоку женщин, возвращавшихся не один раз, Кайлер такой проблемой явно не страдал. Он был прекрасен настоящей мужской красотой. Слегка крючковатый нос, сломанный в драке на первом курсе, широкие скулы, четко очерченный подбородок и полные выразительные губы.

Мне все еще жалко его нос.

А его улыбка? Боже, у него были самые глубокие ямочки на свете.

Его глаза были тепло-карими, цвета кофейных зерен, и темнели всякий раз, когда он был возбужден. Готова поспорить, сейчас он чувствовал себя именно так.

Остановившись прямо в центре бара, я закинула голову. Мне действительно хотелось себя ударить.

Кайлер был недоступен благодаря тому факту, что мы — лучшие друзья с того самого дня на детской площадке, где он пихнул меня и обозвал вшивой, когда я попыталась взять его за руку. Я отомстила ему на следующий день, повалив на землю и заставив отведать пирог из грязи.

Людям сложно понять, как мы можем быть настолько близки. Даже мне трудно в этом разобраться. Мы были как лев и газель. Вернее, как лев и раненная газель, у которой не было шансов убежать от хищника.

Я была раненной газелью.

Как только я подошла к столику, за которым сидел он и наш друг Таннер, блондинка с ногами длиннее моего роста уселась на колени Кайлера. Его руки сомкнулись вокруг невероятно узкой талии девушки, и дурацкая, абсолютно непростительная боль сковала мой живот.

Дааа... может, Кайлер не стриптизер, наркоман или террорист, но он определенно бабник.

Развернувшись по направлению к бару в самую последнюю минуту, я практически врезалась в чью-то спину. Я закатила глаза. Получить сотрясение было бы просто чудесно. Разноцветные рождественские огни свисали с края барной стойки, что крайне опасно, учитывая разливающиеся напитки. Я отыскивала свободный стул и ждала, пока бармен меня заметит. А заметить меня было несложно. Я выглядела на 16, поэтому мое удостоверение личности часто проверяли. Подошел бармен, и я сделала свой заказ — кола с ромом.

Сквозь гул музыки и разговоров до меня донесся смех. Это было похоже на чертов радиосигнал. Подглядывание до добра не доводит, и не было причин портить себе вечер. Поэтому я скрестила ноги, положила руки на стойку, начала постукивать пальцами в такт песне, на которую едва обращала внимание, и разглядывала полку с алкоголем.

И все-таки я посмотрела, потому что я девчонка — и я бросаюсь в омут с головой.

Блондинка сидела на Кайлере, и ее короткая джинсовая юбка задралась до самых бедер. Глядя на нее, можно было подумать, что за окном вовсе не зима. Но с другой стороны, будь у меня ее ноги, я бы одевалась так всегда.

Кайлер сидел ко мне спиной, но, должно быть, сказал ей что-то весьма интересное, потому что она снова рассмеялась. Ее ярко-розовые ногти впились ему в плечи, сгребая ткань черного свитера. Затем она потянулась, чтобы убрать волосы с его лба.

Вот сейчас я не могла отвернуться.

Кайлер наклонил голову и стряхнул волосы обратно. Теперь я видела часть его лица, и он улыбался. Не той широкой улыбкой, от которой появлялись невероятно потрясающие ямочки, а той, которая приводила в ярость и была невероятно сексуальной. Его руки лежали на ее бедрах.

— Держи. — Бармен поставил передо мной напиток.

Отвернувшись от простирающейся сцены, я взглянула на бармена и откинула с лица прядь длинных черных волос.

— Спасибо.

Он подмигнул.

— Без проблем.

И ушел обслуживать кого-то еще, я же задалась вопросом, почему он подмигнул. Размышляя над тем, что Кайлеру все-таки не стоило уговаривать меня приходить сюда, я взяла стакан и отпила намного больше обычного глотка. Пришлось заставить себя глотать, несмотря на то, что алкоголь обжигал горло.

Как только я поставила стакан, кто-то обнял меня со спины. Ванильный парфюм и пронзительный визг раскрыли незнакомца.

— Ты здесь! Я увидела тебя с другой стороны бара и попыталась привлечь внимание, — произнесла Андреа, крутанув мой стул. Ее рыжие кудряшки торчали во все стороны. Моя соседка выглядела как взрослая версия Сиротки Энни... если бы у Сиротки были проблемы с алкоголем. О чем свидетельствовали бутылки пива в ее руках.

— Сколько ты выпила?

Она закатила глаза.

— Это пиво для Таннера, стерва.

— И с каких пор ты носишь ему пиво?

Андреа пожала плечами.

— Сегодня он мил. Так что буду такой же.

Таннер и Андреа довольно странная пара. Они познакомились в прошлом году, и это была ненависть с первого взгляда. По моему мнению, все оставалось на своих местах ровно до тех пор, пока они не споткнулись и не упали на губы друг друга. Пару раз они встречались, ссорились гораздо больше, а сейчас она несет ему пиво. Никак не могу разобраться в этих отношениях.

— Давно вы здесь? — спросила я.

— Примерно час. — Она протиснулась между мной и девушкой за соседним стулом. —

Парад из девушек Кайлера во всей красе.

Я поморщилась.

— Вижу.

— Ага, я заметила, что ты смотришь. Видимо, поэтому не обращала на меня внимание. — Она сделала глоток пива. — Идешь за столик?

За столик, где Блондинка практически оседлала Кайлера? Ну конечно.

— Я подойду позже.

Она надула губки.

— Твоей маленькой заднице следует поторопиться. Кайлер сразу же избавится от девчонки. И тогда я не заработаю герпес.

— Герпес не передается по воздуху.

— Это ты сейчас так говоришь. Но добавь хламидию, кандилому и получишь его супер устойчивую форму. — Она поморщилась. — Вдыхаешь, и бац! Противовирусная терапия на всю жизнь.

После колледжа Андреа планировала поступать в медицинскую школу, и я думала, ей не помешало бы снова посетить пару занятий, если она верит в такую возможность. Но я знала, в чем действительно заключалась проблема.

Если рядом с Кайлером находилась одна девушка, то как минимум две маячили на горизонте. Я обернулась. Ага. Две. Андреа желала моего присутствия не для того, чтобы убедиться в хорошем поведении Кайлера. Она скрывала свои чувства так же хорошо, как и я. Ей не хотелось, чтобы одна из этих девчонок прыгала на колени Таннера. Какая-то девица болтала с татуированным бритым сыном полицейского. Но Таннер проявлял лишь легкий интерес, говоря что-то Кайлеру. Блондинка же не была рада отсутствию внимания к своей персоне. Она развернулась, вытащила из стакана кубик льда и положила его в рот. Другой рукой притянула голову Кайлера.

— О, погляди-ка. — Андреа вздохнула. — Кажется, подобное было в каком-то фильме 80-х. Думаешь, у нее есть хоть капля стыда?

В моем животе все перевернулось, словно я была на американских горках. Дело вовсе не в стыде. Смысл в том, чтобы получить желаемое любыми средствами.

Часть меня ненавидела Блондинку, по правде говоря, гигантская часть.

— Надеюсь, их губы не касались друг друга, потому что все, о чем я могу думать, — это герпес.

Андреа оттолкнулась от стойки.

— Фу.

Их губы касались друг друга.

Черт возьми.

Спустя мгновение Кайлер отстранился, кусая кубик льда, которым так щедро поделилась Блондинка.

— Гадость, — отворачиваясь, пробормотала я. Андреа поморщилась, потому что знала... единственный человек, который знал. — Я скоро подойду. Сначала допью.

— Окей. — Она улыбнулась, но в глазах читалось сожаление. — Сидни...

Вот теперь я почувствовала себя полной неудачницей.

— Все нормально, правда. Скоро подойду.

— Как только допьешь? — Когда я кивнула, она вздохнула. — Ты никогда не допиваешь, но я буду ждать. Не затягивай. — Она начала отворачиваться, а затем резко

подскочила ко мне, практически роняя бутылки. — Хотя знаешь, не торопись.

— Что?

Она расплылась в улыбке.

— Смотри, кто пришел.

Я наклонила голову, чтобы проследить за ее взглядом.

— Оу.

— Правильно-оу. — Андреа чмокнула меня в щеку. — Забудь о бабнике Кайлере. Ты выше этого. Но он? — Она кивнула в сторону входа. — Он может покончить с твоим обетом безбрачия.

Румянец залил мои щеки. Прежде чем я смогла поспорить по поводу «обета безбрачия», Андреа ушла и оставила меня смотреть на Пола Робертсона. Пол был новеньким. Я познакомилась с ним на лабораторной по Когнитивным Процессам. Он... он симпатичный. Милый и смешной. Он идеальный, правда, но...

Сняв шапку и остановившись у края танцпола, он осмотрел бар и провел рукой по светлым волосам. Его взгляд встретился с моим, и улыбка осветила его лицо. Махнув мне, он обогнул людей, толпившихся у столиков.

Может, в данный момент Пол для меня не совершенство, но нужно перестать мечтать о невозможном и начать думать о том, что находится прямо перед носом.

Глубоко вздохнув, я изобразила то, что, как надеялась, было сексуальной улыбкой. Нет времени лучше, чем сегодняшний вечер.

Кайлер

У меня начинает болеть голова. Судя по тому, как эта крошка ерзает на моих коленях, будто бы уже готова, ночь будет длинной. Я раскусил кубик льда, практически желая его выплюнуть.

Но это было бы грубо.

Я должен веселиться, но не в настроении. Остался еще один семестр, и что дальше? Присоединиться к семейному бизнесу? Боже, это последнее, что я хотел бы сделать. Ну, необязательно последнее. Попробовать объяснить матери, почему я не хочу связывать свое будущее с ресторацией, — вот самая последняя вещь. Никогда не мечтал заниматься этим, но 4 года колледжа — и я практически с дипломом по бизнесхрени.

Заведя руку за девчонку, я взял бутылку с пивом. Сидящий напротив меня Таннер вскинул бровь. Я ухмыльнулся, когда он повернулся к брюнетке, которая о чем-то болтала.

Что-то про бритье и обязательный 24-часовой период ожидания. Серьезно, что ли? Никто из нас не хотел об этом знать.

— Кайлер, — промурлыкала Блондинка, крутя задницей. — Кажется, ты не рад мне. А я счастлива снова видеть тебя.

Делая глоток, я знал, что должен был быть более внимательным. Вероятно, я знал ее — ну типа знал-знал, — но не мог вспомнить лицо или задницу, что сильно портило дело. Как я мог не помнить ее, когда наверняка точно переспал с ней?

Дерьмо.

Иногда мне было тошно от самого себя.

Она наклонилась, прижимаясь грудью прямо мне под подбородок. Ладно. Не настолько тошно.

— Милая, — произнес я, показывая на бутылку. — Мне нужен воздух.

Смеясь, она отодвинулась настолько, чтобы я смог сделать глоток. Она провела рукой

по моим волосам, убирая их со лба назад. Я подавил желание скинуть ее руки.

— Сыграешь для меня на гитаре?

Я вскинул бровь.

— Я играл для тебя?

Таннер подавил смешок.

Девчонка — черт, надеюсь, подружка произнесет ее имя — нахмурилась.

— Да! — Она игриво ударила меня в грудь. — Ты играл своими удивительными, талантливыми пальчиками, а затем ты сыграл кое-что еще.

О.

Таннер откинулся на спинку стула.

— Погляди-ка на себя и свои удивительные пальчики.

— Удивительные и талантливые пальчики, — поправил я его.

Качая головой, он отвернулся, потому что брюнетка наклонилась и провела пальцами по краю татуировки, которая выглядывала из-под закатанного рукава.

— Ты не помнишь? — Блондинка выпятила нижнюю губку. — Это ранит мои чувства.

Я фыркнул и сделал еще глоток, мои глаза изучали переполненный бар. Иногда я не понимал, почему оказывался в подобных ситуациях. Ладно. Это чушь. То, что было между моих ног, — всему причина.

Но есть кое-что еще.

Всегда было кое-что еще.

— Кайлер, — захныкала девчонка.

Я сделал глубокий вдох и повернулся к ней, выдавливая самую очаровательную улыбку.

— Да?

— Поделишься?

Прежде чем я смог ответить, она выхватила бутылку из моих рук и заглотила ее практически целиком. Мои брови взлетели. Черт. Это было довольно впечатляюще... и вульгарно.

Ее подруга рассмеялась.

— Господи, Минди, притормози. Я не собираюсь тащить тебя до общежития.

Вот! Ее имя Минди! Мне стало немного легче.

Минди просто пожала плечами и развернулась ко мне. Она подалась вперед и, когда заговорила, все, что я мог почувствовать, — был запах пива.

— Ты невероятно горяч. Тебе говорили об этом?

— Раз или два, — ответил я, мечтая о новой бутылке пива.

У столика появилась Андреа с двумя бутылками пива в руках. Одна для нее, вторая — для Таннера. Хреново. Она раздраженно посмотрела на меня.

— Кайлеру необходимо, чтобы тешили его эго.

— Необходимо, чтобы ему тешили кое-что еще, — прошептала Минди, двигая бедрами.

Отвращение промелькнуло на лицо Андреа, пока она садилась по другую сторону от Таннера. Меня это не волновало.

— Ты видела Сид? — спросил я ее.

Андреа посмотрела на меня, сузив глаза. Она не ответила.

Вздыхнув, я откинулся на спинку стула.

— Я пригласил ее.

Таннер вскинул бровь.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что Сид в общежитии, собирает вещи для нашей поездки. Хотя наверняка уже пересобирает.

Я улыбнулся. Наверно тщательно продумывает, что взять.

— Кому какое до нее дело? — Минди обхватила себя руками, что заставило ее грудь выглядеть еще больше. Невероятно. Она посмотрела на свою подругу. — Мне снова надо выпить.

— Как и мне, — произнес я, тряхнув ногами, чтобы она свалила. Намека она не поняла. Я вздохнул. — Поскольку ты выпила мое пиво, то почему бы тебе не купить новое?

Минди надула губки.

— Ты видел, сколько народа? Я проторчу там вечность.

— Ты всегда можешь подняться, — подсказала Андреа.

Я обернулся. Бар был переполнен. Пол универа точно здесь.

Пивное дыхание Минди коснулось моей щеки.

— Ты должен купить нам выпивки, малыш. Я люблю Джелло¹.

— Я не твой малыш. — Я рассматривал толпу. Это Пол? Он приходит сюда, только если Сид здесь. Стоп... Мне пришлось наклониться в сторону, потому что какой-то огромный парень загородил весь обзор. Сид у бара? С Полом?

Рука снова прошла по моим волосам.

— Ты был моим малышом пару недель назад.

— Интересно, — пробормотал я. Огромный парень отошел, держа в руках пиво, и черт возьми, это была Сид. Ее длинные, черные волосы были распущены, ноги скрещены. Она выглядела невероятно крошечной, я был удивлен, что ее вообще обслужили.

Также я был удивлен, что она сидела у стойки без меня — и с Полом.

Что, черт возьми, не так?

Развернувшись, я взглянул на Андреа.

— Когда она пришла?

Андреа пожала плечами.

— Не знаю.

Я начал терять терпение.

— Она не должна быть здесь одна.

Минди что-то сказала, но я не слушал. Сейчас меня волновало другое.

Андреа посмотрела на Таннера. Я проигнорировал этот взгляд.

— Она и не одна, — сладко произнесла она.

— В этом и суть. — Я схватил Минди за бедра. Возбужденный взгляд озарил ее лицо. Жаль рушить надежды. Сняв с колен, я поставил ее на ноги. — Скоро вернусь.

— Кайлер!

Я проигнорировал ее. Я также проигнорировал ухмылку Андреа и то, как Таннер закатил глаза.

Сид правда не стоит быть здесь одной. Пол не считается. За ней нужно присматривать, потому что она... ну, она была слишком наивна, и это сводило придурков с ума.

Таких придурков, как Пол или подобных мне, которые то и дело затаскивали девушек в постель. Но я был другим, совершенно другим, когда дело касалось Сидни Белл. Моя работа — оберегать ее от всяких неприятностей. Именно этим я и собираюсь заняться.

Пора помешать их маленькой беседе.

Сидни

— Привет, — произнес Пол, занимая место Андреа. — Не знал, что ты придешь. На занятиях ты ни слова не сказала.

— Решила в последний момент. — Я сделала глоток рома с колой. Теперь он был достаточно разбавлен. — Как прошел экзамен?

— Думаю, неплохо. У тебя?

Я пожала плечами.

— Думаю, сдала.

— Наверняка лучше всех. — Он прервался, заказывая Сэм Адамс² у проходящего мимо бармена. — Уже собрала вещи для завтрашней поездки?

Завтра мы отправлялись в наше ежегодное лыжное путешествие на гору Сноушу. Для Пола — это первый раз, мы же с Кайлером ездили в дом его матери с самого детства. Андреа и Таннер едут во второй раз, также там будут несколько друзей Кайлера. Мы всегда собирались большой компанией.

— Упаковалась еще на прошлых выходных, — рассмеялась я. — Со мной так всегда.

Улыбка тронула его лицо.

— А мне еще предстоит. Кстати, спасибо за приглашение. Никогда там не был.

Странно, учитывая тот факт, что он вырос в соседнем городке, и, как я выяснила, каждый, кто жил в Мэриленде, так или иначе бывал на Сноушу.

— Без проблем. Ты же сказал, что любишь лыжи и все такое. Кайлер днями и ночами будет торчать на склонах, так что тебе есть с кем кататься.

Взгляд Пола переместился туда, где сидел Кайлер.

— Не уверен.

Я нахмурилась и не стала смотреть на столик порока и разврата. Наверняка они уже делали детей.

— Ты о чем?

— Сомневаюсь, что Кайлер — мой большой фанат. — Он снова взглянул на меня и пожал плечами. — Как бы то ни было, собираешься домой после Сноушу?

Я кивнула.

— Ага, отпраздную Рождество с семьей и останусь там до начала весеннего семестра. А ты?

— Проведу большую часть времени в Бетесде, а потом поеду в Винчестер к маме. — Он потерял этикетку на бутылке. — Родители развелись год назад. Так что я, типа, между домами.

Я не знала этого.

— Мне жаль.

Он улыбнулся.

— Все нормально. Буду отмечать Рождество дважды, так что грех жаловаться.

Сделав еще глоток, я поставила стакан.

— Вдвое больше подарков.

— Вдвое больше веселья. — Его взгляд упал на пиво. Часть этикетки была содрана. — Послушай, я подумал, мы могли бы...

Сильные руки обхватили мою талию и стащили со стула, я подавила удивленный

вскрик, как только спина коснулась неподвижной стены из мышц. Меня зажали в медвежьи объятия, и я почувствовала легкий аромат одеколona.

Только один человек в этом мире обнимал меня именно так и ощущался настолько сильно... настолько хорошо.

Глубокий голос Кайлера окутал все мое тело.

— Когда ты пришла?

Мои ноги все еще не касались пола.

— Не так давно, — выдохнула я, хватаясь за его локти.

— Что за черт? Прячешься от меня?

Пол откинулся спиной на стойку и улыбнулся, но как-то натянуто. Я его не винила. Кайлер всегда вмешивался и брал ситуацию в свои руки.

— Я не прячусь, — ответила я, краснея при взгляде на Пола. — Не мог бы ты опустить меня?

— А что, если нет? — поддразнил он. — Ты такая крошечная, что легко уместись в моем кармане.

— Что? — Я расхохоталась. — Поставь меня на пол, идиот. Я разговаривала.

— Сожалею, Пол, но я украду ее. — Кайлер ни разу не сожалел. Он отошел, не оставляя мне выбора, поскольку вырваться из его хватки совершенно невозможно. Разворачиваясь и занимая стул рядом со своим столиком, он потянул меня к себе на колени так, что теперь я сидела в половину оборота. — Ты расстраиваешь меня, Сид.

Я вскинула бровь, в то время как мой пульс участился. Он был единственным человеком, который мог называть меня Сид и при этом не огрести по ноге.

— Правда? И чем же?

— Ты разговариваешь с этим придурком.

— Каким придурком?

Он наклонился, касаясь моего лба своим, и я затаила дыхание. Почему он всегда должен быть так близко?

— С Полом.

— А что с ним? — Я положила руки на его плечи, чтобы отстраниться, но хватка лишь усилилась, удерживая меня на месте. — Ты пьян?

— Пьян ли я? Ауч, ты оскорбила мои чувства, Сид.

Я усмехнулась.

— У тебя нет чувств.

— Так-так. А вот это было грубо. — Его невероятно длинные ресницы опустились, прикрывая глаза, пока он поднимал голову, чтобы потереться своей щекой о мою. Охватившее меня желание заставило вцепиться ему в плечи. — У меня есть все эти чувства, Сид.

У меня ушла секунда, чтобы ответить.

— Ты прямо таки переполнен.

Он потерся о мою щеку, как кот, просящий, чтобы ему почесали живот. Я едва подавила желание произнести «мурр».

— Я кое-чем переполнен.

— Бодростью и энергией? — предположила я, отчаянно пытаюсь игнорировать свой учащенный пульс.

Он рассмеялся во весь голос, откидываясь на спинку стула.

— Возвращаемся к серьезной части нашего разговора.

— К той, где ты играешь в Санту?

Ресницы Кайлера приподнялись, и его глаза теперь смотрели прямо в мои.

— Хмм, вот теперь становится интересно. Ты была непослушной или хорошей девочкой в этом году, Сид?

Я открыла свой рот, но слова покинули меня. Румянец залил мои щеки.

— Я знаю, какой ты была. — Он поцеловал меня в лоб. — Ты была хорошей.

Мои плечи резко опустились. Я не хотела быть хорошей. Я хотела быть непослушной, как Блондинка. Сомневаюсь, что Кайлер дразнил ее, когда она скакала на его коленях. Возможно, мне следует взять кубик льда и посмотреть на его реакцию, но брать придется из чужого стакана, а это просто мерзко, особенно после разговора про герпес.

Надо срочно сменить тему.

— Ты точно уверен, что я могу оставить свою машину у твоего дома, и тебе придется везти меня до дома после Сноушу?

— Конечно. Почему нет?

Я пожала плечами.

— Просто проверяю.

И, как всегда, внезапно Кайлер становится серьезным, доказывая, что совершенно трезв.

— Даже не думай перепроверять такие вещи, Сид. Если тебя нужно подвезти в 2 утра, то звони в первую очередь мне.

Я опустила голову.

— Знаю.

— Хотя мне любопытно, чем ты занимаешься в такое время, — добавил он, как будто сама мысль о том, что я могу находиться так поздно вне дома, была совершенно невероятной. — В любом случае, если ты знаешь, то не надо перепроверять. Я заберу тебя.

Откидывая волосы назад, я кивнула.

— Спасибо.

— Не нужно благодарить меня. — Он замолчал, и сжал руки. — Придурок.

— А? — моргнула я.

Кайлер смотрел за мое плечо, сузив глаза.

— Пол. Он пялится на нас. Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Я немного повернулась.

— Он не пялится, грубиян. Мы разговаривали, до того как ты вмешался. Так что, вероятнее всего, он ждет меня. И он не придурок.

— Я не хочу, чтобы ты возвращалась к нему.

Я вздохнула. Если принять во внимание факт, что Кайлер — мой друг, то совсем неудивительно, что я не ходила на свидания уже вечность. Нет, были и другие причины, но все же. Кайлер играл роль и папочки, и старшего брата.

— Ты невозможен.

Он наградил меня взглядом, который говорил: мне лучше знать.

— Он мне не нравится. Могу перечислить целый список причин.

— Пожалуй, не стоит.

— Ты многое упускаешь.

Я закатила глаза.

— Ну, мне не по душе Блондинка. Так что у меня тоже есть свой убийственный список.

Он приподнял бровь.

— Блондинка? А. Ты про моего нового друга?

— Друга? — Я рассмеялась. — Не думаю, что «друг» — подходящее для нее слово.

Он вздохнул и наклонился, прислоняясь подбородком к моему плечу.

— Ты права. Неподходящее.

— Так, все-таки ты пьян, раз признаешь, что я права.

— Ты сегодня такая всезнайка. — Его руки прошли по моей спине, и я вздрогнула. —

Замерзла?

Ни за что не признаюсь. Поэтому пришлось солгать.

— Немного.

— Хмм... знаешь что?

Небольшое давление на моей спине заставило меня податься вперед. Я прислонила подбородок к его плечу и закрыла глаза. На мгновение, я с легкостью представила, что мы не в баре с паршивой музыкой, и даже больше — я представила, что мы вместе.

Вместе — именно так, как я хотела.

— Что? — спросила я, прижимаясь ближе и наслаждаясь мгновением.

— Эта крошка мне не друг. — Его дыхание возле моего уха было горячим, и мне понравилось это ощущение. — Сколько я себя помню, ты всегда была мой самым близким другом. Называть ее так — это оскорбление по отношению к тебе.

Я не произнесла ни слова. Так же как и Кайлер. Мы сидели так еще какое-то время. Часть меня хотела забраться на стул и проорать на весь бар, что Кайлер думал обо мне больше, чем о Блондинке. Но другая часть желала пойти домой и забиться в угол, потому что это ничего не меняло. Я пойду в общежитие, а Кайлер притащит Блонди домой.

Один и тот же сюжет повторяется каждые выходные, и Бог знает, насколько часто в будни.

Никто не сможет занять мое место в его жизни. Я знала это. Я была другом, который знал о нем все и кому он доверял больше всего.

Я была лучшим другом Кайлера.

И именно по этой причине он никогда не полюбит меня так, как люблю его я.

Сидни

Идиотские колесики чемодана налетели на дешевый коричневый коврик у порога дома Кайлера, выбивая меня из равновесия. Волосы упали на глаза, когда я пошатнулась. Пришлось вскинуть руку в попытке выровняться, и в последний момент вещи, которые я держала, начали выскальзывать.

Мне придется сделать ужаснейший выбор, причем быстро. Позволить упасть либо электронной книжке, либо капучино.

Обе вещи были жизненно необходимы, но книжка для меня словно драгоценный ребенок, слишком хрупкий и важный.

Покрепче сжав ее, я позволила кофе упасть на землю. Темная жидкость растеклась по коврику, и теперь это напоминало место преступления.

Я вздохнула.

Да уж, занятия по йоге, которые я посещала 2 раза в неделю после психологии и права, явно пошли на пользу моим рефлексам. Я подняла стаканчик и выкинула его в мусорный бак.

Сделав глубокий вздох, я постучала в дверь и начала нетерпеливо постукивать ногой. Прошло пару секунд, но я вообще ничего не слышала, даже звука шагов.

Я снова постучала, и когда ответа опять не последовало, я развернулась и прислонилась спиной к двери. Кайлер был тем еще соней. Бессмысленно звонить ему на мобильник. Ничто, кроме ядерной бомбы, не в силах разбудить его.

Мой взгляд переместился на электронную книжку. Черт, я потеряла страницу. А ведь становилось интересно. Аид появился в круглосуточном магазине. Ох. Проведя рукой по экрану, я прокрутила несколько...

Внезапно дверь открылась, и я начала падать назад. Я резко развернулась, и моя ладонь коснулась горячей голой кожи. Сильная рука обхватила талию, предотвращая от падения лицом прямо на ровный, коричневый мужской сосок.

О Боже милостивый...

Вырываясь, я отскочила назад. Воздух покинул мои легкие, а глаза расширились. Я стояла лицом к идеальной груди — к той самой груди, которую каждый захотел бы потрогать. Мои глаза проводили осмотр без моего разрешения, перед взором было столько загорелой кожи, что вспомнилась сцена из «Супер Майка». Самое смешное, что сколько бы раз я ни видела Кайлера полуголым, это не переставало поражать меня.

Кайлер был бегуном и лыжником, в зависимости от времени года, и это сказалось на его теле. Гладкая кожа обтягивала невероятно рельефный пресс. Слева от пупка располагалось маленькое родимое пятно. По какой-то причине оно всегда мне нравилось.

На нем были надеты боксеры с красными шапками Санты и разноцветными подарками на них. Ну, думаю, такой Рождественский комплект многие люди не прочь найти под елкой.

Многие, включая меня.

Мои щеки запылали. Мозг был готов получить строгий выговор.

Полные губы изогнулись в усмешке, как будто Кайлер знал, о чем я думала, а темным волосам требовалась расческа. Выглядело так, словно он провел ночь с кем-то, кто запускал в них руки.

Во мне все упало. Я вернулась в общежитие до того, как он ушел из бара. Он бы не привел Блондинку домой. Стоп. О чем я говорю? Он бы очень даже привел ее домой.

— Ты пахнешь как... ванильное капучино.

Я моргнула. После сна его голос был глубоким и немного хрипловатым.

— А? Ой, я уронила кофе. Извини.

Улыбка появилась на его лице.

— Ты рано.

— Нет, не рано.

— Рано, как обычно, — продолжил он, делая шаг назад, и посмотрел через плечо, когда из ванной послышался звук воды. Он вздохнул. — Ты не обрадуешься.

Кровь отлила от моего лица, что очень глупо. Меня совершенно это не заботило, с большой буквы С.

— Все нормально. Могу подождать в коридоре.

Нахмурившись, Кайлер посмотрел на меня:

— Ты не будешь ждать в коридоре, Сид.

Он прошел в коридор, совершенно не заботясь о том, что кто-то мог увидеть его голым. Передо мной открылся отличный вид на мускулистую спину. У него была татуировка — фраза, обхватывавшая всю спину. Какое-то выражение на непонятном языке, которое он наколот в 18. Не знаю, что оно значит. Никто не знает.

Но это не единственное его тату. Мои губы растянулись в улыбке.

Он проиграл спор Таннеру, и теперь красное сердечко красуется на его правой ягодице.

Кайлер был человеком слова.

Неся мой чемодан, он проворчал:

— Что ты там понабрала? Легион толстых и злых детей?

Я бы закатила глаза, вот только они сфокусировались на мышцах на его руках. Бооооже. Сделайте мне промывание мозгов.

— Он не настолько и тяжелый.

— Ты перестаралась. — Он внес чемодан в квартиру и закрыл дверь. — Мы едем на 5 дней, Сид, не на месяц.

— Какая разница, — пробормотала я, взглянув на узкий коридор. Кто-то выключил воду. — Итак...

— Устраивайся. — Проходя мимо, он дернул меня за нос. Я ударила его, но он с легкостью увернулся и рассмеялся. — Что читаешь?

— Не твое дело.

Я проследовала за ним в комнату. Он любил держать все в чистоте, что очень странно для 21-летнего парня, у которого дома есть уборщица. Но так было не всегда.

— Милое название.

Я остановилась около зеленовато-оливкового дивана.

— Милые боксеры. *Твоя* мама подарила?

— Нет, твоя.

— Очень остроумно.

Взглянув через плечо, он подмигнул, запуская пальцы под резинку боксеров и стягивая их так, что теперь показывалась задница.

— Господи, — я наклонилась к дивану, схватила подушку и кинула в него. Он поймал и отправил ее обратно. Подушка отскочила от моей груди и упала на пол.

— Тебе понравилось.

Хотя у него и потрясая задница, но я начала говорить, что это не совсем то, что мне хотелось бы увидеть, как вдруг дверь ванной распахнулась с громким стуком.

Я затаила дыхание.

Кто бы это мог быть? Когда я уходила из бара, Кайлер был окружен целым отрядом из девушек. Длинноногая блондинка со средним именем «ДжеллО»? Или та сексуальная брюнетка с гортанным смехом, который мне так не понравился? Если я пыталась быть сексуальной, то звучала как гиена. Была ли это рыжая, которая не могла решить, кого выбрать — Кайлера или Таннера? Вариантов была масса.

Длинные, загорелые ноги — первое, что увидела, а затем — джинсовую юбку, которая слегка перевернулась. Ноги я узнала сразу, как и юбку.

Это была Блондинка — королева кубиков льда.

За окном где-то минус 15 и лежит снег, а эта штучка вырядилась так, будто находится в Майами.

Я почувствовала себя неуютно в поношенных джинсах и безразмерном свитере. Не говоря еще про спортивный лифчик.

Она взглянула на меня и нахмурилась. Под ее глазами размазалась черная тушь.

— Кто это, малыш?

— Вы встречались в Сухом Доке. — Кайлер подошел ко мне и поднял подушку. — Не припоминаешь?

Недоумение проскользнуло на ее лице, и чувствую, это надолго.

Кайлер приподнял уголок рта.

— Ты пролила напиток на ее колени.

— Оу! — рассмеялась Блондинка. — Прости.

— Ага, — выдавила я, совершенно забыв об инциденте.

— Ничего страшного. Запах Пепси-колы очень привлекает парней.

Посмотрев на меня, Кайлер нахмурился.

— Она была здесь всю ночь? — спросила Блондинка, наклонив голову в сторону.

— Нет, она только что пришла. Мы едем на Сноушу, — ровно ответил он, потеряв рукой подбородок. — Так что...

Блондинка качнула бедрами в его сторону и положила руку на грудь знакомым, интимным образом. Волна раздражения захлестнула меня. Касаться его было для нее так просто. Я знаю Кайлера вечно и задушилась бы, если бы начала трогать его также.

— Вы едете туда вдвоем? Звучит романтично. — В ее голосе слышался яд.

— Нет, — произнес Кайлер, выскальзывая из ее объятий. — Мы встретимся с кучей друзей. Скоро. Поэтому мне пора.

Блондинка не поняла намек, и становилось очень неловко. В этом весь Кайлер. С помощью своего обаяния он сможет раздеть и монашку, вот только на-следующее-утро вещей он не делает.

— Бабник, — прошептала я, проходя мимо него.

Кайлер меня проигнорировал.

— Еще увидимся, Синди.

Блондинка не сдвинулась с места.

— Минди — меня зовут *Минди*.

Я взглянула на Кайлера, он совершенно не раскаивался. Покачивая головой, я направилась

на кухню. В раковине стояло несколько кружек, но здесь гораздо чище, чем в любой общажной комнате. Только не в моей. Я была настолько помешана на порядке, что доводила Андреа до белого каления.

Взобравшись на стойку, я скрестила ноги и включила книжку. Насколько я была увлечена сюжетом раньше, что даже читала, останавливаясь на красном свете по пути сюда, настолько же меня захватил разговор в гостиной.

Я заметила бутылку Джека на стойке. Немного рановато, но чем дольше Кайлер там находился, тем больше мне хотелось выпить.

Кого я обманываю? Прошлой ночью я сидела с ромом до тех пор, пока он полностью не разбавился колой и колой. Все наши друзья были навеселе, отмечая начало каникул. Андреа вырвало на заднем дворе Сухого Дока. А Таннер был настолько не в себе, что вместо волос держал ее за пиджак. Кайлер мог контролировать себя, но все-таки напился.

Что же касается меня? Мне претила мысль о том, чтобы напиться и потерять контроль. Не то что бы я скованная или вроде того, но... ладно, может, совсем немного.

Каждую зиму, начиная с первого курса, я задаюсь вопросом, зачем я езжу на Сноушу. У нас есть 2 недели до Рождества. Я могла бы направиться напрямик домой, не умею кататься на лыжах, всегда съезжаю по склону на заднице. С другой стороны, Кайлер — прирожденный профи. Но это своего рода традиция, ее никак нельзя нарушать.

— Ты правда очень, очень рано, Сид.

Я подпрыгнула от звука его голоса.

— Люблю приходить вовремя.

— До одержимости. — Он облокотился о стойку.

Возможно, я и приходила раньше, но опаздывать я ненавидела. Заходить на занятие после его начала было хуже, чем апокалипсис.

И снова мой взгляд переместился на нижнюю часть его живота. Соскользнули ли боксеры?

— Не мог бы ты надеть футболку? И штаны, к примеру?

Кайлер вскинул бровь.

— Уверен, ты уже видела меня голым, Сид.

Меня бросило в жар, что совершенно неуместно, учитывая обстоятельства, при которых я его таким видела.

— Тебе было где-то пять лет, болел ветрянкой. И все продолжал скидывать вещи. Это совершенно другое.

— В чем разница?

Мне правда надо объяснять?

Посмеиваясь, он направился прямо ко мне. Сидя на стойке, я наконец-то была с ним одного роста. Кайлер был невероятно высоким, примерно 1,88 м, я же была невероятно низкой, едва ли больше 1,52 м. Рядом с ним я ощущала себя карликом.

Кайлер потянулся и ухватил прядь моих волос.

— Косички. Сексуально.

Я пожала плечами.

Он взял конец косички и шлепнул меня по щеке.

— У меня есть время для пробежки?

Я убрала от него волосы.

— Без нее ты будешь ныть весь день.

Кайлер выдал свою самую очаровательную улыбку. Ямочка появилась на его левой щеке, и мое сердце пропустило удар.

— Присоединишься?

Он наклонился, кладя руки по обе стороны моих ног, и теперь находился очень, очень близко. Даже если бы я не западала на него, то все равно не смогла бы устоять перед его близостью. Любая бы была под впечатлением. Кайлер источал сексуальность, опасная смесь привлекательности и ума в сочетании с непредсказуемостью.

Я вздохнула — о, вау, он пах невероятно. Не алкоголем и диким многочасовым сексом. Нет. От него пахло мужчиной с примесью хорошего одеколona.

Бог мой, не могу поверить, что нюхаю его как какой-то фрик.

Отстранившись, я отвернулась.

— Будет весело. Ну же. Обещаю. — Он снова потянул меня за косичку.

Я покачала головой.

— Повсюду лед и снег. Я сломаю себе шею. Вообще-то, ты *можешь* сломать свою. Один день без бега тебя не убьет.

— Нет, убьет.

Задержав взгляд на фотографии на холодильнике, я сжала руки. На ней были изображены мы, в начальной школе, одетые в костюмы для Хэллоуина. Он был оборотнем, а я — красной шапочкой. Идея моей мамы.

— Не могу поверить, что ты *хочешь* бегать после всего выпитого.

Он рассмеялся, и его теплое дыхание коснулось моей шеи.

— Я справлюсь. Не забывай, ты пьешь с взрослыми ребятами.

Я закатила глаза.

Сокращая между нами расстояние, он поцеловал меня в щеку.

— Сядь куда-нибудь, где более комфортно. Я ненадолго.

Когда я не сдвинулась, он издал недовольный звук, а затем положил руки мне на бедра. Без каких-либо усилий он снял меня со стойки, поставил на пол и шлепнул по заднице, что заставило меня вылететь из кухни.

Я уселась на диван, посмотрев на него.

— Счастлив?

Кайлер склонил голову набок и взглянул так, словно хотел что-то сказать. Но затем просто улыбнулся.

— Я собираюсь научить тебя кататься на сноуборде. Знаешь, да?

Рассмеявшись, я откинулась на подушку.

— Ну, удачи тебе с этим.

— Слишком мало веры в меня. У меня есть опыт.

— Не сомневаюсь, — сухо ответила я, смотря на Рождественскую елку напротив окна.

Кайлер расхохотался, прекрасным, глубоким смехом, и мои мышцы напряглись.

— Не желаешь узнать обо всех моих талантах?

— Ну, это не сложно. Могу опросить 90 % девушек на своем этаже.

Бесстыдно усмехаясь, он вышел из комнаты, направляясь в свою спальню.

— Вообще-то, 89 %. Не успел переспать с одной из комнаты в конце коридора. Она просто...

— Не хочу даже знать.

— Ревнуешь?

— Точно нет, — ответила я, включая электронную книжку.

— Ага. Убеждай себя, сколько хочешь, дорогая. Когда-нибудь ты признаешь, что бесповоротно и сильно в меня влюблена. Все дело в моем шарме — сложно устоять.

— Если бы не твое неотразимое тело, я бы поверила.

Он снова рассмеялся и развернулся. Я смотрела, как он исчезает в своей комнате с гнетущим, странным чувством в животе. Это была до боли постыдная правда, которую Кайлер никогда не узнает. Он мог шутить, дразнить меня, но он понятия не имеет о моих чувствах к нему, и пусть все останется так, как есть.

Я закинула голову и закрыла глаза, тяжело вздыхая.

Для него девушки словно нектар, меня же он никогда не хотел попробовать. Он ведет себя так со времен старшей школы, и я приняла все таким, как оно есть. И все должно так и оставаться, потому что знала — если Кайлер узнает правду, наша дружба разрушится в мгновении ока.

Кайлер

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Мои ноги стучали по очищенной части тротуара, которой было не так уж и много, дыхание собиралось в маленькие белые облака. Я правда мог пропустить пробежку, но мне необходимо было выбраться и встряхнуться.

Я нуждался в пробежке.

Огонь в моих мышцах и холодный воздух чертовски хорошо прочищали мозги, но кислое дерьмо до сих пор плавало в желудке, и я ничего не мог поделать с выпитым алкоголем.

Я должен был знать.

Сидни всегда приходила рано, до одержимости. Сегодняшний день не стал исключением. Все из-за случая в 4 классе, она опоздала, и ей пришлось шагать на урок одной. Все пялились на нее, когда она споткнулась и уронила свой радужный портфель. Школьный хулиган — Крис Генри — начал смеяться над ней, в итоге засмеялось полкласса.

За это я его ударил. Меня вызвали в кабинет директора, но оно того стоило. Боже, сама мысль об этом пробуждает желание снова ударить Генри.

И я хотел двинуть себе по башке — за сегодняшнее утро.

Последняя вещь, которую я хотел, чтобы видела Сидни — позорный уход. Это, конечно, не впервые, но каждый раз, когда случается, я клянусь, что такого больше не повторится.

Оббежав квартал, я направился к небольшому парку и перешел на траву. Мои мысли уносило в очень странном направлении. Когда я впервые встретил Сид, моя жизнь сильно отличалась от нынешней. Мать и отец едва сводили концы с концами, управляя купленным баром. Нашим пропитанием были талоны на еду, а моя одежда была из местного Гудвилля³. После смерти отца, когда я учился в средней школе, у нас забрали бар.

Гребаная авария унесла его жизнь, а он так и не смог воплотить все свои мечты.

Мама вложила его страховку в реставрационный бизнес. Теперь у нее есть деньги и невероятный успех, я же должен буду управлять всем этим. Но вы можете запихать мою задницу в дизайнерские джинсы, кроссовки и новую машину, и все равно я буду бедным парнем из трейлерного парка, который не мог поверить, что симпатичная маленькая девочка из класса захочет с ним подружиться.

Мысли уносило в еще более странном направлении. Я вспомнил случай, когда взобрался на дерево, чтобы попасть в ее комнату. Она болела мононуклеозом, и наши родители не разрешали нам видеться по понятным причинам, но я волновался за нее. Сид всегда была маленькой, и мне казалось, что я должен заботиться о ней.

Я свалился с долбаного дерева и чуть не сломал ногу.

Больше наши родители не пытались нас разлучить, но в любом случае это было неважно, потому что через неделю меня подкосил мононуклеоз. Она была так счастлива, когда я, наконец-таки, притащил свою задницу в ее спальню. Несмотря на болезнь, в тот момент улыбка озарила ее лицо и голубые глаза засияли.

Всегда сходил с ума по ее глазам.

И так было всегда. Год за годом, встречая меня, она улыбалась, и ее глаза становились невероятно яркими и голубыми. Так что видеть ее разочарованный взгляд, когда какая-то

девчонка выползала из моей комнаты, было равносильно убийству.

Бог мой, я облажался. Один из сотни, если даже не тысячи перепихов, и каждый раз я до смерти боюсь, что это в последний раз. Что с нее хватит — девок, вечеринок — она поймет, что ей будет в тысячу раз лучше без меня, и уйдет из моей жизни.

Когда-нибудь это случится. Я знаю.

Делая круг по парку, я ускорился. Сидни совершенство — олицетворение идеальной женщины. Она чиста и свежа. Она неприкасаема.

Она для меня все.

Лучшую часть жизни я провел в попытках не облажаться перед Сид, но в итоге с треском провалился. Я видел ее взгляд, когда Минди выходила из ванной, и она видимо решила, что я переспал с этой крошкой. Вполне логично, но у меня все-таки есть принципы.

Совершенно уверен, что не приглашал Минди, но в итоге вот она, в моей квартире. Я перетащил ее пьяную задницу на диван и закрыл дверь своей спальни, только и всего. Не виню Сид в том, что она сразу подумала самое худшее. И нет никакого смысла переубеждать ее.

Это все равно ничего не изменит.

Сидни Белл всегда была и будет для меня слишком недостижимой.

Сидни

Примерно час спустя Кайлер был чистым и одетым. Скрывать такое тело — это грех, но каким-то образом ему удавалось выглядеть хорошо в худи с эмблемой университета, джинсах и с влажными волосами, спадающими на лоб.

Он повесил на плечо гитару, и я не могла не восхититься — парень действительно умел играть. А его пальцы? То, как он перебирал ими струны, заставляло мое воображение ликовать.

Нет ничего сексуальнее парня, играющего на гитаре. Ну ладно. Может, еще парня с мотоциклом. Это тоже горячо.

Я вздохнула, выходя за ним на улицу и натягивая перчатки. Мне нужен перепих, потому что мозг заклинило на сексе. Крайне забавно, учитывая, что я вообще не беру во внимание первый — и единственный — раз, когда занималась им. И честно говоря, не понимаю, что тут такого особенного. Знаю, что-то должно быть, раз все говорят об этом, и, судя по бесконечному потоку девушек Кайлера, есть что-то большее кроме толкания, боли и странных звуков. Выкинув эти мысли из головы, я сфокусировалась на менее смущающих вещах.

— Думаешь, буря обойдет нас стороной?

Пока он бегал, я посмотрела новости. Говорили про снежную бурю. Еще вначале недели передавали, что она не затронет Западную Вирджинию, но, кажется, теперь движется южнее, чем ожидалось.

Неся наши чемоданы, Кайлер остановился у своего Дюранго⁴.

— Мы едем на лыжный курорт, Сид, где повсюду снег. Еще немного не повредит.

Я подошла, чтобы взять чемодан, но он отодвинул меня. Вглядываясь в серое небо, я начала грызть ноготь.

— Говорят, это может быть бурей века, или вроде того.

Он рассмеялся, потянувшись и вытащив мою руку изо рта.

— Типа как Снежный Армагеддон?

Я улыбнулась.

— Ага, вроде того. Может, позвонить Андреа и узнать, хотят ли они переждать и спросить, обойдет ли стороной эту часть Западной Виржинии? Она едет с Таннером и остальными. Пол сам по себе.

Улыбка исчезла с его лица, когда он закрыл заднее окно и подошел ко мне. Он открыл дверь.

— Кто пригласил этого придурка?

Я села на пассажирское сидение.

— Пол не придурок.

— Он мудака. — Кайлер захлопнул дверь. Я смотрела, как он обходит машину и, садясь за руль, продолжает разговор. — Кто пригласил его? Андреа?

Мне казалось, что неприязнь Кайлера к Полу распространяется только на одну ночь, слишком много выпитого и все такое.

— В чем проблема? Пол довольно классный, он всегда вежлив с тобой. Что не так?

Кайлер выехал на дорогу. Его челюсть заметно напряглась, и мне показалось, что он ломает себе зубы.

— Он мне не нравится.

Я нахмурилась, качая головой.

— Ладно. В любом случае, я пригласила его, надеюсь, ты не будешь вести себя как кретин.

— Ты пригласила? — Он взглянул на меня, перед тем как вновь вернуться к дороге. — Ты пригласила его к моей матери, не спросив меня?

Глядя на него, я пыталась понять, откуда такое отношение. Кайлер иногда бывал не в духе. Вероятно, сейчас один из таких моментов.

— Я говорила *несколько недель* назад, и у тебя не возникло никаких проблем.

— Должно быть, я был пьян, когда ты спрашивала, — пробормотал он. — Пол? Он тебе нравится или как?

— Что? — Я уставилась на него. — Он милый парень.

Его длинные пальцы выпустили руль.

— Я спрашивал не об этом.

У меня ушло несколько секунд на ответ. Пол был *действительно* милым и смешным, и вероятно я не скину его с моей постели, если он будет есть в ней крекеры.

— Нет, — наконец ответила я. — Мне он *не нравится*.

Кайлер не произнес ни слова, пока мы не выехали на кольцевую автодорогу.

— Ты ему нравишься.

Я вскинула бровь, вспоминая, как он обвинил Пола в том, что тот пялится на нас.

— Думаешь?

Он кивнул.

Андреа говорила то же самое бесконечное количество раз, но я всегда думала, что это для того, чтобы отвлечь меня от Кайлера.

— С чего ты взял, вы же не лучшие друзья навеки?

Он взглянул на меня.

— Знаешь, насколько сильно он хочет тебя?

— Что? — Я разочарованно вскинула руки. — Это глупый разговор.

Кайлер сверкнул улыбкой, но его глаза были настолько темными, что казались почти черными.

— Я парень. Я знаю, когда другой парень хочет девчонку. Все дело во взгляде. Говорит сам за себя.

Я грызла ноготь. Может, что-нибудь могло и выйти, потому что изнемогать по Кайлеру слишком глупо, и если Пол в силах...

— Он пялится на тебя каждый раз, когда мы гуляем. — Он замолчал и потянулся, хватая меня за рукав, пока я не опустила руку. — И если хочешь знать, как именно он на тебя пялится, то это больше похоже на траханье глазами.

— Вау, прямо романтика. — Вспышка удовольствия прошла сквозь меня, круто знать, что кто-то считает меня желанной, даже если это не тот самый человек.

Он фыркнул.

— Серьезно. Хотя не знаю, на что он рассчитывает.

Я медленно повернулась к нему.

— И что это значит?

— Пытаясь сблизиться с тобой, — закончил он, сузив глаза, вглядываясь в зеленый знак. — Он не дружит с головой. Ты не...

Гнев наполнил меня, растекаясь по венам, словно кислота. Знаю, что не отношусь к тому типу девушек, с которых парни каждый день скидывают нижнее белье, но я была не настолько плоха, чтобы считать, что парень не в своем уме из-за желания переспать со мной.

Злость закипала во мне, как вода, но под этим всем скрывалась сильная боль, наполнившая мои слова.

— Я не что? Не такая девчонка, которая спит с парнями, случайно встреченными в баре? Кто-то у кого есть вкус и чувство достоинства?

Он вскинул брови.

— Эй. Это...

— Ты связываешься именно с такими, — оборвала я его, сжав кулаки. — И только потому, что я другая, ни один парень не захочет быть со мной? Возможно, у Пола есть вкус, и ему нет дела до девок по имени *Минди*.

— Ладно, — медленно произнес он. Его челюсть напряглась, когда он посмотрел прямо. — Во-первых, насколько я знаю, у меня превосходный вкус. Во-вторых, я взрослый. Так же как и девушки, с которыми я общаюсь. В-третьих... — *Сколько аргументов он собирается привести?* — Веселиться — это нормально, Сид. Веселиться. Помимо книг и занятий есть что-то еще.

Моя челюсть упала.

— Я знаю, как веселиться, идиот.

Кайлер ухмыльнулся.

— Чушь. Ты самый сдержанный человек из всех, кого я знаю. Ты...

— Если скажешь фригидная, то получишь пинок и разбитую машину. — Мое сердце болезненно сжалось. — Я не шучу.

Он взглянул на меня, почти что испуганно.

— Я не собирался говорить такое, Сид. *Никогда бы* так не сказал.

— Как хочешь, — пробормотала я.

— Так или иначе, ты отвлекла меня от последнего аргумента.

— О, ну продолжай.

Приводящая в ярость полуулыбка снова вернулась.

— С моими *друзьями*, которых я привожу домой, все в порядке.

— Но что-то не так со мной? — В тот момент, когда эти слова покинули мой рот, я захотела наложить на себя руки. Не думаю, что могла звучать еще более жалко.

— Кроме того факта, что тебе следует носить табличку «общение с риском для здоровья»? Нет. С тобой все в порядке, дорогая.

— О, заткнись к чертям собачьим.

Кайлер сделал глубокий вдох и медленный выдох, верный знак того, что скоро он потеряет терпение.

— Иногда я не знаю, почему мы друзья, — произнес он, пробежавшись рукой по волосам. — Честно, не знаю.

Слезы подступили к моим глазам, и я быстро переключила внимание на боковое окно. Грудь сдавило сильнейшей болью настолько, что стало тяжело дышать. Мы действительно были львом и раненой газелью.

— Я тоже, — прошептала я.

Поездка была довольно неловкой, до такой степени, что мысль о прыжке из движущегося транспорта начала казаться очень привлекательной. Мы попали в пробку, и это прибавило еще полтора часа к нашему путешествию, а затем попали под шквалистый снег. После небольшого спора Кайлер включил радио, выбрав станцию с тяжелым роком. Н-да. Настроение у него не очень.

Иногда я не знаю, почему мы друзья.

Ауч.

Это не первый наш спор, вот только после этого мы обычно не катаемся вместе. Я даже не могла зализать свои раны.

Примерно в часе езды от Сноушу мы остановились на заправке. Пока Кайлер ходил в магазин за едой, я позвонила Андреа.

— Где вы? — спросила я, разглядывая неровный ноготь.

Голос Андреа был приглушенным, а затем:

— Мы застряли снаружи Фредерика. Подкосила невероятно гигантская снежная буря. Нас занесло снегом. ХА. Поняла — эй! Заткнись, Таннер. Это было смешно. Скажи, что это смешно, Сидни.

— Смешно, — ответила я. — Возвращаясь к снегу — это часть того урагана? Он поменял путь?

— Похоже на то. — Она замолчала. — Вероятно, мы съедем на обочину и переждем, поэтому будем поздно.

Поздно? Еще больше времени с Кайлером. Супер. Хочу разбить голову о приборную панель.

— Что с тобой такое? — спросила Андреа. — Начало зимних каникул, наш выпускной год, а ты звучишь так, будто кто-то переехал твою кошку и подсунул ее на кровать.

Фу. Я скривилась. У меня странные друзья.

— Не знаю. Мы с Кайлером поругались, так что поездка та еще.

Андреа рассмеялась.

— Вы постоянно ссоритесь.

— Это другое.

Внезапно возникла пауза, а затем она понизила голос:

— Когда ты пришла к нему, он был с девчонкой?

Я съежилась, зная, что Таннер и кто там еще в машине могли услышать наш разговор.

— Так и знала! — воскликнула она. — Иногда он такая скотина. Ты...

— Все нормально, Андреа. — Я выглянула в окно. — Эй, он возвращается. Позвони, когда будете подъезжать. Береги себя.

— Да, ты тоже.

Кайлер сел на место, стряхивая с волос снег. Затем достал пластиковый пакет, вытащил имбирный эль — мой любимый — и протянул его мне.

— Спасибо, — произнесла я.

Он пробормотал что-то невнятное.

Я сделала глоток и взглянула на него. Он вскрывал пакет вяленой говядины, объезжая бензоколонки.

— Только что говорила с Андреа. Они застряли снаружи Федерика из-за снега. Будут поздно. Может, мы...

— С нами все будет хорошо.

Это были последние слова, которыми мы обменялись. Остаток пути прошел в молчании. Несмотря на то, что я все еще мечтала расстегнуть ремень безопасности и наподдать ему несколько раз в живот, все-таки не хотелось начинать зимние каникулы таким образом. Все равно нам придется вместе ехать домой к семьям.

Казалось, прошла вечность перед тем, как мы увидели указатель на Сноушу, прямо за пределами Мэрлингтона. К тому моменту снегопад стих.

Гора Сноушу была действительно прекрасной. Как будто зимняя страна чудес со свежим снегом и главным коттеджем с несколькими этажами, волшебным образом размещенным между высокими, покрытыми снегом вязами и склонами. Вниз по узкой улице между квартирными домами и деловыми центрами в ряд выстроились фонарные столбы, а деревянные домики прижимались друг к другу, напоминая мне Северный Полюс. Под тяжелыми облаками и в вечерних сумерках мерцающие белые огни окружали столбы, и елочки уже светились.

Мы проехали мимо Старбакса с переливающимися Рождественскими огнями, оттуда вышла группа людей, смеясь и неся в руках дымящиеся стаканчики с кофе.

Боже, я скучала по своему капучино.

Как только мы поднялись на холм, я заметила горнолыжные подъемники. Эти штуки пугали меня. Ноги болтаются в воздухе, и ты должен что, прыгать? Ага, вот уж веселье. Свернуться у камина и читать хорошую книгу? Это по мне.

Я взглянула на Кайлера. Напряжение покинуло его, а глаза сияли и уже наполнились восторгом. Он любил Шей Ревендж, самый жуткий склон Сноушу. Один взгляд на полторы тысячи метров вертикального склона — и ко мне подступала тошнота.

Квин Лодж находился прямо рядом со склонами и одним из частных домов. Высотой в два этажа, с многочисленными спальнями и навороченным подвалом с огромным экраном, бильярдным столом и еще кучей игрушек для парней. Все это будет нашим ровно на неделю.

Кайлер ударил по тормозам и вылез, набирая код безопасности на двери гаража. С громким скрежетом она открылась. По привычке я отстегнула ремень безопасности и переместилась на водительское место. Кайлер исчез в гараже, и секундой позже свет залил помещение.

Я едва дотягивалась до педалей, но все-таки припарковала машину между тремя снегоходами. Заглушив двигатель, я открыла дверь и начала вылезать, но внезапно появился

Кайлер.

До того как я смогла выдавить хоть слово, его руки легли на мои бедра. От такого интимного жеста я задержала дыхание. Уже во второй раз его руки касаются моих бедер. Я, конечно, очень даже за, но жар разнесся по моим венам, и мое бедное тело могло только воспринимать происходящее.

— Эй, — бодро произнес он. — Ты размером с чихуахуа. Покалечишься.

Кайлер вытащил меня из Дюранго, а мои руки сжали его плечи. Мускулы напряглись под ними, и едкий комментарий застрял на моем языке. Он прикасался ко мне, а это значит, что больше не сердится. Учитывая положения его рук, я даже смутно не понимала, по какой причине на него разозлилась.

— Ну вот, жива и здорова.

Я что-то промямлила — без понятия что. Зная, что если посмотрю на него, и учитывая близость наших губ, я вероятнее всего поцелую его и опозорюсь. Я сфокусировала взгляд на его черных потертых ботинках. Поцелуй? Мне не следует даже думать об этом, по ряду причин. Он видит во мне друга, и кто знает, в каких местах находились его губы за последние сутки. Такие мысли должны были бы поубавить мой пыл, но нет. Воображение рисовало, как он проводит руками по моим бедрам и кладет их на мою задницу. От таких мыслей кожу начало покалывать. Жар прилил к моим щекам, и я затаила дыхание.

— О чем думаешь?

Моя голова дернулась из-за того, насколько глубоким был прозвучавший голос, и он отпустил мои бедра. Я уже скучала по прикосновению.

— Эм, ни о чем... совсем ни о чем.

Он вскинул бровь, но ничего не ответил.

— Хочешь подняться и включить свет, пока я буду тащить чемоданы?

Обрадовавшись возможности ускользнуть, я кивнула и практически побежала к двери. Что за черт? Руки тряслись, пока я открывала дверь в небольшой коридор, который вел в подвал. Ударив рукой по стене, я приказала себе собраться. Не могу провести всю неделю в желании недостижимого.

Отыскав выключатель, я хлопнула по нему и поспешила обойти бильярдные столы. В воздухе витал запах корицы и хвои. Я поднялась по лестнице и ступила на первый этаж. Внутри дом был таким же прекрасным, как и снаружи. Широкое квадратное фойе вело в огромную гостиную с просторной кухней и обеденной зоной для торжественных случаев.

Должно быть, мама Кайлера была здесь совсем недавно. Прямо напротив окон в фойе стояла елка. Под ней лежало два подарка.

С любопытством я подошла к дереву. Наклонившись и взяв подарок в красно-зеленой обертке, я прочитала прикрепленную к нему записку.

Сидни — открой его, когда будешь дома, Рождественским утром. Не жульничать!

Люблю, Мэри.

Я улыбнулась и положила подарок обратно под елку. Там лежал и другой, для Кайлера, а на подоконнике стояло еще несколько для всех наших друзей. Мама Кайлера просто чудо. Несмотря на тот факт, что она сколотила целое состояние на собственном бизнесе, она была одной из самых милых женщин, которых я когда-либо знала.

— Что у тебя там? — спросил Кайлер, ставя на пол гитару.

Я развернулась, с радостью обнаружив, что не поддалась искушению провести рукой по пряжке, спадающей на его лоб.

— Твоя мама оставила нам подарки, но их нельзя открывать, пока мы не приедем домой и не наступит Рождество.

Он рассмеялся, поворачиваясь к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Готов поспорить, там дурацкий Рождественский свитер.

Я последовала за ним.

— Твоя мама никогда не дарит дурацкие подарки.

— Да. Обычно это делает *твоя* мама.

— Действительно, — ответила я, проведя рукой по отполированной балясине. Когда дело касается Рождества, мама становится невероятно сентиментальной. — Знаешь, я могу понести свои вещи.

— Девушкам не следует таскать чемоданы, — он обернулся. — Особенно таким, которые весят 40 кг.

Я закатила глаза.

— Не понимаю, о ком ты говоришь, потому что одна лишь моя задница весит 40 кг.

— Ага.

Он остановился на последнем лестничном пролете. Здесь размещалось пять спален, каждая со своей собственной ванной.

— Какую выберешь? Андреа будет с Таннером, так?

Все зависит от того, захотят ли они прикончить друг друга по приезде сюда. Но я кивнула.

— Подойдет любая, правда.

— Как насчет этой?

Он прошел дальше по коридору, останавливаясь между последними двумя комнатами. Комната, в которой он обычно жил, находилась прямо по коридору. Ничего не могла с собой поделать, но подумала, что таким образом он будет слышать, кто входит и выходит отсюда. Не то чтобы я собиралась кого-то приводить.

А что насчет него? Я вздохнула. Будет напоминать автобусную остановку.

Когда я снова кивнула, он толкнул дверь и вошел, кладя мой чемодан на темно-коричневое покрывало.

— Думал пойти в главный коттедж, чтобы поужинать. Ты со мной?

Остаться здесь и дать ему пространство казалось хорошей идеей, но я была голодна и... ну, хотела провести с ним время.

— Конечно. Через сколько?

— Примерно через час или около.

Кайлер направился к двери и остановился, чтобы взглянуть на меня. Он как будто хотел сказать что-то, но затем его губы растянулись полуулыбке, в то время как рука сжалась на ручке спортивной сумки.

— Увидимся.

Я дождалась, пока он закроет дверь, и легла на кровать, уставившись на деревянные балки. Пора прекращать. Эта неделя не должна ничем отличаться — я не могу разрушить нашу дружбу. Мое влечение к нему закончится одним: разбитым сердцем.

И полной сексуальной неудовлетворенностью.

Сидни

Оторвав свою глупую задницу от кровати, я открыла чемодан и вытащила туалетные принадлежности. В ванной, которая была размером с комнату в общежитии, я освежилась настолько хорошо, насколько смогла. Хотелось принять душ, но мои волосы слишком длинные и густые, так что проходить через раздражающий процесс их сушки не очень-то и хочется.

Расплетая косички, я отметила, что румяна мне точно не пригодятся. Щеки все еще пылали, а глаза были немного большими. Полностью распустив одну косу, я подалась вперед и повернулась боком, вглядываясь в свое лицо. На подбородке прыщ?

Я вздохнула. Ну почему бы и нет? Класс.

Россыпь веснушек покрывала переносицу, а губы были слишком бледными. Им не доставало цвета. Моя отличительная черта — ну, по крайней мере, со слов мамы — глаза. Яркие голубые, выделяющиеся на фоне темных ресниц и волос.

Покончив с косичками, я потрясла головой, с радостью обнаружив, что волосы спадали по спине взъерошенными волнами и не выглядели так, будто я воспользовалась щипцами. Порывшись в косметичке, я выудила тушь и помаду. После пары взмахов я вернулась в спальню и начала снимать ботинки. Если не удалось помыться, то, по крайней мере, можно надеть что-нибудь чистое.

Достав все вещи, которые я привезла с собой и которых было слишком много для одной недели, я поняла, что у меня нет ничего даже отдаленно сексуального. Куча свитеров и джинсов.

Был топик, его можно одеть под кардиган, но переморозить задницу не вариант. И вот опять, никакой сексуальности. Если серьезно, кого я пытаюсь впечатлить?

Кайлера, прошептал дьявольский, стервозный голос.

Этот голос вообще не помогал.

Стянув джинсы и кинув их на пол, я сняла громоздкий свитер, позволяя ему упасть сверху. Стоя на кончиках пальцев, я достала пару зауженных темных джинсов. Будут неплохо смотреться с водолазкой. Не то чтобы дьявольский голос все верно шептал, но вполне мог подвернуться какой-нибудь горячий лыжный инструктор, и, возможно, моя спальня могла бы превратиться в железнодорожный вокзал, вместо автобусной остановки и я...

Внезапно дверь распахнулась.

— Только что звонил Таннер. Сказал...

Мое сердце остановилось, а джинсы выпали из рук. Ох, боже... мозг полностью отключился. Я тупо уставилась на Кайлера, стоя в лифчике и трусиках. Не стоит забывать про носки со снеговиком до колена, потому что они ну прямо так уж все прикрывали.

Мы стояли словно замороженные, полностью обездвижены моей наготой. Время остановилось, а Кайлер... он продолжал смотреть на меня. Даже не вспомню, когда в последний раз он видел меня голой или хотя бы полуголой. Вероятно, ни разу с того времени, как я обзавелась грудью, хотя там особо не на что глядеть. Кто-то однажды сказал, размер не имеет значения, но предполагаю, это было произнесено девушками с маленькой грудью, как у меня, для того, чтобы успокоить самих себя — боже милостивый, пора заткнуться.

Жар прилил к моим щекам, спустился к шее и южнее, к краям белого кружева, потому что чего-то еще более сексуального, чем белый лифчик и полосатые трусики-шорты я надеть не могла.

Трахни. Меня.

Это два самых ужасных слова, которые могут прийти в голову, но именно так я сейчас и думала, а Кайлер все смотрел, словно никогда не видел девушку в лифчике и трусиках, что, насколько я знала, явно *не* его случай. Но он смотрел на меня так, как я безнадежно желала того все эти годы. В его глазах был огонь и напряжение, которые ласкали мою кожу. Мои губы раскрылись, а как пульс участился, стуча в каждой клеточке моего тела.

Он смотрел точно так же, как с его слов смотрел Пол.

Кайлер никогда не глядел на меня таким образом.

Во мне все сжалось, и жгучее ощущение заскользило по спине. Ноги стали ватными.

— Господи.

Его голос был подобен взрыву, который пробудил во мне здравый смысл. Я подскочила к кровати, хватая свитер и прижимая его к себе.

— Стучаться не учили?

Он пробежался рукой по волосам.

— Дерьмо.

Я уставилась на него, и все мое тело горело по двум разным причинам. Дерьмо? И все что ли? Не «Детка, я хочу тебя» или «Фу, прикрой это дерьмо». В последнем предложении «дерьмо» хотя бы имело смысл.

А затем Кайлер рассмеялся — рассмеялся так сильно, что мне показалось, он физически пострадает.

— Извини, — выдавил он. — Но ты должна видеть выражение своего лица.

Я открыла рот.

— Выметайся.

Я схватила первую попавшуюся вещь с кровати и кинула в него.

Кайлер выставил руку и поймал мой снаряд. Его брови подскочили вверх, во мне же все упало. Что-то красное, кружевное и *объемное* выглядывало из его руки.

Мать моя.

Это был мой лифчик — мой пуш-ап лифчик от Виктории Секрет. Тот самый, в чашечки которого кладут такое количество подкладки, что он прибавляет два с лишним кг, когда его одеваешь.

Я захлопнула рот, чтобы подавить крик, растущий в горле.

Взгляд Кайлера переместился от лифчика ко мне, а затем снова к лифчику.

— Ты *это* носишь?

Не в состоянии ответить и зная, что мой ответ будет невразумительным, я промолчала.

Он прошел к кровати и положил лифчик так, будто бы это какое-то дикое животное, которое собирается обернуться вокруг его лица. Его ресницы поднялись, взгляд встретился с моим. Смех плескался в глазах.

— Тогда понятно, почему чемодан такой тяжелый.

— Убирайся! — прокричала я.

Рассмеявшись, он медленно отошел.

— Не хочешь узнать, зачем звонил Таннер?

Я перенесла свой вес с одной ноги на другую.

— Что, если нет?

— Все равно скажу. — Он сверкнул улыбкой. — Они встретились с остальными, но проведут ночь во Фредерике. Там идет сильный снег.

Ну, касаясь этого момента я ожидала, что все и вся пойдет не так.

— Черт. Думаешь, здесь тоже что-то произойдет?

— Не знаю. Думаю пойти послушать новости, пока ты одеваешься. — Кайлер подошел к двери и добавил. — Красотка.

— Да заткнись ты, не-стучащий-в-дверь-перец.

— Кстати, милое бельишко, — произнес он, просовывая голову обратно в комнату. — Мне нравится цветовая гамма. Она зависит от дня недели?

Я закричала.

Кайлер

Закрывая за собой дверь, я прислонился к ней головой и уставился на бревна. Мама фанатела от деревенского стиля. Я же думал, это заставляет дом выглядеть недостроенным.

Сфокусировавшись на дубовых бревнах, я отчаянно пытался избавиться от картинки голой Сидни в моей голове. Не помогало. Бревна превращались в бедра и грудь.

Блин.

Мать Божья, *не это* я ожидал увидеть, открыв дверь. Я также не ожидал, что Сид будет такой... фигуристой под одеждой. Она была маленькой, едва достигала моей груди, и я полагал, ее фигура лишена изгибов, учитывая, что в последний раз видел ее почти голой в средней школе. С тех пор я не видел ее даже в купальнике.

У девочки были бедра, мягко расширяющиеся от узкой талии. Для такого низкого роста ее ноги выглядели невероятно длинными, когда их ничто не скрывало. А грудь?

Я потер ладонью подбородок и закрыл глаза.

Она была маленькой, но размер полностью ей подходил, и готов поспорить, под этим скромным белым лифчиком была невероятно упругой, а кончики темно-розовыми — воу. Что за черт? Перестань думать о ее грудях. Совершенно за рамками.

Но ввиду того, что я парень и мной полностью завладела картинка, я представил их в своих руках и ее, изогнувшуюся от моего прикосновения...

— Твою ж мать, — прорычал я. Желание смешалось с мстостью — такое обжигающее, почти сводящее с ума желание, которое не приведет ни к чему хорошему.

А как она смотрела на меня? Нет. Быть не может. Наверное, мне показалось, потому что это Сид, бога ради. Она была *моей* Сид, но никогда в *этом* смысле. Ни за что на свете она не будет смотреть на меня своими детскими голубыми глазами с желанием. Таким, будто бы она хотела, чтобы я что-нибудь предпринял в связи с ее наготой.

Таким, будто бы она хотела, чтобы я *смотрел* на нее.

Ну, я определенно *смотрел* на нее.

Вероятно, я теряю рассудок, потому что Сид никогда на меня так не глядела. Она просто не думала обо мне в этом смысле, или — насколько я знаю — о любом другом парне. С тех пор, как мудака Нейт все испортил. С этого момента она больше не ходит на свидания. Меня такой расклад устраивает, потому что я еще не встретил подходящего для нее парня, и это определенно не я, не после того, что она сказала в машине по пути сюда.

Я открыл дверь и пересек спальню. Стаскивая через голову худи, я бросил его и футболку под ним на кровать.

Я направился в душ, не потому, что он нужен, а потому, что необходимо чем-то занять

себя перед тем, как я совершу действительно что-нибудь глупое.

А глупости во мне много — слишком много.

Когда я залез под горячий поток воды, я все еще боролся со стояком, убеждая себя, что он не имеет никакого отношения к Сид. Возможно, причина в том, что прошлой ночью у меня так и не случилось перепиха. Да, именно так. Был только один способ разобраться с этим, не прибегая к холодному душу. Прислонившись головой к скользкому кафелю, я потянулся вниз и закрыл глаза.

Было быстро. Было сильно. И все это время я думал о неправильном человеке.

Сидни

Я смотрела в конец бара, разглядывая бутылки с жидкостью так, словно это единственные вещи в мире, способные избавить меня от унижения. Они правда могут, потому что если я напьюсь, то вероятно забуду на то, что Кайлер увидел меня в нижнем белье и рассмеялся.

Он рассмеялся.

Бар был забит, и все говорили про снежную бурю, которая, по-видимому, собиралась атаковать Западную Вирджинию. Уже слишком поздно уезжать. Оставалось только надеяться, что не станет также ужасно, как и предсказывали.

Я протиснулась между блондинкой и каким-то парнем во фланелевом пиджаке. Оглянувшись через плечо, я вздохнула. Кайлер находился именно там, где я его и оставила, полностью поглощен статной брюнеткой, которую, по всей видимости, он знал с дааавних пор. Ее зовут Саша. Выглядела она в точности как Саша.

Ох, послушайте меня, я такая язвительная стерва.

Я видела, как она кладет свою кисть ему на плечо и наклоняется ближе, так, что ее грудь — гораздо больше моей — прижимается к его руке. Она что-то говорит, и он улыбается. Не той широкой улыбкой, от которой появляются ямочки, а больше походящей на кота, готового съесть целую клетку с канарейками.

На мгновение Кайлер поднимает голову, выискивая меня среди переполненных столиков. Я отворачиваюсь и понимаю, что уставилась на узкий черный галстук бармена. Мило.

Он улыбается.

— Что будешь, сладкая?

— Стопку Хосэ.

Бармен слегка приподнял брови.

— Удостоверение?

Я вытащила и протянула его.

Он проверил, а затем вернул обратно.

— Едва двадцать один. — В его голосе проскользнуло удивление. — Думал, тебе 18.

— История всей моей жизни. — Я наклонилась к стойке, протягивая кредитку.

Бармен рассмеялся, разворачиваясь, чтобы взять бутылку с полки. Никогда не знала, чем заниматься बारे. Напоминало неловкий опыт в том, как бы не выделиться и не создать впечатление, что я не своя. А еще я напоминала несовершеннолетку, и это определенно не шло мне на пользу.

— Текила? — произнес голос за моей спиной. — Дама моего сердца.

Я повернулась и взглянула выше, и выше. Прямо за мной стоял добродушный парень, одетый *не* в куртку лесоруба. Темные волосы завивались на его лбу и висках. Он не был

похож на Кайлера — более крупный и широкий.

То, что надо.

— Поклонник текилы? — спросила я, наконец-то обретя голос.

Появилась легкая улыбка.

— Ничто не согревает тебя быстрее, чем текила. Она здесь просто необходима.

— Ты местный?

Он кивнул:

— Работаю во время зимы.

— Лыжный инструктор?

— Как догадалась?

Вспомнив свое желание познакомиться с инструктором по лыжам, я практически рассмеялась. Стопка текилы приземлилась на стойку, и я взяла ее. Закинув назад голову, я поднесла маленький стаканчик к губам. Чего я точно не ожидала, так это обжигающего ощущения в горле.

Текила растеклась вниз по горлу, как бензин, и направилась дальше. Я повернулась к бару, втягивая воздух и отчаянно пытаюсь подавить рвотный рефлекс.

— Блин!

Мистер Лыжный Инструктор рассмеялся, похлопывая меня по спине.

— Ты в порядке? Первая стопка всегда безжалостна.

— Ага, — выдавила я, смахивая слезы, выступившие на глаза. Убедившись, что меня точно не стошнит на него, я повернулась. — Ого.

Он улыбнулся.

— Все не так плохо.

— Ну да, как же.

Думаю, теперь я огнеопасна.

— Я не представился, — произнес он, протягивая свободную руку. В другой находилась бутылка пива. — Я Зак.

— Сидни.

Я пожала руку. Она была немного грубоватой.

Он задержал мою руку немного дольше, чем следовало. Наконец-то выпустив ее, он прислонился бедром к стойке.

— Очевидно, ты не местная.

— Нет. — Я убрала волосы назад и улыбнулась.

— Ты с ним? — Он повел плечом в сторону Кайлера. Когда я кивнула, он наклонил голову вбок.

— Друзья или...?

— Друзья, — автоматически ответила я, и жгучий вкус текилы, кажется, уменьшил боль от сказанного.

Зак приподнял брови.

— Не думаю, что Кайлер когда-либо просто дружил с симпатичными девушками.

Его комплимент затерялся на фоне правдивости сказанного.

— Ну, я знаю Кайлера всю свою жизнь.

Я вздохнула и медленно выдохнула.

— Так ты знаком с Кайлером?

Он кивнул.

— Не слишком хорошо, просто со времен, когда он здесь появляется. И так... здесь только вы вдвоем?

— Мы планировали провести здесь пару дней с несколькими друзьями. Большинству из них пока не удалось добраться. Я из Хагерстауна.

— О. Круто. — Он сделал глоток пива. — И где ваши друзья?

— За Фредериком, — сказала я, оборачиваясь. Не вижу Кайлера среди всей этой толпы. Не то чтобы я искала. — Их подкосил снег, так что они попытаются приехать завтра.

Я *очень* пыталась не думать об этом.

Легкая улыбка растянулась, и я осознала, насколько он привлекателен.

— Думаю, время для еще одной стопки. Я плачу.

Мой взгляд переместился за Зака, туда, где находился Кайлер, все еще с сексуальной Сашей. Теперь он не обращал на нее внимания. Вместо этого он посмотрел на меня так, будто бы готов встать, пронестись через бар и сказать, что мне пора в постельку.

Он не посмеет.

Кайлер сощурил глаза.

О нет.

Пару месяцев назад, празднуя свой День рождения, во время которого я позволила себе выпить, Кайлер отправил меня домой еще до того, как я дошла до второго «Секса на пляже», ссылаясь на то, что люди в клубе становятся слишком буйными.

Во мне закружились злость и отчаяние, смешиваясь со стопкой текилы. Кайлер сказал, что я не знаю, как веселиться. Очевидно, я была такой же интересной, как и статистическая формула в понедельник. Возможно, это правда. На данный момент часть меня хотела вернуться в дом и взять книгу, которую я читала. Еще, возможно, съесть немного попкорна. О, и я достала бы ту пару пушистых носков, которые были очень уютными и...

— Сидни?

Внезапно из всех сумасшедших моментов, о которых я могла подумать, в голову пришел Нейтан Балерс. Я не вспоминала о нем уже больше года. Он был моим единственным парнем, парнем, с которым я встречалась 2 года в старшей школе и большую часть первого курса в колледже.

Оглядываясь назад, не могу сказать, была ли в него влюблена. На тот период казалось, что да. Единственный парень, который меня интересовал больше Нейта, был недостижим — и так до сих пор, — а Нейт был рядом. Спокойный. Смешной. Умный. Милый. Пока мы занимались другими вещами — то есть пока я занималась другими вещами, чтобы не чувствовать себя самой паршивой подружкой на земле — мы ждали начала первого курса, чтобы заняться реальным сексом.

В этом не было ничего фантастического. И, вероятно, он тоже так считал. Было больно, а когда боль исчезла и *практически* началось удовольствие, все закончилось. Нейт порвал со мной ровно через неделю.

Через СМС.

Несколькими днями позже Кайлер услышал, как Нейт раскрыл рот на вечеринке братства. Предположительно, он рассказывал парням, что я фригидная настолько, что ему стоило усилий оставаться возбужденным.

После этого завязалась драка, в которой Кайлер получил сломанный нос, а Нейт — сломанную челюсть и сильную хромоту на несколько недель.

Нейтан Балерс может идти на хрен.

Я знала, как веселиться. Я знала, как потерять контроль. И я не была фригидной.
Улыбаясь, я повернулась к Заку и произнесла:
— Еще стопка — то, что надо.

Сидни

Еще стопка перетекла в еще несколько, и, честно говоря, я потеряла им счет. В определенный момент я поняла, что Зак самый смешной человек на Земле, ну, по крайней мере, так казалось, потому что не могла перестать смеяться. Но с другой стороны, уверена на все сто, меня рассмешила бы и автокатастрофа на шоссе.

Кто-то включил проигрыватель, и заиграли «Сельские дороги». Без понятия, что там за слова, но я подпевала. И когда Мальчик Заки взял меня за руку и потянул к маленькому танцполу рядом с коридором, ведущим в уборную, я не возражала.

Зато возражал бармен.

— Может, тебе лучше посидеть, милая.

— Я в норме. — Широкая улыбка приклеилась к лицу.

Зак потянул мою руку.

— Ты слышал. Она в норме.

Взгляд бармена переместился от меня к нему.

— Она не местная, Зак.

— Он знает это, — отметила я.

— Не забывай, Зак.

Слова прозвучали как предупреждение, но в этом не было смысла, и Зак, так или иначе, потащил меня на квадратный участок пола.

Мы начали танцевать, и наши ноги соприкоснулись. Когда я развернулась, его руки легли на мои бедра. Я была не против. Не думаю, что меня вообще что-то заботило. Музыка гудела в венах. Или это была текила. Как бы то ни было, не суть. Через несколько минут я вспотела и подняла волосы с шеи. Моя кофта задралась, обнажая участок кожи.

Пальцы пробежались по моему животу, опарашивая меня.

— Ты невероятно сексуальна, — произнес Зак, его ладонь лежала на моем животе, пальцы двигались дальше. — Правда.

От такого утверждения я вскинула брови.

Зак наклонил голову, потеревшись подбородком о мое лицо. Легкая щетина заставила меня вздрогнуть.

— Нам стоит...

Моя задница завибрировала, отвлекая меня.

— погоди секунду, — произнесла я, отступая, пока вытаскивала телефон из заднего кармана. Сообщение от Андреа. Я подняла голову.

— Сейчас вернусь. Это моя подруга.

Улыбка Зака немного померкла, но он кивнул.

— Буду ждать.

Я выскользнула в коридор, там было немного прохладнее и тише.

Сообщение:

«Тоска. Как у тебя?»

«В баре. Танцую с лыжным инструктором».

Я отправила это с огромной глуповатой улыбкой.

«Правда? Где Кайлер?»

Улыбка тут же исчезла.

«С какой-то цыпочкой по имени Саша».

Мы обменялись парой смс, пока я находилась в уборной. Когда я возвращалась в коридор, Андреа поинтересовалась, какие у меня планы на Зака.

«Не знаю. Еще потанцуем?»

«Покажи ему чистки».

— Покажи чистки? — произнесла я вслух. Ну не настолько же пьяна. Покачав головой, я отправила ей сообщение:

«Чистки?»

Секундой позже:

«Сиськи! Долбаная автокоррекция!»

— А. Сиськи. Тогда понятно, — пробормотала я, убирая телефон в задний карман. Шикарный совет от Андреа.

— Ты стоишь здесь одна и говоришь про сиськи? — произнес Кайлер сзади.

Я слегка вскрикнула и развернулась.

— Боже...

Появилась эта сексуальная полуулыбка.

— Мне стоит лучше за тобой присматривать, раз уж ты ведешь такие разговоры в одиночку.

Можно я тихо заползу под стул и умру?

— Это Андреа.

Он наклонил голову в сторону.

— Ты говоришь про сиськи Андреа?

— Нет. Про свои.

Интерес вспыхнул в его глазах, делая их цвет темнее.

— Так, становится все лучше.

Я закрыла рот, мечтая о самоубийстве.

— Нет... неважно. Мне пора.

— Пора куда? — Он поймал меня за руку, когда я проходила мимо, заставляя затормозить. В узком коридоре наши бедра соприкоснулись. Он наклонил голову, сузив глаза. Медленная улыбка растекалась по губам. — Ты пьяна.

— Немного навеселе. — Я попыталась высвободить руку, но он удержал ее. — Пора возвращаться к Заку. Мы танцевали. И он сказал, что я невероятно сексуальна, поэтому мне хотелось бы еще потанцевать.

— Ну-ка повтори? — проговорил он, расширив глаза.

— Он сказал, я сексуальна. — Я взглянула на него. — Что? Сложно поверить?

Свободной рукой Кайлер подтянул мой свитер на талию. Я поежилась.

— Я не говорил этого. Саша знает его. Говорит, что он странный тип, вынужден согласиться.

— Ооо. — Я начала смеяться. — Саша его знает? Откуда?

Кайлер нахмурился.

— Саша местная и да, они встречались или типа того, Сид. Говорю тебе, я ее знаю.

— Ну, разумеется, ты ее знаешь, *знаешь*.

Он поджал губы и не отвечал несколько секунд.

— Не в этом смысле, Сид. Со мной и Сашей все по-другому.

Он не трахался с Сашей? Вау, должно быть, на всей Земле нас таких только две.

— Ну, тебе следует вернуться к Саше. А мне к странному типу.

Он вздохнул и запрокинул голову. Его откинутые назад волосы, да еще и на таком лице, придавали ему вид ангела, смотрящего на небеса.

Ладно. Есть вероятность, что я действительно пьяна.

— Почему бы тебе не пойти и сесть со мной? — Он притянул меня ближе, и на мгновение я перестала сопротивляться. Мои ноги оттолкнулись от его, и я снова уставилась на его грудь. Печально, но на нем было худ.

Я подалась вперед, прижимаясь щекой к его груди. Пах он *потрясно*. Я закрыла глаза и вдохнула его в себя.

Кайлер мягко усмехнулся.

— Сколько ты выпила, малышка?

— Не знаю, — пробормотала я. — Парочку.

Он отпустил мою руку и обнял меня за плечи.

— Что было в стопках?

— Текила, — вздохнула я.

Он удивленно рассмеялся.

— Текила? Вот дерьмо.

Я захихикала.

— Все не так уж и плохо. Немного жгло, но знаешь, сейчас я уже ничего не чувствую.

Кайлер снова рассмеялся.

— Определенно.

— Ммм...

Он протянул руку между своей грудью и моим лицом, дотрагиваясь до подбородка и приподнимая мою голову.

— Ты вернешься и сядешь со мной и Сашей?

Я отскочила. Только что я стояла вплотную к нему, но до всего этого «со мной и Сашей». Начало просачиваться разочарование, угрожая угробить мою эйфорию. Я знала, что не должна чувствовать себя плохо — или вообще что-либо чувствовать, — но все-таки чувствовала.

— Я пойду еще потанцую. Увидимся.

Биение моего сердца заглушало поток проклятий от Кайлера. Как только я покинула коридор, ко мне подскочил Зак, хватая за руку.

— Думал, ты потерялась.

— Неа, — произнесла я, позволяя ему тащить меня на танцпол. — Я была...

Рука обхватила меня за талию, заставляя остановиться. Впервые в жизни я в буквальном смысле застряла между двумя парнями. Хах.

— Эй. — Дыхание Кайлера всколыхнуло мои волосы. — Куда ты собралась?

Отличный вопрос.

Зак повернулся и нахмурился, увидев Кайлера.

— Я проводил потрясающий вечер. Что делаешь ты?

— Не твое дело. — Рука Кайлера сжалась вокруг моей талии.

Боже...

Хватка Зака была крепкой.

— Было мило увидеть тебя снова, но мы идем танцевать.

— Мне кажется, ей лучше присесть. — Кайлер обошел меня, таким образом практически загораживая. — Хорошо?

Вспыхнуло негодование.

— Мне не нужно присаживаться.

— Ты слышал своего *друга*, — ответил Зак, потянув меня. — Она не хочет сидеть, поэтому я думаю, тебе следует позволить ей решать самой.

Кайлер рассмеялся — холодным, злобным смехом, который не предвещал ничего хорошего, и взял меня за вторую руку, удерживая на месте.

— Ага, мне плевать, что ты думаешь, и уверен, ты это и так знаешь, но скажу прямо сейчас, то, что у тебя на уме, *не* произойдет.

Ух ты. Это странно. Для двух людей, которые едва друг друга знают, слишком много враждебности.

— Не понял? — произнес Зак, сузив глаза.

— Ты меня услышал.

Не знаю, что произошло дальше. Хватка Зака усилилась, и я удивленно вскрикнула. Затем Кайлер отпустил мою руку и ударил Зака в грудь, отталкивая его на несколько шагов назад.

— Ты не притронешься к ней, — прорычал Кайлер. — Понял? Ни сейчас. Ни потом.

Мне очень даже понравилась реакция Кайлера.

— Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело, — предупредил Зак, подходя на шаг ближе.

— Он лыжный инструктор. — Я почувствовала необходимость пояснить. Н-да. Фонтан полезных знаний прямо здесь.

Кайлер встал лицом к лицу с Заком. Ну, он был гораздо выше, так что смотрел на парня, опустив нос.

— Я знаю, с кем связался, *приятель*.

— Так ли это? — Зак бросился вперед, но Кайлер был быстрее. Он схватил лыжного инструктора за плечо и отбросил к панельной стене.

— Лучше подумай еще раз, — произнес Кайлер. — Без проблем протру пол твоей рожей.

Я потянула его за свитер.

— Кайлер, брось. Пошли.

Кайлер проигнорировал меня.

— Думаешь, вы, мелкие богатенькие гаденыши, можете приходить сюда и расталкивать людей? Ни за что. — Глаза Зака метнулись за плечо Кайлера. — Это же относится и к динамщицам. Кажется, твой вкус не меняется.

— Что? — Теперь, разозленная совершенно по другой причине, я попыталась обойти Кайлера. — Я не динамщица, мудак.

— Без разницы. — Зак стряхнул руку Кайлера с плеча и обогнул его, готовясь поджать хвост и убежать, но перед этим он кинул: — Желаю удачно провести время.

Кайлер выглядел так, будто собирался последовать за ним через весь бар, но недружелюбные лица, которые начали обращать внимание — вероятно, местные, — переубедили его.

— Господи, где ты нашла этого мерзкого типа, Сид?

— Эй! — Я ударила его по спине. — Он не был мерзким, пока ты не заявился.

— Неважно. Ты его не знаешь.

Он потянулся и взял меня за руку.

— Пошли. Вернемся в дом.

Его тон не предполагал возражений. Остановливаясь у столика, он попрощался с обиженной Сексуальной Сашей, а затем мы направились к выходу. Целая группа крепких парней злобно взирали из-за угла, Зак среди них, но Кайлер не замечал. Злобные взгляды со стороны здоровых парней, родившихся и выросших на Западе Виржинии, могут быть очень пугающей штукой. Предстают картинки длинной и темной лесной глуши и могилы в поспешно прикрытых канавах.

Вздрагивая, я поняла, что навожу на себя страх.

Как только мы вышли из бара, сильный ветер ударил мне в лицо. Я выдохнула.

— Черт возьми, собачий холод.

— Разве я не говорил тебе надеть пальто? — произнес Кайлер.

— Чушь! — Я высвободилась и стала топтать свежий снег, который начал падать, когда мы пришли. Было всего лишь пару дюймов, но я сметала его повсюду. — Нам лучше доехать.

— Ты хотела идти.

Он снял худи через голову.

— Возьми и одень.

Я потрясла головой и начала спускаться по склону, но Кайлер вздохнул и встал передо мной.

— Подними руки.

— А что, если я откажусь?

Его губы подернулись, пока он протягивал худи.

— Удержу тебя на месте и одену.

Звучало очень весело. Вообще-то, Кайлер, удерживающий и *раздевающий* меня, звучит куда лучше. Я вздохнула, полностью затерявшись в фантазиях. Мы могли быть похожи на снежных зайчиков⁵.

Кайлер подошел ближе, опустив подбородок.

— О чем думаешь?

— О снежных зайчиках.

Он рассмеялся глубоким смехом.

— Давай, подними руки и расскажи, почему ты так напилась. Пожалуйста?

— Ну, раз ты сказал «пожалуйста»...

Я подняла руки и почувствовала, как он подступает ближе. Он просунул мою голову через горловину, а затем перешел к рукам.

— Хотела повеселиться.

— В этом нет ничего такого. — Он продел мою левую руку через рукав и начал работать с правой, нахмутив брови в концентрации. — Но ты и раньше веселилась без всякого алкоголя.

— И? — Я сжала пальцы в кулак, и он вздохнул, стараясь разобраться с рукавом вокруг него. Я засмеялась, вытягивая руку. — Что в этом такого?

— Ничего. — Он подтянул худи вниз, и оно затопило меня, заканчиваясь прямо в районе колен. — Вот и все.

Когда я посмотрела вверх, он отошел назад, и на лице было странное выражение — типа одобрения.

— Тебе не холодно? — спросила я.

Он пожал плечами, разглаживая ткань черной термоблузки, которая была под худой.

— Переживу.

Я открыла рот, чтобы сказать «ладно», но вышло что-то совершенно другое:

— Больше не хочу быть скучной.

— Что? Дерьмо. — Кайлер пробежался рукой по волосам. — Малышка, ты не скучная.

— Нет, скучная.

Уголки его глаз сузились.

— Сидни, ты далеко не такая. Я не должен был говорить этот бред в машине. Ты идеальна...

— Прямо такая, какая я есть? — закончила я за него. — Разве это не из «Бриджит Джонс»?

— Возможно.

— Ты такой идиот.

Кайлер слегка подтолкнул меня.

— Но серьезно, Сид...

— Не хочу разговаривать.

Неожиданно я почувствовала себя не в своей тарелке. Снова шагая, я слышала, как он шел позади, попевая за мной.

— Разговаривать, разговаривать, разговаривать, — бормотала я.

Снег продолжал падать ровным легким душем, который покрывал голову и плечи. У меня было желание запрокинуть голову и поймать снежинки языком, но закончилось тем, что я раскинула руки, запрокинула голову и громко запела:

— Если ты хочешь женщину с тугой маленькой киской, то найди такую с сексуальной маленькой грудью!

Кайлер обхватил меня за талию, смеясь:

— Боже, да ты в хлам.

— Ты не слышал песню. — Я прислонилась к нему, оборачивая рукой его талию, но вместо этого обернула его бедра. Странно. — Это Хэйвен Пэйлен Поул.

Он остановил меня.

— Это Дэвид Аллен Коу, малышка.

Я нахмурилась.

— Я так и сказала.

— Как угодно.

Мы прошли — или прошаркали — примерно ярд, а затем я направилась прямо к почтовому ящику, проворчав:

— Сукин сын выпрыгнул прямо передо мной.

Кайлер остановился, качая головой:

— В данный момент ты опасна сама для себя.

— Я в норме. — Отмахнувшись от него и обходя хитрый неодушевленный агрегат, я бросила предостерегающий взгляд. — Слежу за тобой.

— Давай я тебе помогу, — предложил Кайлер. — Окей? Дотащу нас домой и буду держать подальше от ниндзя-ящиков.

Звучит как отличный план, но когда Кайлер обхватил и поднял меня, практически перебрасывая через плечо, я совершенно не была готова к такому повороту. Взвизгнула и

сразу же начала извиваться.

— Веди себя хорошо. — Он щелкнул меня по заднице.

— Эй!

Он снова щелкнул и получил отличный удар по почкам. Моя задница слишком замерзла, чтобы действительно гореть, вот его ворчание вызвало у меня улыбку. А еще вся эта позиция не слишком хорошо сказывалась на желудке, переполненном алкоголем.

Кайлер сделал три шага, и я решила, что мне *необходимо* на землю. Внезапно я выгнула спину, и он дернулся вбок, шагнув в сугроб. Я ерзала по нему, и в итоге наши ноги переплестись.

— Что ты творишь? — спросил он, пытаясь удержать меня.

— Вниз. — Я отступила, тем самым сбивая нас с ног. Кайлер перевернулся в последнюю секунду, принимая падение в сугроб на себя, и я приземлилась сверху.

Мгновение никто из нас не двигался, а затем его руки опустились к моим бедрам. Подоймой его грудь начала вздыматься медленно и затем быстрее. Громкий смех вырвался из его горла, вызывая счастливую улыбку на моем лице.

Я положила руки на его грудь и подняла голову.

Он взглянул на меня, улыбаясь. Я задержала дыхание и почувствовала головокружение.

— Ты прекрасен.

Кайлер потянулся, убирая мои волосы с лица и заправляя их за ухо.

— Думаю, это моя строчка.

— Думаешь, я прекрасна?

Его взгляд блуждал по моему лицу, как будто бы пытался запомнить каждую веснушку. Легкомыслие захлестнуло меня, будто бы я попала в пузырь.

— Я всегда думал, что ты прекрасна, Сид.

Слова были яркими, блестящими и новыми.

— Правда?

— Ага, — ответил он, его руки покинули мое лицо, возвращаясь к бедрам. — Да, думал.

Больше мне ничего не оставалось делать кроме одного. Кайлер сказал, что я прекрасна, а я всегда желала услышать это.

Поэтому я поцеловала его.

Сидни

Ну, или попыталась поцеловать.

Мои намерения полностью сошли на нет. Губы соприкоснулись с холодной щекой.

— Сид, — сказал он, и то, как было произнесено мое имя, нечто среднее между проклятием и мольбой, заставило все во мне упасть.

Его руки скользнули к моей талии, под худи и свитер. Пальцы коснулись голой кожи, и это прикосновение ощущалось невероятно остро и потрясающе. Моя спина выгнулась, и все это послужило мне сигналом к действию. Я опустила нижнюю часть тела на его и затаила дыхание, почувствовав давление на самую мягкую часть меня. Кайлер издал глубокий звук, его пальцы впились в мои бока, разжигая во мне пожар.

Кайлер передвинулся слишком быстро. Мир перевернулся сверху вниз, и внезапно я оказалась на спине, а он возвышался надо мной, волосы спадали на лоб легким беспорядком. Эй! Мне нравится, к чему все идет.

Крошечные снежинки покрывали его голову, сверкая в свете уличного фонаря.

Холодный снег проникал под одежду, но я едва ощущала его. Я была в огне. Горела внутри, мои чувства обострились, и это было самым великолепным ощущением в жизни. Я потянулась, позволяя пальцам пробежаться по его мягким волосам. Его реакция казалось инстинктивной. Он закрыл глаза и положил щеку на мою ладонь. Тепло распускалось у меня в груди.

— Ты не знаешь, что творишь, — произнес Кайлер, ловя одну из моих рук и кладя ее на снег, рядом с головой. Его пальцы окружили мое запястье крепкой хваткой.

Я поерзала под ним.

— Нет, знаю.

Он снова закрыл глаза, и когда они открылись, то были похожи на черные омуты.

— Ты слишком пьяна, Сид.

— Неа.

Мне удалось высвободить свою ногу из-под его, но затем он сел, потянув меня за собой. Секундой спустя я была на ногах, и небо слегка пошатнулось.

— Ой.

— Точно, ой, — сказал он, его голос был глубже, чем когда-либо. — Пошли домой.

— Но...

— Сидни, — отрезал он, и я вздрогнула. — Ты пьяна. Я доставлю тебя домой, и это единственное, чему я позволю случиться.

И вот снова этот тон, подразумевающий «заткнись и делай, как я говорю». Обычно я огрызалась, но сейчас в шоке. Он снова взял меня за руку и начал идти к дому. Я ковыляла рядом с ним, замешательство капало мне на мозги вместе с текилой. Не понимаю. Он привлекал меня. Сказал, что я прекрасна и так всегда считал, и я чувствовала это. Но он отверг меня.

Кайлер отверг меня.

Он никогда не отвергал *ни одну* женщину.

Мне хотелось расплакаться — сесть на снег и расплакаться. Униженная, смущенная, и все еще немного больше, чем возбужденная, я заставила себя молчать и идти. И то, и другое

было в равной степени сложно. Словесный понос выстраивался в горле. Из этого ничего хорошего не выйдет. Дорога до дома заняла целую вечность, к тому моменту я не чувствовала ни рук, ни ног, и не думаю, что виноват снег.

Кайлер выпустил мою руку и включил свет. Яркий блеск ослепил меня. Он был прямо передо мной — как раз вовремя, потому что ноги перестали работать.

Взяв меня на руки и прижав к груди, он начал подниматься по лестнице.

— Ты не должна была так напиваться, Сид. Для этого нет причин.

Я зарылась лицом в его плечо. Выслушивать выговор о пьянстве от Кайлера Квина было вершиной иронии и позора, но он был прав. Я была слишком пьяна и уже могла признать это.

Кайлер не произнес ни слова, пока поднимался по лестнице в комнату, где я жила. Он что-то сказал, опустив меня на кровать, но в тот момент, когда голова коснулась подушки, я блаженно и счастливо отключилась.

Кайлер

Что за хрень только что произошла?

Серьезно. Я ждал какого-то божественного вмешательства, чтобы получить разъяснение.

Я взглянул на Сид, полностью убежденный в том, что когда приехал на Сноушу — должно быть, попал в какую-то искривленную реальность, где она полуголая, напивается в хлам, а затем пытается поцеловать меня.

Я — идиот, а еще и разозлен. Если бы меня не было рядом, то она связалась бы со случайным лыжным инструктором. С долбанным Заком? Кислота закипела у меня в животе. Дерьмо, это вообще не укладывалось в моей голове.

Также я был на взводе, но опять же, она только ерзала на моих коленях, как и любая другая девчонка в школе. И она ощущалась чертовски хорошо на моих коленях — слишком хорошо, нереально сложно остыть.

Блин, я не должен даже думать об этом. Конечно, она привлекала меня, но не следует заходить дальше, потому что если я действительно осознаю это, тогда придется столкнуться и с другими вещами.

Я потер рукой лицо. Сид пьяна, слишком пьяна. Необходимо держать ее подальше от Хосэ.

Она двинулась. Сводя брови, она мягко хныкнула.

Я был рядом до того, как даже понял, что переместился.

— Сид?

Ответа не последовало, могу сказать, ей было не по себе. Выпрямляясь, я подавил проклятие. Не могу оставить ее в таком состоянии. А что, если ей станет плохо? Хватая подушку у изголовья кровати, я просунул руку под голову и положил под нее подушку. Она не проснулась, но перевернулась на спину.

Я улыбнулся, и мне стало интересно, поняла ли она, что легла на кровать наоборот. Догадываюсь, что нет. Передвинувшись к изголовью, я аккуратно снял с нее сапоги. Они были из искусственной овчины или вроде того и доходили до колен. Подошва была мокрая от снега.

Поставив их рядом со стулом, я обернулся и увидел, как она пытается сесть.

— Сид?

Она что-то пробормотала, и единственное слово, что я уловил было:

— Жарко.

Затем она начала стягивать худи, которое я заставил ее надеть. Через секунду оно застряло вокруг ее головы.

Я рассмеялся, когда ее руки упали по бокам.

Ее голос был приглушен, но звучал недружелюбно. Затем она наклонилась, стараясь снять худи таким способом. Боже милостивый, она себя придушит.

— Подожди, — сказал я, садясь рядом. — Давай сниму.

Она шлепнула меня по рукам, но я освободил ее голову, и она принялась за свитер.

Вздохнув, я взял ее за запястья.

— Сид, давай я.

У нее был совершенно стеклянный взгляд, сомневаюсь, что она осознает, что вообще происходит, но она успокоилась достаточно, чтобы я смог снять ее свитер, оставляя ее в топе и джинсах.

— Мне нужно... — пробормотала она, наклоняясь вперед и прислоняясь лбом к моему плечу. — Мне нужно раздеться.

Я фыркнул, обернув руку вокруг ее спины, поддерживая ее.

— Малышка, ты только что сняла две кофты.

— Штаны. — Она взобралась мне на колени, ее ноги были по обеим сторонам от меня. — Буду спать.

Поворачиваясь так, чтобы она не соскользнула с моих колен и не упала на пол, я улыбнулся поверх ее головы.

— Ты собираешься спать вот так?

— Ага.

Я снова рассмеялся.

— Ты не можешь спать на моих коленях.

Она свернулась в маленький комочек. Мурашки побежали по ее рукам.

— Почему нет? — жалобно пробурчала она.

— Будет не слишком удобно. — Я убрал волосы с ее щеки и отклонился назад, мой взгляд изучал лицо. Одиннадцать веснушек. Именно столько веснушек покрывало ее нос и щеки. Густые ресницы обдували щеки. Она спала?

— Сид?

— Ммм... штаны.

Я вскинул брови.

— Ты хочешь снять джинсы?

Она прижалась щекой к моей груди и стукнула по ноге один раз. Видимо, это код из азбуки Морзе для пьяных, означающий «да». Чертыхаясь про себя, я знал, что мне придется это сделать. Никогда не предполагал, что буду заниматься этим с ней.

Кладя Сид на спину, я увидел, как ресницы затрепетали. Цвет ее глаз напоминал чистейшее голубое летнее небо.

— Ты такой... прелестный.

— Еще раз? — произнес я, давясь смехом. — Ты только что назвала меня прелестным?

Она снова начала перекатываться на бок, но я остановил ее.

— Штаны, — повторила она, потянувшись вниз, пальцы нащупали пуговицу джинсов. — Снять.

На секунду я замер, неуверенный, смеяться над ее односложными ответами или

выкинуться из окна. Я вовсе не ожидал, что буду раздевать Сид, особенно когда она пьяна. Но я не хотел, чтобы она просыпалась в пьяном ступоре, ломала голову, пытаясь раздеться. С Сид возможно все.

Дерьмо.

Я могу это сделать. Я могу сделать, и это не будет странным, и я не буду от этого на взводе, потому что это Сид и она пьяна, ничего такого. Мы выросли вместе. Уверен, что справлял нужду прямо перед ней больше, чем один раз. Черт, кажется, это было месяц назад после того, как выпил самогон. Я могу снять с нее штаны и не почувствовать себя гребаным извращенцем.

Сегодня мне следовало пить больше.

Сделав глубокий вздох, я быстро расстегнул пуговицы и молнию на джинсах. Показались полосатые трусики. Дважды дерьмо. Я закрыл глаза, пока стягивал штаны с ее бедер. Она не помогала. Вообще ни разу. Она была в отключке. Я просунул руки под ее спину и приподнял настолько, чтобы снять штаны с задницы. Все еще с закрытыми глазами я продолжал стягивать их. Костяшки пальцев соприкоснулись с ее ногами, и я действительно не думал о том, насколько мягкая у нее кожа, потому что это совершенно недопустимо.

Трижды дерьмо.

Такое ощущение, что процесс снятия этих чертовых джинсов длился вечность, только потом я понял, что она снова лежит неправильно. Чертыхаясь, я подошел к стулу и схватил одеяло со спинки. Я укрыл ее, подворачивая по бокам, а затем положил подушку под ее голову.

Подхватывая ее джинсы, я нащупал мобильник. Вся задняя часть штанов была мокрая. Я вытащил телефон и нажал на экран. Ничего. Черт.

Я направился вниз, пытаясь включить ее телефон, пока проверял входную дверь и убеждался, что она закрыта. Включил отопление и прошел на кухню. Телефон все еще не работал. Воспроизводя слова Таннера о рисе, я нашел маленькую отвертку и открутил крышку телефона. Положил обе части в рис в надежде, что это поможет. Если нет, то у меня дома есть несколько телефонов, которыми она может воспользоваться.

Необходимо проверить Сид. Я вернулся в спальню. В тот момент, когда увидел ее, я прирос к полу. Все, что я мог делать, — это смотреть на нее. Мое сердце стучало довольно быстро, по необъяснимым причинам.

Наконец я сел рядом с ней и натянул одеяло на ее голое плечо. Не хочу, чтобы она замерзла. Я начал подниматься, но что, если ей будет плохо или понадобится что-нибудь посреди ночи? Сид никогда так не напивалась. Бог знает, что может произойти.

Возможно, я слишком остро реагирую, но вытянулся рядом с ней. Секундой спустя во сне она перевернулась на бок, подползая ко мне, кладя голову рядом с моей грудью и складывая руки под подбородком. Черт. Я мог встать и уйти в собственную комнату. Я мог завести будильник и проверить ее через несколько часов. Я мог поставить ведро рядом с кроватью.

Но я не сделал этого.

Я остался.

Сидни

В голове стучало так, будто бы собственный мозг устроил рок-концерт где-то в районе висков. Во рту будто наждачка. И мне холодно. Я не хотела открывать глаза, но слышала странный звук — тихое гудение. На распознавание песни ушла пара секунд.

«Tripping Billies» Дэйва Мэтьюса.

Кайлер.

Заставив себя открыть глаза, я обнаружила, что смотрю в потолок... лежа в изножье кровати. Странно. В комнате темно, как будто все еще ночь. Еще более странно, что я в топе и трусиках. И все.

Боже...

Даже не помню, как легла в кровать или сняла одежду. Весь прошедший вечер как в тумане. Помню только, как молила Бога, чтобы все оказалось просто дурным сном.

— Посмотрите, кто решил озарить мир своим присутствием.

Я повернула голову на звук его голоса. Кайлер сидел рядом со мной, лицом к огромным окнам. На нем был свитер с длинными рукавами, и выглядел он в миллион раз лучше, чем я себя чувствовала.

— Привет, — прохрипела я.

Повернувшись к изголовью кровати, он взял что-то с тумбочки и протянул мне стакан воды с двумя таблетками аспирина.

— Возьми и запей. Тебе точно понадобится.

Отшвырнув одеяло, я взяла их и вздрогнула.

— Почему так холодно?

Кайлер оперся на локти, разглядывая меня.

— У меня есть плохая новость, новость поплхее и наиплохейшая.

— Слов поплхее и наиплохейшая не существует. — Я допила воду, протягивая стакан обратно, а затем натянула одеяло на плечи, подтягивая ноги к груди и пытаюсь согреться.

— Счастлив узнать, что текила не повредила тебе мозг.

Я вздрогнула.

— Не поняла, о чем ты.

Появилась широкая улыбка.

— А вот и плохая новость. Прошлой ночью ты решила опрокинуть нас в снег...

Ай, блин, это было не сном.

— ...и повертеться. Твой телефон промок.

Я закрыла глаза.

— Дерьмо.

— Я разобрал его и положил в рис прошлой ночью. В надежде, что он после этого заработает. — Он толкнул мою прикрытую одеялом руку. — У меня огромные надежды.

— Спасибо, — пробубнила я, открывая глаза. — Новость поплхее?

— Ну, здесь два в одном — новость поплхее и наиплохейшая. Помнишь дурацкий снежный шторм? Они дали ему имя — Святой Сноумас.

— Что? — скривилась я. — Идиотское название.

— Согласен. — Он сел. — Но Святой Сноумас превратился в ураган на стероидах. Если выглянешь в окно, то увидишь, что снег идет, не останавливаясь, ничего страшного, но говорят, что станет действительно плохо и очень скоро. И вот часть поплхее: народ повернул обратно. Никто не может сюда доехать.

Я вздохнула.

— Ну, по крайней мере, это разумное и безопасное решение. Мы тоже скоро уедем?

Он смахнул волосы со лба.

— Теперь наиплохейшая часть. Несмотря на то, что там и не апокалипсис, шансов

добраться до дома у нас нет. Нам придется ехать на восток, а буря идет с севера и востока. Мы застряли на несколько дней.

— Здесь?

— Здесь, — повторил он, кивая. — Буря движется очень медленно. Говорят, что больше всего снега выпадет с завтрашнего дня по среду.

— Твою мать. — Во мне все упало. — И как много выпадет?

— Ну, что-то среднее между много и дохрена.

Я упала на спину и устала на потолок.

— Мы застряли на неделю прямо в центре метели?

— Да. Думаю, мы вырвемся раньше, но зависит от того, насколько со всем этим разгребутся. — Он подтолкнул мою ногу. — Я включил отопление, так что должно стать теплее. Надеюсь, когда удар бури придется на это место, электричество не вырубится.

Мои глаза расширились.

— У нас есть запасной генератор, если понадобится, но давай не думать об этом.

— Конечно.

Застрясть здесь с Кайлером не очень радовало. Обычно в этом не было ничего такого, и обычно я ждала с нетерпением чего-то подобного, но в моем животе было ноющее чувство.

Я нахмурилась, пытаюсь собрать обрывки памяти в одно целое. Я вспомнила стопки с текилой и Мистера Лыжного Инструктора.

— Прошлым вечером ты ввязался в драку с парнем, с которым я танцевала?

Кайлер сжал губы.

— Ты про того странного типа? По существу мы не дрались, но и друзьями нас не назовешь.

Высвобождая руку, я потерла бровь. Кожа ощущалась противно. Это не причина, почему мне так неуютно. Есть что-то еще. Должно быть. Я вспомнила, как выходила на улицу и Кайлер пытался заставить меня надеть худи. Кстати о...

— Пожалуйста, скажи, что я разделась сама.

Образовалась полуулыбка.

— Ты хочешь об этом услышать?

Я закрыла лицо руками.

— О, Боже...

Он тихо фыркнул.

— Ты помогала раздеть себя, и я не смотрел. Я уже видел тебя в нижнем белье, так что...

Я застонала.

— Спасибо за напоминание.

— Пожалуйста. — Он замолчал, а затем сделал глубокий вздох. Я напряглась. — Как ты себя чувствуешь?

Такой невинный вопрос не соответствовал его тону. Что-то произошло прошлой ночью. *Прошлая ночь*. Что за черт произошел... затем все пронеслось с пугающей скоростью. В пьяном ступоре я практически приставала к нему.

Я согнулась пополам и почти снесла Кайлера с кровати, но это было самым последним моим беспокойством. Движение выбило из равновесия мой бедный мозг, и ужас затопил меня.

— Ох, блин. Ох, блин. Я... пыталась... тебя...

Я была настолько смущена, что не могла выговаривать слова.

Кайлер откинулся, мышцы его подбородка подергивались.

— Надеюсь, ты не вспомнишь.

Он надеялся, что я не вспомню? Я хлопнула обеими руками себя по лицу и застонала. Все было настолько плохо? Все было настолько плохо для *него*?

— Эй. — Он смягчил голос, и его пальцы обвили мои запястья, аккуратно убирая руки от лица. — Все нормально, Сид.

— Нет, не нормально, — простонала я, опуская подбородок. — Я домогалась тебя.

Кайлер рассмеялся.

— Ты не домогалась. Ладно. Может, немного, но ты не первая девчонка, которая...

— Не смешно! — прокричала я.

Два пальца легли под подбородок, приподнимая мою голову.

— В этом ничего такого, Сид. Люди творят много вещей, которые никогда бы не сделали в трезвом состоянии, а ты была очень пьяная.

Проблема заключалась в том, что именно это я хотела сделать и в трезвом состоянии. Я опустила глаза на одеяло.

— Извини.

— Тебе не надо извиняться, малышка. Это не такой ужасающий опыт, — сухо добавил он.

Мой взгляд передвинулся к его, и в этот момент я вспомнила хорошую часть прошлого вечера — он называл меня прекрасной, он всегда так думал. Часть тревоги ушла.

— Правда?

Его губы изогнулись самым чудесным образом.

— Никогда не буду жаловаться на девушку, ползающую по всему мне.

Окей. Это не было заявлением о взаимной страсти, но было кое-чем, с чем я могла работать.

— Тогда почему... почему ты остановил меня?

Он моргнул раз, затем второй, как будто не мог поверить, что я задаю вопрос.

— Прошлым вечером я пил, Сид, но был не настолько пьян.

Боль резанула мой живот, и я замерла, уставившись на него.

— Ты... ты не был настолько пьян?

— Нет. — Он выглядел смущенным.

Я сглотнула, но комок, растущий в горле, застрял. Все те годы, что я знаю Кайлера и в которые он проявлял сексуальную активность, я видела его приводящим домой девушек, будучи трезвым, навеселе, пьяным в стельку и во всех промежуточных состояниях. Когда дело касалось секса, он не упускал ни одну возможность. Низкие. Высокие. Полные. Белые. Черные. Загорелые. Бледные. Цвета Умпа Лумпы.

— Раньше тебя это не останавливало. — Я не могла заткнуться.

Кайлер пробежался рукой по волосам, а затем обхватил заднюю часть шеи. Короткие пряди спадали на его лоб. Сначала он не отвечал, и чем дольше тянулось молчание, тем больше я сожалела, что не промолчала.

— Ты другая, Сид.

Итак, я была другой, и очевидно он должен быть нереально пьяным, чтобы сблизиться со мной. Слезы набежали на глаза, нужно убраться подальше от него. Мы были слишком близки. Мне необходимо пространство до того, как я взорвусь и опозорю себя еще больше. Я

начала поспешно удирать с кровати, хватая одеяло, чтобы прикрыться. Мне нужно бежать.

— Эй. — Кайлер встал на ноги. — Сидни, что ты делаешь?

— Мне нужно в ванную. — Я вытащила ногу из-под покрывала. Дыхание было коротким и сбивчивым, пока оборачивала вокруг себя одеяло. Ноги коснулись холодного пола, и я пошатнулась, ударяясь пальцем о чемодан. Я зашипела, и по щеке скатилась слеза.

Он обошел кровать.

— Давай помогу.

— Все нормально. — Этот долбаный ком подступал ближе. Я дошла до двери ванной. Возможно, я собиралась швыряться вместо того, чтобы плакать. Не знаю, что лучше.

— Ты выглядишь не очень хорошо.

Открыв дверь, я проскользнула внутрь и быстро захлопнула ее за собой, закрыв на замок. Даже не могу взглянуть в зеркало. Я закрыла глаза, но бесполезно. Слезы вырвались наружу и потекли по щекам.

— Сид? — Он был прямо за дверью. — Что происходит?

— Уходи, Кайлер. — Сев на край ванны, я притянула одеяло к подбородку. Меня замутило. Я открыла крышку туалета.

Ручка двери задребезжала, и я упала на колени. Даже не могла видеть туалет, но надеялась, что добралась до него.

— Сидни!

Одеяло выскользнуло из рук, и я схватилась за туалет.

— Уходи!

Мгновение тишины растянулось в минуты. Затем подступили все эти дурацкие стопки, оставляя мои внутренности разбитыми, а сердце... ну, оно было разбито по совершенно другой причине.

Кайлер

Вздрагивая от звуков, доносящихся из ванной, я отошел от двери, а затем снова вернулся, пытаюсь открыть ее. Она отгородилась от меня. Бог знает, я могу помочь, подержу волосы и все такое, но она отгородилась от меня.

Катись все к чертям, я хотел вышибить дверь.

Но не стал этого делать. Я видел выражение ее лица — как будто уничтожил ее. Но не понимаю почему.

Я посмотрел на дверь, делая глубокий вздох. *Почему ты остановил меня?* Она правда задала этот вопрос? Была ли она все еще пьяной? Очевидно. Сид была чересчур пьяна, чтобы думать о мастурбации, не говоря уже о сексе.

Отойдя от двери, я развернулся и направился вниз. Я проверил ее телефон — все еще не работал, — а затем посмотрел новости. Продолжали говорить о буре века, а за окном действительно начал идти сильный снег.

Я делал что угодно, лишь бы остановить себя от проверки Сид или от раздумий по поводу ее вопроса. Даже позвонил маме.

Она ответила со второго гудка, звуча напряженно.

— Дорогой, пожалуйста, скажи, что вы не направились домой. Не хочу, чтобы ты пытался проехать через метель или сажал Сидни в машину.

Губы растянулись в улыбке.

— Мы собираемся переждать, мам.

— Хорошо.

В ее голосе послышалось облегчение.

— Мы с Тони беспокоились, что вы попытаетесь выбраться отсюда и попадете бурю.

Я прошел через несколько комнат, останавливаясь в лоджии.

— Что там творится?

— Чертовски замечает, дорогой, — ответила она. — Кому-нибудь еще удалось добраться?

— Нет. — Я передвинул растение на другой стеллаж. — Они застали начало бури.

— Так здесь только ты и Сидни?

— Ага.

Пауза.

— Интересно.

Я нахмурился.

— Ты к чему?

— Ни к чему, — ответила она, но прозвучала чересчур наивно. — Ты позаботишься о Сидни?

Я подумал о прошлой ночи.

— Ага, что я всегда и делаю.

— Правда.

Еще одна пауза насторожила меня. Я не доверяю ее молчаниям.

— Ты знаешь, она тебя очень ценит, милый.

Я раскрыл рот, но ничего не произнес.

— Она хорошая девочка с головой на плечах. Тебе...

— Окей, — прервал я ее. Не собираюсь вести такие разговоры. Существовала еще лишь одна тема, которая страшила меня больше, чем обсуждение девушек с мамой.

Мама рассмеялась, а затем произнесла:

— Ой. Пока не забыла — Тони хочет взять тебя в клуб в Бесезде, мы рассматриваем возможность его переделки. Ему интересно твое мнение.

Теперь я полностью в ступоре. Иии вот она, та самая еще одна тема.

— Зачем?

— Потому что, скорее всего, мы не сдвинемся до конца весны, — объяснила она, и я мог слышать звук телека на заднем плане. Видимо, она в офисе дома. — Владелец не уступает и считает, ему хватит денег продержаться еще четыре месяца, но посмотрим. В любом случае, все продумано. Это может стать твоей первой реставрацией.

— Что?

— Ты выпускаешься весной, или уже забыл? — Воодушевление сквозило в ее голосе, во мне же все сжалось. — Все продумано. Ты покажешь нам свои таланты с этим клубом в Бесезде. Тони хочет ознакомить тебя со всем во время каникул.

Мои глаза расширились, и я отвернулся от окна.

— Не знаю, мам. Возможно, у меня не будет на это времени.

— О, чепуха. У тебя оно будет.

Я промолчал.

Мама снова перешла к погоде, но я едва слушал. С тех пор как реставрационный бизнес начал пользоваться успехом, стало очевидно, я буду его частью. Вначале возражений не было. Хорошие деньги — вообще-то отличные деньги, — мой собственный график, возможность путешествовать, но все это не привлекало меня.

Это не то, чего я хотел.

Но ради этого мама отправила меня в колледж. Сказать ей, что я хочу заниматься другим, все равно, что швырнуть деньги в лицо — деньги, основой которым послужила папина страховка.

Я повесил трубку достаточно быстро и осознал, что нахожусь в подвале с гитарой в руках и смотрю в никуда. Думаю о Сид — всегда о ней.

Огромная часть меня была озадачена. Полностью, чрезвычайно озадачена ее вопросом, но другая часть? Я был зол. Она правда думает, что я сплю с девчонками, которые едва держатся на ногах? Вот так она обо мне думает?

Отвращение окутало меня, и руки сжались на гитаре.

Я никогда не спал с девушкой, которая не осознавала, что она делает. Даже если я задумаюсь на секунду, что девушка пьяна, ничего не произойдет. Взять, к примеру, Минди. Все, что видела Сид, — это меня и девиц, уходящих домой после пьянки. Я переспал с кучей женщин, поэтому ее мнение насчет того, что я сплю с каждой и что она не будет от них отличаться, абсолютно логично.

— Твою мать, — пробормотал я, садясь на диван напротив бильярдного стола.

Почему Сид думает, что я могу воспринимать ее как перепих по пьяни на одну ночь? Сама мысль об этом мне противна. Я не идеал, но черт, это Сид.

Сид всегда будет заслуживать большего, чем это, гораздо большего, чем меня, неважно, насколько глубоко она живет во мне.

Сидни

Я пряталась в комнате ровно до тех пор, пока не собралась сжевать руку. К тому времени день подходил к концу. Тошнота и плач прошли несколькими часами ранее, судя по виду из окна, снег ложился волнами, и ветер уносил его.

Спускаясь, я остановилась у края лестницы и попыталась услышать, где может быть Кайлер. Из подвала доносился приглушенный звук телевизора, так что все понятно. Я быстро прошла на кухню через фойе.

Здесь было холоднее, все из-за передних окон высотой от пола до потолка. Я обхватила себя руками и подошла к окну. Ветер поднимал снежинки и образовывал из них маленькие воронки, отбрасывая на покрытую снегом подъездную дорогу. С прошлой ночи, должно быть, выпало несколько дюймов. И будет еще хуже?

Да уж, мы выбрали не самое подходящее время.

Отворачиваясь от окна, я подошла к холодильнику и открыла его. Мама Кайлера обо всем позаботилась. Еда и напитки лежали на полках и в морозилке. Я вытащила болонскую колбасу и сыр. Но уже намереваясь положить продукты обратно, я вздохнула и сделала еще один бутерброд для Кайлера — с ветчиной, сыром и майонезом. Не знаю, поел ли он. Я даже не знаю, зачем это сделала, потому, возможно, что, несмотря на то, что он считает меня сумасшедшей из-за заданного вопроса, я все равно люблю его.

Бог мой, я безнадежна.

Оборачивая его сэндвич в бумажное полотенце, за считанные минуты я съела свой и прикончила целую банку содовой. Еда странно отозвалась в желудке, спорю, все благодаря выпитой текиле. Не могу поверить, что напилась так сильно и не скончалась, учитывая отсутствие устойчивости к алкоголю.

Закончив, я не знала, чем занять себя. Не хочу подниматься наверх, но и видеть лицо Кайлера не готова. Буду ли вообще готова после попытки поцеловать его и после того, как он отверг меня, хотя сам трахает все, что подвернется? Не он ли трахался с девицей две ночи назад?

Боже, я должна чувствовать отвращение, но на самом деле чувствую себя еще более безнадежной.

Направившись к лестнице, я слышала бренчащий звук, доносящийся снизу. Я тихо подошла к ступенькам, ведущим в подвал.

Кайлер играл на гитаре.

Прижавшись к стене, я закрыла глаза. Что касается музыки, у Кайлера определенно имелся талант. Будучи ребенком, он мог выбрать любой инструмент и научиться играть на нем за рекордное время. У меня же с этим были большие проблемы.

Он играл песню Дэйва Мэтьюса, не пропуская ни одной ноты. Я расплылась в улыбке, слушая. Каждая нота была идеальной, набирая темп по мере продолжения песни. Не знаю, как долго я стояла и слушала, но когда он прекратил, мне было мало.

От нечего делать я нацепила ботинки, куртку и шапку. Выskalзывая через переднюю дверь, я вытащила из карманов перчатки и надела их. Снег всегда поднимал мне настроение. Я любила разгребать его лопатой, странно, но это помогает мне думать.

На улице было отвратительно. Ветер хлестал долину. Других домов рядом с нашим не было, только сосновый лес и все.

Я аккуратно спустилась по ступенькам и пошла к гаражу. Осматриваясь, я заметила лопату у стены под лестницей.

Вздох.

Я схватила ее и повернулась, получая снегом в лицо. Чертовски жжет.

— Господи, — пробурчала я, потряхнув головой.

Перетащив лопату к подъездной дороге, я принялась расчищать путь. Это бессмысленно. Ветер сдувал снег обратно, а когда Святой Сноу-придунок, или как его там, наконец-то нагрянет сюда, все будет белее белого. Но мне нравится огонь в руках и то, насколько на улице все по-другому.

Может, попытка поцеловать Кайлера, а затем быть отвергнутой не такая уж и ужасная штука. Это меня многому научит.

Он не хочет меня.

Я хочу его.

Единственный способ все исправить — найти кого-то еще. Есть Пол. С ним полный порядок, и перед тем, как Кайлер похитил меня у бара, вероятность приглашения куда-нибудь с его стороны была высокой. По крайней мере, так это выглядело, если верить Кайлеру и Андреа. Пол нравился мне. И ему не нужно плавать в пиве, чтобы захотеть меня, очко в его пользу.

Жаль, Пола здесь нет.

Ой, да кого я обманываю? Даже если бы он был здесь, я не собиралась проводить все свое время с ним в постели, но он мог послужить отличным отвлечением.

Я остановилась, смахивая снег с лица. Использовать Пола как отвлечение — дерьмово. Но если бы я смогла отпустить Кайлера, я бы могла влюбиться в Пола. Нет? Он милый, симпатичный и смешной. И, насколько мне известно, не спит со всем и всеми.

Моему сердцу такая идея пришла не по вкусу. Как будто я предаю Кайлера, что очень глупо. Но я чувствовала... отвращение, просто даже думая об этом.

Все в моей жизни идет так, как и должно. Весной я выпускаюсь, поступаю в магистратуру, и по большей части все покатит, но отношения? Здесь явно проблема. И с этим ничего не поделать. Мне двадцать один, но что касается личной жизни, то тут я ощущаю себя на шестнадцать.

В действительности я заиклилась на одном слове: *фригидная*.

Вроде бы глупо находиться под влиянием слова, произнесенного каким-то парнем, но именно одно это слово содержит в себе все годы отношений, в том числе и половых.

Я не могу переступить через это, так же как и не могу переступить через Кайлера.

Наполовину желая броситься лицом в снег, я начала упорно его расчищать. Я разгребла уже половину приличного куска дороги, когда услышала грохочущий звук. Оборачиваясь, я убрала волосы с лица и попыталась взглянуть через снег.

Что это, черт возьми, за звук? Здесь ничего нет. Мы слишком далеко от улицы, чтобы что-то слышать, и сомневаюсь, что сегодня кто-то хотел прокатиться по склонам. Кинув лопату, пока звук — гудение двигателя — нарастал, я все еще ничего не видела. Думая, что виновата текила, до сих пор текущая по моим венам, я развернулась, а затем увидела.

Две маленькие фары, принадлежащие снегоходу, находились в паре ярдов от меня, разметая снег.

Мозг полностью отказался понимать, что сейчас произойдет, но инстинкт взял верх. Из легких выбило весь воздух. Он приближался быстро — слишком быстро. Я замерла всего на секунду, а затем пошла на попятную, паника сделала меня неповоротливой.

— Эй! — закричала я, размахивая руками, но ветер унес мои слова.

Снегоход едет прямо на меня! Разве они не видят?

Я развернулась и споткнулась о лопату. Ноги тонули в снеге, и я быстро заставила себя подняться, страх затопил меня, как только я посмотрела через плечо. Он ехал прямо на меня, уже так близко, что я разглядела белый шлем с красной и желтой полоской по центру и темную защиту, покрывающую лицо. Мне не убраться с пути. Он переедет меня.

Крошечная часть мозга, которую не затронула паника, не верила, что именно так я погибну. Быть сбитой долбаным снегоходом во время метели? Жизнь жестока.

Что-то ударило меня по талии, и я лихорадочно полетела. Меня отбросило на подъездную дорожку, которую я расчищала без причины. Перед взором плясали черные вспышки звезд, последнее, что я помню, как кто-то зовет меня по имени, а затем пустота.

Сидни

Должно быть, меня вырубило на несколько секунд — достаточно, чтобы почувствовать себя дезориентированной, открывая глаза.

Руки Кайлера лежали на моих щеках, а карие глаза были практически черными.

— Сидни! Скажи что-нибудь, малышка. Поговори со мной.

Язык словно ватный.

— Ауч.

Мгновение он смотрел на меня, а затем рассмеялся. Секундой позже он перевел меня в сидячее положение и привлек к груди. Такой теплый, что хотелось свернуться вокруг него клубочком.

— Господи, ты напугала меня до смерти.

Я зарылась лицом в свитер, вцепившись в него руками.

— Мне кажется, вся моя жизнь пронеслась перед глазами. Отстойно.

Его объятия становились крепче, и я подумала, что он сломает мне ребра.

— Я думал, что не успею добраться до тебя и... — Он оборвал себя и поцеловал мой холодный лоб. — Знаю, что должен был выйти, как только увидел тебя с лопатой, но ты же любишь эту хрень.

Последовала пауза, а затем он снова выругался.

— Сид...

— Я в норме. — Я действительно так себя чувствовала, не считая легкой дрожи и промокшей, замерзшей задницы. — Они не видели меня. Я была на волоске от гибели.

— Не видели? — Кайлер отстранился, ярость исказила его лицо. — Этот придурок явно тебя видел.

— Что?

Кайлер поднялся, подхватывая меня за собой. Мои ноги были немного ватными, поэтому он продолжил, пока ветер хлестал по нам, разбрасывая снег вокруг:

— Этот мудака точно заметил тебя. Я видел тебя с крыльца!

Мое сердце подпрыгнуло.

— Но...

— Он видел. — Злость затопила его голос, придавая ему пугающий тон. — Давай. Пошли в дом и согреем тебя.

До того как я поняла, что он сказал, он подхватил меня и направился к крыльцу.

— Я могу идти, — запротестовала я.

— Мне так спокойнее, так что не спорь.

Я собралась спорить, но когда открыла рот, то получила кучу снега, и в итоге едва не выкашляла легкое. Привлекательно. Войдя в дом, Кайлер не опускал меня до тех пор, пока мы не остановились в гостиной напротив камина.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что меня видели? — спросила я, пока он возился с бревнами в камине. — Значит, это было специально.

— О том и речь, — прорычал он, разжигая огонь. Стало немного теплее. — Он видел тебя. Не знаю, зачем кому-либо творить такое.

Я снова открыла рот, но ничего не произнесла. Я не знала, что сказать. До сих пор не

могу поверить, что кто-то специально пытался сбить меня. Кайлер не был параноиком, но я не знала здесь никого, кого могла бы разозлить до такой степени.

— Не хочу, чтобы ты выходила на улицу в одиночку, — произнес он, все еще находясь спиной ко мне, пока разбирался с огнем.

— Ладно, — согласилась я, только потому, что не хотела начинать спор.

Он встал, стряхивая с головы снежинки.

— Тебе следует переодеться, пока не заболела.

Чувствуя себя непослушным ребенком и будучи не совсем уверенной почему, я сделала, как он велел. Поскольку уже поздно и мы явно никуда не пойдем, я надела низ от пижамы и кофту с длинными рукавами. Когда я спустилась, Кайлер уже переоделся в сухие штаны, а огонь разгорался все сильнее.

Он протянул одеяло, и я благодарно закуталась в него. Ощущение такое, будто снег проник в меня. Я села рядом с камином и смотрела на пламя. На улице ветер начал набирать обороты. Казалось, он ищет каждую трещинку в доме и пробирается внутрь.

Я крепче вцепилась в одеяло, пока подползала ближе к огню. Мгновение Кайлер смотрел на меня, а затем прошел к дивану. Хватая еще одно одеяло, он направился ко мне и сел сзади. Я напряглась.

— Все нормально, — произнес он. — У меня есть идея.

Он вытянул ноги по обе стороны от меня, а затем обхватил руками. Потянув меня назад, он обернул нас одеялом.

— Видишь? Мы как буритто.

Я оставалась на месте, не облокачиваясь на него, но уже чувствовала тепло. Такая близость действовала на нервы, поэтому пару секунд ушло на то, чтобы обрести голос.

— Клевое буритто.

— Согласен.

Прошло несколько мгновений.

— Как думаешь, чем занимается наша банда у себя дома?

Я сосредоточилась на пламени.

— Вероятно, тусуются с семьей. Кажется, Андреа собиралась к родителям Таннера.

— Они вместе? — В его вопросе послышалось замешательство. — Никогда не знал, что происходит между этими двумя.

Я рассмеялась и начала расслабляться, ослабляя хватку на одеяле.

— Если честно, я тоже не знаю. Каждый думает по-своему.

— Эти ребята сумасшедшие. Уверен, что они никогда не ходили на свидание.

— Так и есть. Сомневаюсь, что они вообще что-либо делали, но готова поспорить, в итоге они поженились и заведут кучу детей.

Кайлер усмехнулся, откидываясь спиной на кресло за ним.

— Знаешь, о чем я думаю?

Я обернулась, чтобы взглянуть на него. Он задрал голову, открывая вид на его шею. У него сексуальное горло. Черт, да у него все сексуальное. Улыбка растянулась на моих губах.

— О чем?

— О смене специализации.

— А? — Я рассмеялась. — Ты выпускаешься весной, Кайлер.

Он улыбнулся, опуская голову. Его глаза были теплого карего цвета.

— Слишком поздно?

— Вероятно. — Я поерзала и села в полоборота к нему. — Ты не хочешь заниматься деловым управлением? Как мама и отчим?

— Честно?

— Ага.

Для кого-то деловое управление звучит убого, но в этой сфере куча вариантов стабильной работы и денег. Особенно для Кайлера, у которого есть связи для открытия собственного бизнеса. В действительности я старалась не думать об этом, потому что после окончания учебы останусь в Мэриленде, чтобы получить докторскую степень, а Кайлер начнет путешествовать, как и его мама. Я провела большую часть жизни рядом с ним и не уверена, что выдержу разлуку.

Его глаза встретились с моими, а выражение неожиданно стало серьезнее.

— Не знаю.

Правда в том, что у Кайлера есть возможность передумать в последний момент. У его семьи достаточно денег, поэтому он может отложить окончание универа. Вернется и получит другое образование. Он может вообще ничем не заниматься. Мои родители далеко не такие обеспеченные, как его. Папа управляет собственной страховой конторой, а мама учитель в местной частной школе, деньги на мое обучение были, но если бы я передумала или ушла на пару лет перед выпуском, то родители убили бы меня.

— Чем ты хочешь заниматься? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Путешествовать по миру в качестве миллионера плэйбоя?

— Ха. Смешно.

Он сверкнул улыбкой:

— На самом деле?

Я кивнула.

— Реставрацией старых баров и прочего дерьма? Не уверен на этот счет. Не пойми меня неправильно, это не плохая работа.

— Не плохая. Но?

Лампа на потолке замерцала от сильного порыва ветра. Он улыбнулся, и я выдохнула, даже не осознавая, что задержала дыхание.

— Ты знаешь, что мой непрофилирующий предмет — биология, да? И еще занятия по математике?

— Ага, — ответила я, расслабляясь на нем. Кажется, ему это не мешает, потому что он повернулся так, что теперь моя голова покоилась на его груди, а руки сомкнулись вокруг меня. — Я думала, у тебя проблемы с мозгами.

Он рассмеялся.

— Не, с ними все в норме, большую часть времени.

Он замолчал, а затем произнес:

— Я думал о ветеринарной школе после окончания универа.

Мои глаза закрылись, а сердце сжалось. Самым слабым местом Кайлера всегда были животные. Однажды в третьем классе он нашел на площадке голубя. У того было сломано крыло, и поскольку лежал один, то вероятно бы умер. Он отказывался сидеть за партой и все такое до тех пор, пока учитель не отыскал маленькую коробку.

Кайлер прошагал на площадку и поднял птичку. Он также заставил маму отвезти его к ветеринару. Голубь — такое создание, на которого всем остальным по барабану. С тех пор Кайлер — мой герой.

— Сид? — В его голосе чувствовалась неуверенность, как будто бы он думал, что мысль забросить карьеру, где он может сколотить миллионы, ради помощи животным покажется мне безумием.

Я вздохнула и прижалась сильнее. Знаю, что не смогу быть с Кайлером в том смысле, в котором хотела. Я смирилась, приняла это. Хотя, очевидно, пьяная версия меня протестовала, но все равно я была горда называть его своим другом.

— Думаю, это потрясающая идея.

— Да? — В его голосе слышалось удивление.

Я улыбнулась.

— Думаю, это чудесно. Это твоя страсть. Тебе следует заняться этим.

Кайлер ничего не ответил, но я чувствовала, как напряжение покидает его. До сих пор я не замечала этого. Возможно, это то, что ему нужно. Подтверждение.

Пока мы сидели здесь в тишине, смотря, как пламя отбрасывает танцующие тени на деревянные стены, я поняла кое-что еще. Даже несмотря на то, что между нами будет только дружба, я люблю его.

Ох...

Я *всегда* буду любить Кайлера Квина.

Я пропала.

Сидни

Мы теряли электричество. Ветер сходил с ума и бил по дому и проводам.

Светильники то включались, то вырубались весь вечер. Около девяти снег начал падать так быстро и сильно, что за окном невозможно было что-либо разглядеть. Белая фигня покрывала верхушки сосен, пригибая их. Я легла в постель несколько часов назад, но не могла заснуть. Голова заиклилась на всем — на мне, помогающей Кайлера, убийце на снегоходе, и на сколько же мы здесь застряли. Ветер только мешал. Впечатление такое, будто дом вот-вот обрушится.

Расстроенная, я отвернулась от окна, натянула одеяло на плечи и выползла в коридор, не желая будить Кайлера.

Я практически спустилась в гостиную, но внезапно услышала скрип двери.

— Сид?

Вздыхнув, я развернулась и едва не пустила слюни. Кайлер стоял в дверном проеме в пижамных штанах и без футболки. Его пресс... почему его пресс должен выглядеть именно так? Весь рельефный и сильный и все такое...

— Сид? — Он вышел, закрывая за собой дверь. — Ты в порядке?

— Тебе разве не холодно? — Ударить бы себя после сказанного.

Он улыбнулся.

— Мне и не было, пока не вылез из постели.

— Точно сказано. — Я перенесла вес на другую ногу, чувствуя себя debilкой. — Извини. Не хотела разбудить.

— Все нормально. — Он медленно подошел ко мне, весь такой нереально мужественный, ненавижу его за это. — Не можешь заснуть?

Я покачала головой, подавляя зевоту.

— Ветер словно собирается уничтожить весь...

Меня прервал громкий треск, от чего я подпрыгнула. За окном в конце коридора небо озарилось искрами, а затем несколько секунд дом грохотал. Светильники над головой пару раз мигнули и погасли, погружая дом в полную темноту.

— Дерьмо, — произнес Кайлер, я почувствовала его руку на спине. — Кажется, только что отключилось электричество. Запасной генератор должен работать.

Я моргнула, стараясь привыкнуть к темноте, но единственное, что удалось увидеть, это только его силуэт. Свет так и не включился, но я могла слышать как что-то ускорялось с небольшим жужжанием.

Он снова выругался.

— Оставайся здесь.

— Я вообще не двигаюсь.

Я слышала, как он прошел прямо к окну.

— Трижды дерьмо. Одна из сосен только что упала на провода.

Он повернулся.

— Запасной генератор будет работать только в режиме чрезвычайной ситуации — тепла по минимуму, достаточно, чтобы не дать трубам замерзнуть — и все такое.

Он снова вернулся ко мне, теплое дыхание у моего лба.

— Возвращайся в комнату, я пока проверю подвал, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Ладно. — Нервничая, я покрепче ухватилась за одеяло. Сердце бешено билось. — Тебе... тебе правда надо идти?

Его рука снова легла на мою спину.

— Я вернусь через пару минут.

— Прости, никак не выходят из головы люди, которых выбросило в снег и им приходилось есть друг друга.

Кайлер рассмеялся глубоким смехом.

— Малышка, такое могло происходить в 18-м столетии. Все будет хорошо. Я скоро приду.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда я начну жевать твою ногу словно зомби.

Но я положила руку на стену, используя ее как ориентир, пока он исчезал в темноте, словно чертов кот.

Оказавшись в комнате, я поспешила к окну. Ветер подхватывал снег и покрывал им землю. Быть отрезанными от всего очень хреново, но иметь только запасной генератор посреди бури века? Думаю, Бог издевается над нами.

Я направилась к постели и залезла под покрывала, подминая их под подбородок. Я лежала на боку, пялясь на дверь. Услышав его шаги несколькими минутами спустя, я напряглась.

Он нес свечу, и ее мягкий свет отбрасывал тени на его скулы. Поставив ее на столик, он сел рядом со мной.

— Прости меня за это.

— За что?

— Приезжать сюда каждый год — моя идея. Ты могла бы быть дома, но теперь увязла здесь и беспокоишься, как бы мы не начали поедать друг друга.

Я мягко рассмеялась.

— Вообще-то не думаю, что мы станем это делать.

— Ну, если все-таки решишь, то начинай не с лица. Говорят, это моя лучшая часть. — Я могла слышать усмешку в его голосе, что заставило меня улыбнуться. — Но будет только холоднее, Сид.

— Знаю, и это не твоя вина. Мне нравится приезжать сюда.

Он замолчал на мгновение.

— Если честно, никогда не понимал почему. Тебе даже лыжи не нравятся.

Я закусила губу.

— Мне нравится проводить время с тобой — со всеми. — Мои щеки пылали. — Мне просто нравится это делать.

Кайлер потянулся и в тусклом свете ухватился за прядь моих волос, убирая ее с лица.

— Я рад, что ты приехала.

Я таю.

— Только потому, что сейчас ты торчишь здесь не в гордом одиночестве.

Он рассмеялся, а затем перевел взгляд на окно, ветер усилился.

— Не, это не единственная причина.

Теперь мое сердце готово выпрыгнуть.

Кайлер поднял край одеяла.

— Двигайся.

Мои глаза полезли на лоб.

— Чего?

— Будет холодно, а еще ты не можешь уснуть из-за ветра. Останусь здесь, пока не заснешь. — Он умолк. — Кроме того, без футболки я все себе отморожу.

— Окей. — Я запнулась на этом слове, словно идиотка, пока двигалась. Затем перевернулась на другой бок, уверенная, что не столкнусь с ним лицом к лицу.

Он скользнул под покрывала, и, несмотря на несколько дюймов, разделявших нас, я могла чувствовать его. Определенно странно, но спине было тепло, а желание придвинуться и действительно почувствовать его сложно игнорировать.

— Все в порядке? Кажется, следовало спросить тебя об этом, перед тем как двигать, да?

— Да, — прошептала я. — Все в норме.

— Хорошо. — Он устроился на боку, и я знала, лег он лицом ко мне. — Потому что твоя кровать намного удобнее моей, и мне вроде как не хочется ее покидать.

Я правда не хотела, чтобы он уходил. Для меня это словно манна небесная. Я закрыла глаза, впитывая его близость, будто он мое личное солнце.

— Помнишь, как мы делали подобное, когда были детьми? — спросил он.

— Да, помню.

Но сейчас все совершенно по-другому. Тогда мы были непорочными, просто два ребенка, веселящиеся во время ночевки. Все это до того, как во мне проснулось желание запрыгнуть на него и совершать всякие грязные штучки.

Вот сейчас я думаю о грязных штучках, типа перевернуться, прижаться к нему и поцеловать. Трогать его. Он трогает меня. Мы раздеваемся.

Пора прекратить фантазировать.

— Сид?

— А?

Пауза.

— Обещаю, что в этот раз не перетяну на себя покрывало.

Я улыбнулась, несмотря на давящее чувство в груди.

— Я запомню.

Не знаю, как умудрилась уснуть рядом с объектом своей страсти, но видимо все же мне это удалось, потому что, могу точно сказать, прошло несколько часов перед тем, как вой ветра разбудил меня. Я начала садиться, но не смогла сдвинуться. Как только до меня дошло, что же меня удерживает, глаза сразу раскрылись и весь воздух вышел из легких.

Рука Кайлера обвила мою талию, более того, все его тело уютно устроилось рядом с моим. Теплое дыхание щекотало шею, и спина покрылась мурашками. Ни за что на свете я не смогу заснуть рядом с ним в таком положении. Даже монашка бы не устояла. Я поерзала и отползла на пару дюймов, пока на моей талии не сжалась рука.

Я затаила дыхание.

Кайлер притянул меня к себе, и я оказалась прижатой спиной к нему — и боги — он возбужден. Я могла чувствовать его через наши пижамы, длинный и твердый, прижатый к моей заднице.

Тело немедленно отреагировало, переходя из спящего в ну, *привет* состояние за секунды. Неважно, что я приказала себе так не делать, а еще понятия не имела, как быть. Тепло растекалось по моим венам, но при этом в сердце появилась ноющая боль.

Совершенно не похоже на те *ночевки*, когда мы были детьми.

— Кайлер?

Он что-то пробормотал и придвинулся ближе, его подбородок расположился на чувствительном месте между моей шеей и плечом. Дрожь пробежала по коже. Думаю, что перестала дышать. Рука на моей талии двинулась и заскользила к низу живота, отчего футболка немного задралась, обнажая кусочек кожи. Я закусила губу, пока не ощутила привкус крови.

Пальцы Кайлера пробежались по моей обнаженной коже, заставляя отпрянуть. Он издал глубокий, сексуальный звук и прижался бедрами, пока его руки скользили под резинкой моих штанов. Я не любитель ложиться в постель в нижнем белье, поэтому сейчас совершенно голая под ними, а его пальцы очень и очень близко.

Должно быть, я сплю, потому что такого не может быть, не хочу просыпаться, никогда.

Теплые губы коснулись моей шеи. Сначала мне показалось, это случайность, но затем он нашел место, где бился пульс, и горячо поцеловал туда. Эти маленькие поцелуи все продолжались и продолжались, путешествуя по горлу. Я бессознательно выгнулась, открывая больше шеи, а его бедра задвигались медленно и чувственно. Если он вытворяет такое в полусонном состоянии, то на что же он способен, будучи бодрым.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Его рука продвинулась ниже, касаясь моего центра. Острые, превосходные чувства затопили меня, лишая способности формировать мысли или осознавать действительность происходящего. Все тело словно на автопилоте, а мозг в отключке. Я откинулась, раздвигая ноги, в то время как его пальцы касались самой чувствительной зоны. Для него это так легко, знать, что делать. Палец проник между ногами, двигаясь медленно и глубоко. Входя. Выходя. О Боже. Все во мне сотрясало. Глаза широко раскрылись, но я ничего не видела. Я старалась не издавать ни звука, но все-таки из горла вырвался стон.

Удивительная рука исчезла, а грудь, прижимавшаяся к спине, тяжело опустилась.

— Сид?

— А? — Я не двигалась.

Кайлер отскочил, и кровать прогнулась, когда он встал на ноги.

Дерьмо, никогда не видела, чтобы кто-то так быстро двигался. Я перевернулась на бок и собралась протестовать, но выражение его лица остановило меня.

— Твою мать. Мне очень жаль. — Его голос был мрачным — глубоким и хриплым. — Я спал. Думал, мне снится сон... дерьмо.

Разочарование накрыло меня невероятно быстро и растоптало все желание. Он *спал* — полностью спал. Находился не в полусне, как будто от этого легче, но, по крайней мере, он наполовину осознавал бы, что творит.

О чем я думала? Что он проснется посреди ночи и не устоит перед мной и моей сексуальностью? Скорее, ему снилась Секси Саша.

— Скажи что-нибудь, Сидни, прошу.

Услышав тревогу в его голосе, я осознала, насколько была глупа — и насколько глупой я продолжаю быть. Я закрыла глаза.

— Все нормально. Не страшно. Все в порядке.

Ответа не последовало, и через несколько секунд я открыла глаза, ища Кайлера в комнате. Она была пустая. Остались только я и жуткий ветер.

Кайлер

Гребаное дерьмо, словами не описать, что я натворил.

Не могу поверить.

Сердце учащенно билось, пока я закрывал дверь своей спальни и отходил от нее. Я сел на кровать, но все чувствовал, словно падаю, потому что ноги были ватными.

Это *не* нормально. Это страшно. И это не в порядке.

Как я мог совершить такое во сне? Ответ прост, но все-таки. Мне снилась она — Сидни. Учитывая, что вчера я видел ее в трусиках и лифчике, а еще и прошлую ночь, понятно, почему она героиня моих порно снов. Дерьмо. Это не первый подобный сон о ней, но воплощать его в жизнь?

Мои руки была на ней, а пальцы *в* ней — в Сид.

— Вот дерьмо.

Что, если бы я не проснулся? Насколько далеко все бы зашло? Она неприкосновенна.

Я собрался встать, пойти к ней и снова извиниться, но удержал себя, потому что как только шок спал, я вспомнил, что конкретно пробудило меня от лучшего за последнее время сна, который оказался не сном.

Она издала звук.

И он не был звуком страха или отвращения. Каждая клетка моего тела узнавала этот низкий, с придыханием стон. Ей нравилось. Более того, кажется, Сид не спала. Она знала что я делаю, и не остановила меня.

Черт, она *не* остановила меня.

Она не только не остановила меня, она еще и была влажной. Я понимаю, что это значит. Но впервые в жизни не знаю, *что* с этим делать. Мозг отказывался переваривать, хотя тело точно знало, как действовать.

Падая на спину, я застонал, и звук эхом пронесся по комнате. Я уставился на потолок, зная, что скорее отращу крылья и вылечу отсюда нахрен, чем снова засну. Особенно тогда, когда чуть ли не каждая часть меня желала вернуться к ней и продолжить начатое.

Сидни

На следующий день Кайлер избегал меня, словно я какая-то стремная девка, которую он привел домой по пьяни и теперь не может от нее избавиться. Неловкость ситуации зашкаливала.

На второй день, пока я делала нам сэндвичи, он слонялся по кухне, а когда я протянула ему тарелку, наши пальцы соприкоснулись, что заставило его отскочить и выбить ее из моих рук. Ветчина и швейцарский сыр разлетелись, а майонез разбрызгался по всему кафелю.

— Дерьмо, — произнес он, в последнее время зачастил с этим словом. Он опустил на колени и начал убирать бардак на полу. — Прости.

Я стояла, руки тряслись. Хотелось заплакать. Как крупный, злой ребенок, который невероятно голоден. Что-то бормоча, не осознавая, что именно, я подошла к стойке и схватила бумажные полотенца. Намереваясь помочь — и каким-то чудом разобраться с более важным беспорядком, — я направилась к нему и наклонилась.

В то же самое мгновение Кайлер выпрямился и угодил головой прямо мне в подбородок. Острая боль растеклась по моей челюсти, я оступилась, роняя полотенца. Кайлер выругался, словно это последний день Б-слова. Выпрямившись, он потянулся ко мне, но законы гравитации явно обошли меня стороной. Я врезалась в тяжелый дубовый кухонный стол, отчего он затрясся. В центре располагалась ваза, которую его мама привезла более пяти лет назад, и сейчас она начала раскачиваться из стороны в сторону.

Я развернулась и потянулась к дурацкому фиолетово-розовому предмету искусства. Все сильно походило на тот фильм, где череда случайностей приводит к разрушению чего-то бесценного. Я практически запрыгнула на стол, хватая вазу за секунду до ее падения.

— Бог мой, — запыхавшись, прошептала я.

Кайлер появился рядом, помогая мне выпрямиться.

— Ты как?

Подбородок онемел.

— В норме.

Он взял у меня вазу и подождал, пока я не отойду от стола.

— Прости. Наверное, выбил тебе все зубы.

Мне нечего было на это ответить, поэтому я просто стояла там, стараясь ни к чему не прикасаться.

— Ты в порядке?

— У меня крепкая голова.

И снова здравствуй неловкость века. Мы уставились друг на друга. Жар прилил к моим щекам, что впечатляет, учитывая собачий холод в доме.

Кайлер вернулся к беспорядку и взял полотенца. Я начала готовить ему другой сэндвич.

— Не надо, — сказал он, обернувшись через плечо. — Я сам.

Не знаю, почему, но произнесенное обожгло меня. *Больно*. Аппетит исчез, я покинула кухню и бесцельно шагала, пока не оказалась на лоджии.

Здесь холодно из-за окон от потолка до пола. Закутавшись в свитер, я села на плетеный стул и посмотрела на покрытый снегом двор. Ветер поднимал снег, образуя сугробы высотой минимум в шесть футов.

Я сделала глубокий вдох и медленный выдох. Не могу не думать о том, что нас ждет, когда наконец отсюда выберемся. Будет ли наша дружба прежней? Не знаю, может ли она быть таковой.

Зарывшись подбородком в свитер, я закрыла глаза. Сделав так, я сразу же пожалела, потому что в этом месте не слышно ничего, кроме ветра, и не на чем сосредоточиться. Я подумала о случившемся между мной и Кайлером. Как вообще это забыть?

— Сид?

Я подняла голову, услышав голос Кайлера. Он стоял в дверном проеме.

— Эй.

Он пробежался рукой по волосам. Вероятно, занимался этим весь день, потому что его волосы находились в очаровательном беспорядке.

— Прости за произошедшее на кухне.

Меня как будто выжили соковыжималкой.

— Можешь перестать извиняться. Это случайность. Я в порядке. И ты тоже. Ничего не сломано.

— Ты оставила свой сэндвич.

— Я не голодна. Съем потом.

Некоторое время он смотрел на меня, а затем повернулся к окнам.

— Сумасшедший дом, правда?

Я проследила за его взглядом, почти готовая расплакаться.

— Да, правда.

Прошло несколько секунд, он сел рядом, наклонившись и положив руки на колени.

— Сидни, насчет прошлой ночи...

— Умоляю, только не извиняйся снова. Ладно? — Не думаю, что выдержу, если он начнет.

Кайлер напрягся.

— Как ты можешь так легко к этому относиться? Я лапал тебя во сне. Стоп. Я не просто лапал тебя. Я трогал тебя.

Мой взгляд блуждал по его профилю. В сотый раз я пожелала, чтобы между нами все было гораздо проще.

Он взглянул на меня.

— У меня даже и в мыслях такого не было, когда я ложился прошлой ночью. Хочу, чтобы ты знала.

Я резко выдохнула. Ну, если мне и казалось, что сердце больше не выдержит подобных поворотов, то я сильно, сильно ошибалась.

— Было настолько плохо?

— Что?

Отворачиваясь, я встала на ноги и подошла к окну. Возможно, мне пора перестать быть тряпкой и ходить вокруг да около. Наша дружба и так уже пострадала. Единственный способ все исправить — это разобраться во всем. Психология 101. Уходить от проблемы очень забавно и легко, а затем и все отрицать, но так делу не поможешь. Необходимо рассказать, что он привлекает меня, что я хочу его. Может, если мы со всем разгребемся, я смогу двигаться дальше. Правда — это лучший вариант, но сомневаюсь, что готова зайти так далеко.

Но если я не смогу, то все будет по-прежнему.

Я услышала его вздох.

— Ты о чем-то думаешь, — сказал он. — О чем-то действительно важном. Если ты зла на меня из-за прошлой ночи, то лучше скажи, не пытайся защитить мои чувства. Я пойму. Я не...

— Я не зла на тебя. — Я повернулась к нему лицом, скрещая на груди руки. Он отвел взгляд. — И как я могу, учитывая, что пыталась поцеловать тебя, будучи пьяной? Тогда я была бы лицемеркой.

— Это совершенно разные ситуации, Сид. Ты не пыталась залезть мне в штаны.

Ну, я бы сделала это, будь у меня рефлексы получше. Это правда — и я должна признать.

— Простой ночью, почему ты остановился?

Его взгляд говорил, что я не в своем уме.

— Я спал, Сид! Черт, ты думала, что помогаешься до меня, когда была пьяной? На самом деле, я делал это.

— Я не возражала. — Мой голос ослаб, превращаясь почти в шепот.

Кайлер отпрянул.

Я покачала головой.

— Я не спала, Кайлер. Я понимала, что ты делаешь.

Теперь он по-настоящему уставился на меня. Сейчас или никогда. Все вело к этому. Я могла бы сочинить, как рада, что он остановился, сказать что-нибудь глупое и сменить тему. Или могла выразить, что хотела — чего ждала так долго. Если сделать это, то пути назад не будет.

— Сидни... — В его голосе сквозило предупреждение.

Я сделала глубокий вдох.

— Я хочу того же, что было у других девушек.

— Что? — Его глаза расширились и потемнели.

Мои щеки дико запылали.

— Я хочу... я хочу *тебя*. Хочу быть с тобой.

Он встал, и на секунду мне показалось, что собирается уйти. В животе образовался узел, такой тугой, что кажется, будто меня стошнит, но Кайлер просто встал.

— Я не прошу тебя быть моим парнем или жениться. Знаю, ты ни с кем не заводишь отношений. Знаю, тебя это не интересует.

— И тебя тоже? — В словах я уловила насмешку.

Я вспыхнула. Он произнес это, будто бы я Мисс Консерватор Америки. Мне захотелось защититься и доказать, что я не фригидная.

— Не с тобой. Я просто хочу тебя. На одну ночь. И на этом все.

Кайлер был неподвижен. Сомневаюсь, что он дышит. Затем он сузил глаза.

— Ты хочешь именно этого?

Я скрестила руки и прошептала:

— Да.

— И все? — Он сделал шаг, и мое сердце подпрыгнуло, когда я отошла назад. — Погромче, Сид.

В горле пересохло, я сглотнула и произнесла чуть громче:

— Да.

Еще один шаг с его стороны, и в итоге я уперлась спиной в окно. Медленная хищная

улыбка растеклась по его губам, и жар затопил мои вены.

— С каких пор?

Сложно произносить слова.

— С... с некоторых.

— Как долго?

— Долго.

Он покачал головой.

— Это ни о чем мне не говорит.

— Довольно долго.

— Еще раз, что ты хочешь?

Не уверена, что в состоянии говорить, учитывая, как он на меня смотрит.

— Тебя.

— Будь немного поконкретнее, малышка. — Он остановился напротив меня, и мне пришлось поднять голову, чтобы увидеть его выражение. — Жду...

Ему правда хочется услышать от меня подробностей? Я начала отворачиваться, но его пальцы коснулись моего подбородка, удерживая меня. Он вскинул бровь.

— Я... я хочу тебя.

Его взгляд упал ниже, и, несмотря на мой тяжелый свитер, я почувствовала себя голой и незащищенной. Я поежилась, а мои соски напряглись. Все во мне напряглось.

— Уже слышал. Еще ты говорила, что хочешь того же, что было у других. А знаешь, что именно?

Я кивнула.

Кайлер опустил голову так, что теперь его губы находились в миллиметрах от моих.

— Я трахал этих девчонок. Все. Никаких ограничений. Никаких обязательств. Ничего. И ты этого хочешь? Ты хочешь траха?

Нет. Я хочу большего, гораздо большего.

— Да.

Он резко выдохнул. Злость исказила его лицо — настоящая злость. Я знала, что облажалась. Разочарование накрыло меня со скоростью молнии. Вот так. Он снова отвергнет меня. Хотелось себя ударить. Я сама пошла на это и по всей вероятности разрушила нашу дружбу, на сей раз по-настоящему. Нахрен психологию. Лучше избегать.

— Повернись, — приказал он.

Я моргнула.

— Что?

— Повернись.

Повелительный тон вызвал во мне дрожь, но я стояла словно замороженная, пялясь на него. Теперь его глаза казались шире и светились как отполированный оникс. Я попала в ловушку его взгляда.

— Я не буду повторять снова.

Часть меня хотела узнать, что он сделает, если я не послушаюсь, потому что видела огонь в его глазах. Может, у меня галлюцинации? Может, я попыталась выбежать из комнаты и упала, повредив голову? Есть такая вероятность. Или у меня сотрясение после того снегохода и удара о голову Кайлера?

— Вот как я делаю. — Его сильный, глубокий голос заставил меня подпрыгнуть. Усмехнувшись, он убрал волосы с моей шеи, перекидывая их через плечо, а затем я

почувствовала его горячее дыхание. — Когда стоя, когда у стены, как сейчас, или на коленях.

О. Мой. Бог. Я смотрела на снег, но совершенно ничего не видела. Жар растекался по моим венам. Я облизнула губы, а затем закусил их, когда почувствовала, как рука заскользила от бедер к талии.

— Я делаю только так с теми, с кем *просто* трахаюсь.

Другая рука тоже обхватила талию, сминая ткань свитера.

— И ты хочешь так, Сид? Хочешь, чтобы я трахнул тебя сзади?

Я затаила дыхание и почувствовала глубокое ноющее ощущение между ног.

— Я...

— Так как? — спросил он, перемещаясь ближе. Его губы коснулись моей щеки, и я могла чувствовать его полностью, хотя он даже не прижимался. — Хочешь так? Или, может, на коленях? Меня устраивают оба варианта.

Боже Боже Боже... Понятия не имею, что ответить. В тот единственный раз, что я занималась сексом, парень был сверху, и честно говоря, я не догадывалась, как все будет, учитывая разницу в высоте и...

— Ты думаешь, Сид. Изменила свое мнение?

Он так хочет? Или просто ждет этого от меня, потому что слышал треп Нейта? Я фригидная, а фригидные девушки явно *подобным* не занимаются. Я закрыла глаза.

— Так.

Он приглушенно выругался, и я открыла глаза. Что не так? Но затем руки схватили мой свитер, и до того, как я смогла сказать «оргазм», его сняли.

И вот она я, в лифчике и джинсах. Не супер набитый поролоном лифчик — ура, — а просто лифчик. Дерьмо, мы собираемся заняться этим — он собирается заняться мной. Мы будем трахаться. Во мне зародилась капля сомнения. В этом нет ничего романтического, ничего милого и нежного. Трахать — это просто трахать. И он ни разу не рад такому повороту.

Все неправильно.

Большие руки Кайлера опустились на голую кожу моей талии, и от такого контакта я поежилась.

— Руки на стекло, Сид.

Все мысли вылетели из моей головы, когда жар заполнил меня. Мое тело без всякого стыда подчинилось приказу и глубокому тембру его голоса. Под руками ощущался холод стекла.

— Хорошо.

Одна рука медленно переместилась чуть ниже пупка, на пояс моих джинсов.

— Держи руки на стекле.

Он потянул меня к себе, склоняясь надо мной, таким образом я расположилась вплотную к нему, а руки все еще на стекле. Я могла чувствовать его, такого горячего и сильного, прижатого к моей спине, и это потрясающе.

— Ты должна была сказать раньше — что это все, чего ты желаешь.

В его словах слышалась натянутость, резкость, причину которой я не понимала. Он явно взбешен, но все равно делает это.

Смущение и страсть кружились во мне, но я не знала, что делать. Другая рука начала двигаться, блуждать по ребрам и вызывать дрожь.

— Я бы... помог тебе давным-давно, — произнес он.

Я не в состоянии думать, не тогда, когда его рука касается моего живота, а затем чашечки лифчика. Я издала стон, выгибая спину.

— Кайлер...

— Дерьмо. — Его рука не двигалась, а бедра подались вперед. Второй рукой он все еще удерживал меня. Не этого я хочу. Я прижалась к нему, и он издал глубокий стон.

Он убрал руку с моего лифчика, и я хныкнула. Но затем своими невероятными ловкими пальцами снял лифчик быстрее, чем это делаю я. Ткань сползла по моим рукам, и я убрала их от окна, чтобы позволить ему упасть на пол. Холодный воздух ударил в грудь, сталкиваясь с теплом, исходящим от меня.

Он не был передо мной, но знаю, что смотрел на меня. С его-то ростом много времени это не займет. В окне было наше нечеткое отражение, и я могла чувствовать силу в его взгляде. Мои соски напряглись еще больше, ощущение практически болезненное.

Затем его руки оказались на мне, и все тело ожило. Пальцы мягко изучали выпуклости моей груди, дразня соски. Он прикоснулся губами к местечку за ухом, оставляя там короткий горячий поцелуй.

— Черт возьми, Сидни.

Его пальцы поймали мой сосок, и я застонала, подаваясь бедрами в немой мольбе. Оставляя поцелуи на моей шее, по всему изгибу плеч, он продолжал прикасаться ко мне до тех пор, пока соски не затвердели. С Нейтом такого не было.

— Ты... ты заслуживаешь лучшего, малышка. Проклятье, ты заслуживаешь гораздо лучшего.

Вообще-то я была уверена, что получаю именно то, чего заслуживаю. Одна из его рук оставила мою грудь и опустилась вниз к животу. Одним движением он расстегнул пуговицы на джинсах и проскользнул внутрь.

— Скажи мне остановиться, — произнес он, целуя мой подбородок. — Скажи.

— Нет, — выдохнула я. — Не останавливайся.

Он пробормотал что-то выше моего понимания, и поцеловал туда, где бился мой пульс. Рука скользнула под трусики, а затем длинные пальцы накрыли меня.

— Ты готова?

Я покраснела, немного смущена, потому что ох-как-готова, но затем его палец двинулся к моему центру, и я выкрикнула его имя, вздрагивая от нарастающего восхитительного удовольствия.

— Боже, — простонал он, медленно проникал в меня пальцем. — Если будешь так произносить мое имя, то все закончится раньше, чем начнется.

— Кайлер, — взмолилась я, серьезно, я была на грани мольбы.

Он начал медленно двигаться, это было так нежно, почти до помрачения рассудка.

— Ты такая тугая, — произнес он, я никогда не слышала, чтобы его голос был таким. Грубым. Первобытным. — Черт, малышка, ты больше этим не занималась после...?

Я покачала головой.

— Нет. Никого после него.

— Я так и думал, но...

Он пожал плечами, но его рука... его палец не сбивался с ритма. Мягкие, осторожные толчки разжигали во мне пожар. Мои бедра двигались под его рукой, и я слышала его мягкое дыхание, каждый раз он подавался ко мне. Каждая мышца была напряжена, и я собиралась взорваться. Я собиралась...

Громкий треск пронесся по комнате, словно гром, и окно напротив нас взорвалось.

Сидни

Стекло и снег взлетели на воздух, когда я испустила удивленный вскрик. Не такого взрыва я ждала.

Кайлер развернулся, прикрыв меня своим телом, но короткая резкая боль поразила живот и грудь. Я ахнула, когда холодный воздух ворвался в комнату, а ветер забушевал вокруг нас, опрокидывая напольную лампу. Картины на стене задребезжали.

— Твою мать! — прокричал он, опуская нас на пол. — Ты как?

— Жива. — Я аккуратно положила руки на холодный, мокрый пол. — А ты?

— Нормально. — Его руки скользнули по моей голой спине, а затем он накрыл меня свитером, обернув его вокруг плеч. — Оставайся здесь, окей?

Я кивнула, пока натягивала свитер. Подползая на коленках к плетеному дивану, я обернулась. Кайлер задумчиво стоял, сжав руки в кулаки.

— Что не так? — поежившись, спросила я.

Он подошел ближе к разбитому окну. Стекло выбило полностью. Зазубренные куски торчали из деревянной рамы.

— Я никого и ничего не вижу.

— Никого?

— Деревья далеко, чтобы нанести такой урон.

— Но ветер...

— Ветер достаточно сильный, чтобы поднять в воздух упавший сук, но здесь сучьев в принципе нет.

Он повернулся и убрал волосы с лица. Увидев, как я съежилась у дивана, он напрягся.

— Ты точно в порядке?

Я сильнее натянула свитер, игнорируя покалывающие ощущения, когда он задел определенные места. Сейчас есть проблемы поважнее. Например, почему окно взорвалось.

— Все нормально, правда. Как думаешь, что произошло?

Кайлер покачал головой, опускаясь на колени напротив меня.

— Не знаю. Может, окно настолько промерзло, что когда...

Он покраснел?

— Что, когда ты облокотилась на него, оно разбилось? Я не... Что за черт?

Мое сердце пропустило удар.

— Что?

Он наклонился вправо и поднял с пола какой-то предмет. На его ладони я увидела маленький шарик.

— Урод, — произнес он. — Я, конечно, не заядлый охотник, но это похоже на долбанную охотничью дробь.

— Что? — Должно быть, мой взвизг оглушил его. — Ты серьезно?

Он кивнул.

— На гребанные сто процентов.

Я не могла поверить.

— Ты считаешь, что кто-то целился в нас?

Кайлер ничего не ответил.

— Это безумие, — прошептала я.

А затем добавила, уже громче:

— Думаешь, стоять в данный момент у окна хорошая идея?

— Там никого нет, до этого мы даже не обращали внимания... Кто-то, вероятно, был здесь с самого начала.

— И наблюдал за нами? — Меня бросило и в жар, и в холод. Наши глаза встретились, а затем я отвернулась, пытаюсь подавить подступающую тошноту. Я стояла топлесс, а его рука... Кто-то наблюдал за этим?

Кто-то, кто пытается нам навредить?

— Может, это охотник? — в надежде спросила я.

Он нахмурился.

— В такую-то погоду? Там метель.

— Мы в Западной Виржинии. Люди здесь охотятся в любых условиях.

Кайлер взглянул на разрушенную раму.

— Ну, если так, то медведь видимо стоял на нашей крыше.

Я бы лучше поверила в это, чем в существование человека, пытающегося нас пристрелить. Хотя, учитывая парня на снегоходе, я уверена, что произошедшее — не обычная случайность. Но где тут смысл? Не представляю, чтобы кто-то был *настолько* зол на нас. Страх сковал меня.

Что, если в нас действительно целились?

Кайлер

Кровь закипала от чистого гребанного гнева, заменив тот, что плескался во мне несколько минут назад. Желание смешивалось с неверием и злостью. Сид хотела со мной секса на одну ночь? Я гоюсь только на это, и ей бы хватило?

Что. За. Херня.

Но на данный момент это не самая главная проблема. С ней разгребусь потом.

Мой взгляд блуждал по разбитому окну, остановившись на левом углу. В нем была маленькая дырка, стекло начало ломаться отсюда, образуя сеть, которая распространилась до края зазубренных осколков.

Клянусь своей задницей, снаружи еще больше дырок, ближе к карнизу и желобу. Кто-то направил сраное ружье на дом. Они намеревались попасть в нас обоих. Охотничью дробь нельзя контролировать, но большинство людей могли направить ее в желаемую сторону.

Сукин сын.

Кто бы это ни был, но он находится снаружи и следит за нами, Бог знает сколько. Они видели все. Частично голую Сид.

Мои руки сжались в кулаки, а жар опускался вдоль по спине. Я убью их.

— Ничего, если я встану? — спросила Сид.

Я кивнул, а затем обернулся, пока она вставала на ноги. Она выглядела невероятно маленькой, прижимая тяжелый свитер к груди. Злость накрыла меня волной, быстро сменяясь страхом, таким, которого я никогда не испытывал.

Сид могла пострадать, даже хуже. Дважды. Страх и гнев смешивались во мне, формируя осязаемый комок в животе. Я мог потерять ее, и честно, не представляю жизни без нее. Не хочу даже думать об этом.

— Ты точно в порядке? — снова спросил я. — Не пострадала?

Она медленно покачала головой.

— Со мной правда все хорошо. Просто немного напугана.

Я провел рукой по волосам.

— Хочу, чтобы ты держалась подальше от этой комнаты, Сид. К чертям, вообще не подходи к окнам.

— Без проблем. — Она направилась к двери, останавливаясь.

Наши взгляды встретились, и нежный румянец покрыл ее щеки и двинулся ниже, к краю свитера, который она все еще держала. Я хотел подойти к ней, взять на руки и сказать, что все будет хорошо. Но не стал этого делать.

Она первая отвела взгляд, прикусывая нижнюю губу. Я отвернулся к окну, зная, что мне следует что-то сказать — что-то о произошедшем между нами. Несмотря на злость и страх за Сид, желание все еще плескалось во мне, но на данный момент мне нечего сказать... или, по крайней мере, я еще не готов.

Я почувствовал, нежели услышал, как Сид покинула комнату, и напрягся еще больше. Перспектива быть застреленными отлично снижает либидо.

Мне необходимо позвонить — полиции штата — и решить, как следует поступить. Дело вряд ли заведут, но я должен сообщить об этом.

Я сфокусировал взгляд на заснеженной земле под нами. Не хочется об этом думать, но все-таки я реалист. Не уверен, что мы теперь в безопасности, а еще я знал — теперь между мной и Сид все по-другому. И тут ничего не поделать.

Сидни

Я торопилась по лестнице в ванную. В гостиной и моей спальне гораздо холоднее. Начинало темнеть, хотя прошло лишь несколько часов после полудня. Я прошла в ванную, закрыла за собой дверь. Света из окна над душем было достаточно, чтобы разглядеть, что не так.

Стоя напротив зеркала, я медленно сняла свитер и вздрогнула, когда присмотрелась.

Моя бедная грудь!

Маленькие, ярко-красные порезы располагались очень близко к соскам. Кровоподтеки — на груди и верхней части живота. Я пробежалась по нему рукой и вздрогнула. Прямо над пупком застрял маленький осколок стекла. Операция или наложение швов не требуются, но при виде крови мне становилось плохо. От боли еще хуже. Я ее не переношу, никогда ничего не ломала и глобальных проблем в жизни не испытывала.

Я переступила с одной ноги на другую, держа подальше щипцы, пока моя рука висела над осколком. Я смогу. Мне нужно просто удалить его. И все. Ничего такого. Но я даже занозу не могу вытащить, не попросив маму или Андреа.

Я потянулась, но затем съежилась, отводя руку. Я продолжала и продолжала как минимум 5 минут, пока не запрокинула голову и не издала громкий стон разочарования.

— Сид? Ты тут?

Подпрыгнув от звука голоса Кайлера, я ударилась бедром о край раковины.

— Дерьмо!

Дверь открылась, и моя голова еле-еле избежала удара об нее. Я вскрикнула, скрещивая руки на груди — не уверена, что тут есть смысл, ведь 10 минут назад он и так все видел, — Кайлер ворвался в ванную, как будто собирался разобраться с бешеным медведем.

Его темные глаза осмотрели каждый открытый дюйм моего тела. Затем он оказался прямо передо мной, хватая меня за плечи.

— У тебя кровь.

Он взбешен.

Кайлер сузил глаза, сжав челюсть.

— Ты говорила, что в порядке.

— Так и есть, — тихо произнесла я.

— Когда у человека идет кровь, это обычно значит, что он не в порядке. — Он покачал головой, убирая руки с плеч. — Боже. Сядь и дай о тебе позаботиться.

— Я не могу сесть, — содрогнулась я.

Он опустил голову, и теперь наши глаза были на одном уровне. Слишком близко, не могу различить разницу между его зрачками и радужкой.

— Почему ты не можешь сесть?

Я переступила с одной ноги на другую, чувствуя себя незащищенной без кофты.

— Осколок застрял в коже, и сидение все только усугубит.

— Что? — прокричал он, и я отшатнулась. — Почему ты не сказала раньше, черт возьми?

— Я не знала, что он застрял, и вообще это не так уж и страшно, но...

— Но ты не переносишь даже занозы. Бог мой, Сид... где он?

Я указала туда, где находилось стекло.

Кайлер опустился на колени, и мои глаза расширились. Грязные мыслишки заполнили мозг, что совершенно не в тему, но пуговица на джинсах все еще расстегнута и, ну...

— Я не вижу, — сказал он. — Надо спуститься вниз, там больше света.

— Я...

— Ты *не* в порядке, и ты *не* будешь спорить со мной.

Он потянулся и достал полотенце с полки, оборачивая им мои плечи и скрещивая его на груди.

— Пошли.

Осознавая, что он легко может стащить меня с лестницы, я последовала за ним через спальню в гостиную. Сказав подождать, Кайлер исчез в ванной и вернулся с перекисью и маленькой аптечкой в руках.

Я вздохнула. Будет отстойно. Могло быть и хуже, знаю. Он мог доставать пулю.

В итоге мы оказались на кухне, что испугало меня. Здесь слишком много окон, но выбора-то нет.

Кайлер расположился так, что я оказалась и под окном, и он мог меня видеть. Снова опустившись на колени, он убрал края полотенца и нахмурился.

— Блин, это стекло.

— Говорила же.

Он наклонил голову и несколько прядей волос упали на лоб, пока он рылся в аптечке.

— Ты не можешь с ним оставаться, Сид. Заработаешь инфекцию.

— Я и не собиралась. Просто надеялась, что моя кожа, ну, быстро и естественно избавится от него.

Он рассмеялся, вытаскивая пинцет и заставляя меня затаить дыхание. Картинки, где я ребенком убегаю от мамы каждый раз, когда она доставала этот предмет пыток, затопили меня. Он держал его в своих изящных пальцах, когда поднял голову.

— Ты немного зеленая, Сид.

— Не люблю пинцет, — хныкнула я.

Появилась небольшая улыбка.

— Больно не будет.

— Так все говорят, но я знаю правду. Будет больно, потому что ты начнешь ковырять и...

— Я не собираюсь ковырять. Я вытащу быстрее, чем ты успеешь опомниться. Обещаю.

Мне хотелось выбежать из комнаты, но пришлось заставить вести себя как взрослый человек.

— Окей.

— Ты звучишь жалко, — отметил он, заправляя края полотенца в мои джинсы и обнажая живот. Он разместил пальцы по обеим сторонам от стекла и натянул кожу.

Пинцет нацелился на мою кожу, и отпрянула.

— Ты большая девочка, перестань дергаться.

— Ох, заткнись.

Он усмехнулся.

— Если будешь отскакивать от меня каждый раз, то мы не скоро закончим. Делаешь только хуже.

Он звучал вполне логично, но в данный момент логика была моим врагом. Я умудрилась отползти на целый фут, пока не оказалась зажатой между стойкой и ним. Он попытался отвлечь меня.

— Я попробовал воспользоваться телефоном и позвонить в главный дом. Ну, знаешь, чтобы расспросить, не было ли у кого проблем с окнами и психами на снегоходах.

— Ага. — Я одержимо смотрела на его склоненную голову.

— Мне не удалось дозвониться. Видимо, буря поработала и с телефонной связью. Даже в долбаный интернет не зайти, но из того, что я помню, сильный снег будет валить еще день, а потом постепенно прекратится.

— Как думаешь, насколько долго они будут расчищать...

Я почувствовала щемящее ощущение, отчего вскрикнула.

Кайлер вскинул голову.

— Извини, но есть хорошие новости, малышка. Я вытащил его. — Он помахал пинцетом. — Видишь? Не так уж и ужасно.

— Ты прав. — Я улыбнулась, когда он вернулся обратно к порезу. — Спасибо.

— К вашим услугам. — Он взял перекус и ватный шарик. — Вероятно, день уйдет на расчистку шоссе и еще один на дороги вокруг.

Начало немного жечь, когда он прикоснулся к порезу.

— Еще три дня?

— Наверно. — Он грациозно поднялся и поставил бутылку на стойку вместе с двумя ватными шариками. — Давай посмотрю на все остальное.

Я побледнела.

— Стекол больше нет.

— Извини, конечно, но думаю, ты врешь, чтобы избежать пинцета. — Он наклонил голову вбок, а мое сердце подскочило. — Хочу увидеть остальное.

Что означает — я должна выставить напоказ свою грудь. Чуть ранее он был с ней очень ласков, но сейчас все по-другому. Мы словно в пузыре. Он не поднял речь о произошедшем между нами. Как и я.

Кайлер вздохнул.

— Как же ты любишь усложнять.

— Не правда.

Он смерил меня взглядом, а затем схватил за бедра и, не оставляя выбора, усадил меня на кухонную стойку.

— Вот и приехали.

— Козел.

Он проигнорировал меня.

— Покажи грудь.

Я покраснела тысячами оттенками красного.

— Нужно ли мне напомнить, что я уже видел твою...

— Нет! — в ужасе выкрикнула я. — Не напоминай. Легче не станет.

Он сжал губы, будто боролся с улыбкой.

— Обещаю, буду вести себя беспристрастно.

Что-то лучше мне не стало.

Он поднял руки.

— Ладно, что насчет такого? Представим, что ты кошка или собака, которую надо осмотреть?

— Чего? — Я хмуро посмотрела на него. — Вот уж спасибо.

Кайлер рассмеялся.

— Ну, брось, Сид, перестань быть такой девчонкой.

— Я и есть девчонка!

— Поверь, я знаю.

До того как я смогла понять причину, почему его голос стал вдруг хриплым, он протянул руки и ухватился за края пушистого полотенца.

— Убери его.

— Нет, — вцепилась я в него.

— Сидни, — прорычал он. — Убери. Полотенце.

Понимая, что он не сдастся, я сосредоточилась на его плечах и ослабила хватку на полотенце. Оно приоткрыло грудь.

Вместо того чтобы убрать его, он осмотрел маленькие порезы над грудью и между. Ругаясь себе под нос, он взял чистый ватный шарик и смочил его водой.

Вернувшись ко мне, он покачал головой.

— Ты могла потерять глаз.

Или сосок, но лучше оставить это замечание при себе.

— Будет немного холодно. Не хочу переводить горячую воду.

Когда я кивнула, он аккуратно вытер кровь, перед тем как приложить смоченный шарик.

Он работал тихо и усердно, а когда закончил, выкинул в ведро ватные шарики. Затем встал напротив меня. На короткую секунду наши глаза встретились до того, как его пальцы скользнули под полотенце, касаясь моей кожи. Я вздрогнула и быстро отвернулась, прикусывая губу.

Становится... интересно.

Кайлер не произнес ни слова, а только опустил полотенце на мои бедра. Я упорно смотрела на коврик напротив раковины, но чувствовала, как его взгляд спускается от моего лица к шее, а затем к заливающейся краской груди. Желание прикрыться было сложно подавить, но я хочу, чтобы он смотрел на меня.

Я хочу, чтобы ему нравилось то, что он видит.

Знаю, что все должно быть беспристрастно, но из-за его взгляда мои соски затвердели, и меня охватило ноющее чувство. Я затаила дыхание, когда он взял тряпку и наклонился.

— Замерзла?

Кажется, я его ненавижу.

Его смех был низким и глубоким, раздражая меня еще больше.

— Я все сделаю быстро.

— Конечно, сделаешь, — скорчилась я, разрываясь между возбуждением, злостью и стеснением.

Кайлер водил тряпкой по моей груди маленькими кружками, с каждым разом приближаясь к соскам. Мое дыхание участилось. Он хотел меня — это очевидно, — но никто из нас не заговорил о произошедшем на лоджии. Изменил ли он свое мнение, как только остыл?

Делая еще один кружок, он задел рукавом мой сосок, и я затаила дыхание. Это случилось снова, и я не могла понять, намеренно он так делает или нет.

Я схватилась за край стойки, пока костяшки моих пальцев не побелели. Пульс участился, когда он встал между моими ногами. Его руки тряслись, пока протирали левую, а затем правую грудь. Я держала глаза закрытыми и старалась думать о чем-нибудь мерзком, но все-таки не могла ничего с собой поделать.

Очень печально.

Уверена, что была супер чистой к тому моменту, когда он выкинул тряпку и взял перекись. Ну, можете считать меня конченным психом, но легкое пощипывание только усилило мое возбуждение.

— Идеально, — пробормотал Кайлер.

Он смотрел на мою грудь, а затем поднял глаза.

— Все идеально.

Он убрал бутылку в сторону и натянул полотенце мне на плечи.

— С тобой все будет хорошо.

Ощущение бабочек в животе сменилось ощущением глубокого разочарования.

Кайлер начал отодвигаться, его движения были какими-то резкими.

— Я собираюсь... проверить гараж и поискать погодное радио. Кажется, у мамы было такое. И мне нужен брезент. Брезент, да, для окон.

Я уставилась на него.

Он дошел до двери, остановился и потер подбородок.

— Можешь одеть свитер. *Пожалуйста*, одень его.

Не знаю, что заставило меня произнести следующее. Может, остатки адреналина после взрыва окна, смешавшиеся с бушующими гормонами. Правда не знаю, но я была и раздражена, и смущена.

И видит Бог, это убойное сочетание, но, в общем, смелость ко мне снова вернулась.

— Зачем? Ты же сам его снял.

Кайлер медленно опустил руку, сжимая ее в кулак.

— Сид... я действительно понятия не имею, что сказать.

Мне неудобно было сидеть на стойке словно ребенок. Я спрыгнула, покрепче ухватившись за полотенце.

— Что значит, ты понятия не имеешь, что сказать?

Он шагнул вперед, плечи напряжены.

— Слушай. Сейчас не самое удачное время. Надо найти брезент. А еще разобраться, действительно ли в нас стреляли...

— И как ты это сделаешь? Ты работаешь в ЦРУ, а я просто не знаю?

Он вскинул бровь.

— Не надо быть такой всезнайкой.

— Нет причин, почему мы не можем поговорить сейчас. Я хочу...

— Я знаю, чего ты хочешь, Сид. — Злость снова исказила его лицо. — Поверь, я точно знаю. Ты хочешь от меня секса на одну ночь.

Я вздрогнула. Вообще-то такого я точно не хочу.

— Что? Тебе не нравится, как звучит? Ну, мне тоже.

Да, он действительно рассержен. Его глаза опасно почернели.

— Мне не следовало заходить *настолько* далеко, потому что этого точно не произойдет. Наши отношения не такие. И никогда не будут.

Сидни

Я чертовски перебрала со своей напористостью.

Итак, шел снег.

Раньше я любила снег, но прямо сейчас я ненавидела его, потому что из-за него я оказалась в этой ловушке. И это самое последнее место в мире, где мне хотелось бы находиться. К вечеру температура упала еще ниже. Я металась по длинной гостиной, и, несмотря на исходящее от камина тепло, я скрестила руки на груди, пытаюсь согреться. Еще три дня с Кайлером. Я их не выдержу.

Я слышала его шаги, когда он поднимался по лестнице из подвала, и застыла перед камином. Мое сердце стучало так же громко, как выл снаружи ветер. Он появился со свертком синего брезента в руках, и наши глаза встретились на секунду, но потом он направился в другой конец комнаты, к двери, ведущей в застекленную террасу.

— Я могу тебе помочь? — спросила я, морщась от боли, когда голос надломился на середине фразы.

На его каменном лице промелькнуло удивление, и я не могла понять причины. Конечно, я была в замешательстве и злилась на него, и в этот момент моим вторым именем должно было быть «Смущённая», но что, собственно, такого сделал Кайлер? Я набросилась на него и не один раз. Просила трахнуть меня, как какая-то дешевая шлюха, а он был просто парнем — парнем, который, вероятно, привык к ежедневному сексу. Конечно же, он поддался импульсивному порыву. Он не сделал ничего плохого. Во всяком случае, он единственный пытался поступить правильно. Видимо, он ценил нашу дружбу больше, чем я.

Это все из-за меня.

Кайлер отвернулся и покачал головой:

— Я сам. Просто оставайся тут и грейся.

Я смотрела, как за его спиной закрывается дверь, и моя грудь сжалась от боли. Услышав щелчок замка, я ударила себя по лбу:

— Боже, я такая *неудачница*.

Отвернувшись от двери, я запустила руки в волосы и поморщилась от их противной жирной гладкости. Есть большая вероятность, что его голова прояснилась, как только он понял, что сегодня утром я не принимала душ. Плевать на экономию горячей воды. Он сегодня утром набирал холодной воды, и я подумала, что смогу быстро принять душ и смыть с себя всю грязь.

А еще это послужит идеальным отвлечением.

Поторопившись наверх, не обращая внимания на холод в комнате, я разделась в спальне догола. Но перед тем как войти в ванную, я подготовила пару толстовок и кремовый свитер, в который влюбилась сразу же, как только увидела в магазине. Я хотела его надеть здесь, если мы вдруг куда-нибудь пойдем, в паре с узкими джинсами и сапогами. В магазине я надеялась, что если надену его, то это как-то повлияет на Кайлера и наша дружба переключится на уровень «давай займемся сексом».

Что там всегда говорила мама? Если бы да кабы...

Я вздохнула и пошла в ванную, игнорируя досадное жжение в горле. Мне хотелось перемотать несколько дней назад и все начать сначала. Я не могу изменить свои чувства к

Кайлеру. Дохлый номер. Но я могу держаться подальше от террасы, смогу и дальше держать рот на замке.

Очень жаль, что нет такой кнопки, нажав которую можно было перемотать свою жизнь. Я бы нажала на нее, нихрена не задумываясь.

Отрегулировав воду и сделав ее немного теплее, я шагнула под душ, морщась от холода под ногами. Я надеялась, что теплая вода его немного уменьшит. Не теряя времени, я схватила шампунь и намылила волосы. Маленькие порезы на груди и животе защипали, напоминая о произошедшем.

Действительно ли кто-то стрелял в окно? Нас кто-то преследовал? Я поморщилась и схватила кондиционер для волос. Нанесла его на всю длину волос и сразу же начала смывать, быстро намыливаясь мочалкой и гелем для душа. Пена была повсюду, скатывалась по телу и бедрам, уплывая в слив под ногами.

Хотелось домой.

Мои глаза наполнились слезами, и я зажмурилась. Как же сильно я хотела вернуться домой и забыть эти дни, но понимала, насколько это бессмысленно. Я никогда не забуду то, что произошло у нас с Кайлером.

Секс на одну ночь.

Это не то, что я хотела, но я была согласна и на это. Не уверена, как это определяет меня, неужели я могу любить кого-то настолько сильно, что готова принять любые объедки, брошенные в мою сторону? Это было не правильно. Это олицетворение *слабости*. Я все понимала, но это не отменяло того факта, что, если прямо сейчас Кайлер войдет в ванную, я позволю ему сделать все, что он пожелает. От этих мыслей я почувствовала уже привычную боль в груди.

Но вдруг на меня полилась ледяная вода, отчего я отпрыгнула и вскрикнула от неожиданности. Я пыталась отойти к задней стенке ванны, но ноги начали соскальзывать.

О нет...

Я потеряла равновесие и, размахивая руками, зацепилась за первое попавшееся. Душевая занавеска удержала мой вес, и на секунду я почувствовала облегчение, но потом маленькие крючки начали щелкать, а занавеска срываться, и мои ноги выскользнули из-под меня. Я ударилась задницей о скользкий мыльный пол и втянула воздух от резкой боли, распространившейся по копчику. Рядом колыхалась занавеска, слабо защищая меня от потока холодной воды. Небольшой вентилятор в стене ванной комнаты с грохотом остановился, и все то небольшое количество тепла, которое попадало из обогревающих труб, исчезло.

Дверь ванной распахнулась, ударяясь о стену, и я почувствовала порочное дежавю, когда в комнату ворвался Кайлер.

— Сидни, что...?

Я дергала смеситель, выключая его, и пыталась удержать на себе душевую занавеску. Конечно же, она была прозрачной, а мне ожидать чего-то другого? Унижения становятся моим коньком.

Вода начала останавливаться, и я подняла голову, выглядывая на Кайлера через мокрые и уже холодные волосы. Он присел, широко раскрыв глаза,

— Ты в порядке?

Я прижала занавеску у груди:

— Думаю что... сломала задницу.

Он сжал губы и, оглянувшись, схватил полотенце.

— Держи, — сказал он. — Давай помогу.

Мое тело покрылось мурашками, но я оттолкнула его руку:

— Я в порядке.

— Что случилось?

Я бросила на него испепеляющий взгляд.

— Я упала.

— Это я уже понял, — проворчал он, подавая большое сухое полотенце.

— Полилась ледяная вода, но я недолго под ней стояла. Меньше минуты, — проворчала я, пытаясь понять, как накрыться полотенцем, не выставя все прелести напоказ. Нахмутив брови, он подошел к вентилятору и приложил к нему руку. Я воспользовалась этим моментом и, схватив полотенце, избавилась от занавески. Обернув его вокруг груди, я встала на дрожащие ноги. У меня действительно болела задница.

— Черт, — выругался Кайлер. — Думаю, резервный генератор сдох. Просто охрененно!

Мне не надо было спрашивать, что это значит. Трубы замерзнут. Еда испортится, хотя это сомнительно, учитывая, как понижается температура внутри дома. По крайней мере, в холодильнике ничего не испортится. Но тепло будет поступать только от камина.

Кайл схватил меня за руку и торопливо помог выйти из ванны, как будто ожидал, что я опять упаду и сломаю себе шею. В этот момент все было возможно. То небольшое количество тепла, что здесь было, очень быстро испарилось. Когда мы вошли в спальню, по моему телу снова побежали мурашки.

Он провел рукой по своим волосам.

— Мне нужно выйти на улицу и проверить его. Оставайся тут, ладно?

— Подожди. — Я пошла за ним, обходя кровать. — Разумно ли это? Что, если кто-то действительно стрелял в то окно, Кайлер? Я не хочу, чтоб ты выходил на улицу.

— Я буду в порядке. — Он направился к двери.

— Кайлер!

— Кто-то должен проверить его, Сид. Со мной все будет хорошо. Просто жди меня внизу, где... вроде как тепло. — Он замолчал, и жесткое выражение лица немного смягчилось. — Серьезно. Все будет в порядке.

Я была очень недовольна, но он уже вышел за дверь. Если снаружи ходит местный психопат, то я не хочу, чтобы Кайлер выходил.

И-и-и я уже замерзла в полотенце.

Быстро переодевшись в свитер и толстовку, я поспешила вниз, натягивая зимние ботинки. Если Кайлер идет туда, где его может ожидать потенциальная опасность, я тоже могу быть там и, по крайней мере, караулить, пока он заливает в генератор бензин.

Я схватила куртку со спинки кухонного стула. Застегнув молнию, я открыла входную дверь, и в лицо ударил сильный порыв ветра вперемежку со снегом.

— Обалдеть, какая сильная метель!

Из-за сильного снегопада следы Кайлера, ведущие с крыльца, были уже еле видны. Не желая снова упасть, я вцепилась в перила и осторожно пошла по толстому слою снега. Несколько раз мои сапоги проваливались сквозь этот слой, достигая деревянных ступенек. Иисусе. Очень мощный снегопад.

В сумеречном свете сквозь метель слева проглядывалась сбитая сосна и бьющиеся на ветру разорванные электрические линии. На снегу виднелся след, который, судя по всему,

проложил Кайлер. Я последовала по нему в обход дома, с трудом пробираясь сквозь снег. Мои руки были спрятаны глубоко в карманы, но я уже чувствовала, как к ним подбирается холод. Я уже не чувствовала нос и щеки, когда обогнула дом.

Он сидел на корточках рядом с грудой снега, плотно сжимая в руках лопату, и осматривал резервный генератор.

— Кайлер? — Ветер донес до него мой голос.

Его голова дернулась в мою сторону, и он резко поднялся:

— Сид? Какого черта ты тут делаешь? Я же просил...

— Знаю. — Я подобралась ближе к нему, стуча зубами. — Но ты не должен находиться на улице в одиночку. — Я вынула руки из кармана и убрала с лица мокрые и теперь уже заледеневшие пряди волос. — Я могу караулить тебя.

— Боже, ты слышишь пневмонию! — Его щеки были красного цвета.

— Неправда. Нельзя простудиться из-за в-в-влажной головы. — Шмыгнув носом, я перевела внимание на генератор и прищурила глаза от обжигающего ветра. — В нем н-н-нет бензина?

Он на мгновение уставился на меня с грозным выражением и, снова повернувшись к генератору, ответил:

— Нет. Бензин внутри, но кто-то, блядь, перерезал провода, ведущие в дом.

Мой разум отказывался верить его словам, но я видела на снегу электрический пробой, который тянулся от генератора к лесу, и тропинку, похожую на след от лыж.

— Нет. Н-не может быть.

Кайлер двигался сквозь метель лучше, чем я, он дотянулся до разрезанного кабеля за генератором. — Полностью обрезан.

Я смотрела на эти провода с замиранием сердца. По моему телу распространился страх.

— Это п-плохо.

— Нет. — Он отбросил провода и повернулся ко мне: — Нам нужно вернуться внутрь. Сейчас же.

Я не собиралась спорить с этим или с тем, что он обнял меня за плечи, прижимая ближе к себе, и направил обратно в дом. Я понятия не имела, как он не замерз или почему его пальцы еще не онемели. Может, потому, что он очень часто катается на лыжах и сноуборде?

Может, я просто неженка, когда дело касается холода?

Внутри Кайлер быстро расстегнул мою куртку и снял ее с меня.

— Тебе действительно не следовало выходить из дома, Сид. Я же сказал, что буду в порядке.

— Но кто-то перерезал провода. Они все еще могли находиться снаружи. — Дрожа, я позволила ему вести меня в гостиную. — На тебя могли напасть или... тебя бы завалило снегом.

Он потянул меня вниз на ковер, усаживая перед камином. Я сжалась от исходящего тепла, слишком резкий перепад температуры для моей обледеневшей кожи.

— Я смогу постоять за себя, — ответил он, присев рядом со мной на корточки. — Ты снаружи — вот что меня беспокоит.

— Не стоит. — Я сосредоточила свой взгляд на оранжево-красных языках пламени.

— Почему не стоит? — Он провел рукой по моим влажным волосам, стряхивая снежинки.

Мои глаза закрылись, когда он снова погладил меня, и мне захотелось прогнуться под

прикосновением, как кошка, желающая получить больше ласки. — Когда я услышал, как ты зовешь меня на улице, мое чертово сердце практически остановилось.

— Как драматично, — пробормотала я. Его рука на моей голове остановилась, и в этот момент я забыла о той путанице, которая произошла между нами.

— Это правда. Мысль о том, что ты на улице и рядом с каким-то гребанным мудаком, напугала меня до полусмерти.

— Думаешь, здесь мы в безопасности?

Он ответил не сразу.

— Начинает холодать. Мы будем спать здесь, внизу, и в гараже у нас достаточно дров. Знаю, это не то, что ты имела в виду, но я не думаю, что кто-то сможет войти сюда, к тому же если они и войдут, то не выйдут отсюда.

Я открыла глаза. Кайлер кивнул в сторону стены у камина. На ней висели несколько винтовок.

— Они настоящие?

Он кивнул, встал, чтобы снять одну из них, и приложил к стене.

— И заряжены. Опасные. Поэтому не играй с этим.

— Я и не собиралась, — ответила я и переместила взгляд на раскрытые занавески на окне. Скоро наступит ночь, очень холодная ночь, но он был прав. Это меня не очень беспокоило.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — успокоил он, двигая пальцами по моей щеке. — Обещаю.

От переполненных чувств в груди не осталось места.

— Я знаю, что кому-то на самом деле хочется нас...

— Напугать? — спросил он, опуская руку. — Я знаю, как пользоваться винтовкой. Как я уже сказал, если кто-то войдет, то уже не выйдет отсюда.

Я содрогнулась от его слов, но было приятно узнать, что мы не полностью беззащитны.

— Наверное, какой-то идиот балуется с нами. Нет никаких причин серьезно беспокоиться об этом. — Он снова встал, проведя ладонью по своему подбородку. — Мне следует утеплить эту комнату, пока мы не потеряли то небольшое тепло, что у нас есть.

Встав на ноги, я проигнорировала его хмурый взгляд.

— Я помогу.

— Сид...

— Не спорь со мной. Я могу помочь. Что нам нужно сделать? Собрать одеяла? Соорудить шалаш?

Он выдавил из себя улыбку.

— Тогда пошли.

Мы взяли простынь, чтобы натянуть на дверь застекленной террасы, потому что синий брезент на окне пропускал холодный воздух. Потом мы собрали все одеяла, все спальные мешки и спустили со второго этажа двуспальный матрас, соорудив из всего этого замечательное спальное место у камина.

Импровизированная кровать, которую мы будем делить, — импровизированная кровать с рядом стоящим дробовиком.

Брррр.

Когда мы складывали все одеяла, напряжение между нами вроде исчезло, но потом возвращалось с удвоенной силой каждый раз, как наши руки или тела касались друг друга.

Когда я смотрела на него, то ловила его взгляд на себе, но он быстро отворачивался. Я не знала, что с этим делать. Мы шутили и болтали о всякой ерунде, чтоб заполнить тишину. Он избегал разговоров, которые могли привести нас к тому, что произошло на террасе, или о том что, могло произойти снаружи. К ужину (и снова колбасным ассорти) я почувствовала сковывающую напряженность.

Я набросилась на бар как вышедшая из себя алкоголичка. Достав бутылку Джека, я налила себе шот и выпила его.

Жидкость как уголь обожгла горло, от чего я закашлялась.

— Снова пьешь? — спросил Кайлер, спуская в гостиную свою гитару в чехле.

Я опустила рюмку на стол, чтоб снова наполнить ее.

— Ага.

Он подошел ко мне, вырывая бутылку, прежде чем я успела налить еще.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Я нахмурилась.

— Думаю, что это отличная идея.

— Как насчет держаться подальше от крепких напитков сегодня вечером? — Он наклонился и вытащил два пива из маленького барного холодильника. — И пить вот это?

— Ненавижу вкус пива, — ответила я, но все же с раздражением приняла бутылку.

Он улыбнулся, возвращаясь к гитаре, и поставил свою бутылку на край стола.

— А я ненавижу, когда ты пьяна.

Я не знала, что на это ответить.

— Почему?

Он лениво пожал плечами.

— Просто это не ты — и не обижайся на это. Мне нравится, что ты не такая. Ты не тусовщица, и это хорошо.

Я открыла было рот, но ничего не смогла сказать. Ему нравилось, что я не тусовщица? Но все девушки, с которыми он встречался — и «встречался» в широком смысле этого слова, — были абсолютными тусовщицами. Мой мозг начал раскалываться от его заявления. Что он имел в виду? Я не могла уловить смысл.

Не прошло и минуты после его слов, как я уже была раздражена.

Держа бутылку у груди, я наблюдала, как он вынул гитару из чехла. Комнату освещало несколько зажжённых свеч, которые с наступлением ночи начали отбрасывать мягкие тени.

Откинув с лица уже высохшие волосы, я отвела от него взгляд, когда он посмотрел на меня, перебирая пальцами струны. Подойдя к нашей кровати, я села, жалея, что мне не хватило предусмотрительности взять с собой какие-нибудь хорошие книжки. Но через несколько минут Кайлер начал играть на гитаре — и я позабыла о книжках. Повернувшись к нему, я позволила тишине и мелодии успокоить себя. Я не узнала эту песню, вероятно, она новая или он сам ее придумал.

Его длинные пальцы с завистливой профессиональной ловкостью проигрывали аккорды. Его игра зачаровывала, а возносящая мелодия захватывала. Пока он играл, прядь каштановых волос упала ему на лоб, а эти густые и невероятно длинные ресницы словно веером покрывали его скулы.

Он остановился и, приподняв подбородок, встретился со мной взглядом. Из-за комка в горле я не могла ничего сказать, но не смогла и отвести от него взгляд. В этой тишине так много всего натянулось перед нами, что лучшим решением было оставить слова

недосказанными, а истину никогда не озвучивать.

Кайлер отложил гитару в сторону и протянул руку к бутылке, которая стояла рядом. Он сделал глоток и только потом отвернулся от меня. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Мне не хотелось спать, совсем наоборот, но очень хотелось, чтобы было иначе. Я потягивала пиво, надеясь, что оно вырубит меня. И это была самая странная чертовая вещь. Насколько я хотела просто уснуть и не позволить себе тем самым сказать или сделать что-нибудь глупое, настолько я не хотела упускать время, проведенное с ним.

А потом он заговорил,

— Я не должен был поддаваться.

Кайлер

Слова вырвались из моего рта, прежде чем я смог их остановить. Я не жалел о них, ведь мне нужно было это сказать. Мне не следовало делать то, что я сделал на террасе, так обращаться с ней — не лучше, чем с очередной телкой для быстрого перепиха у стены.

Сид заслуживала гораздо большего и лучшего, чем это. И даже если я был способен только на быстрый перепих, ей я бы дал больше, если бы она захотела.

Я бы дал ей все, о чем бы она ни попросила.

Вероятно, этого не будет достаточно, и я знаю, что не смогу исправить то, что делал в прошлом. Я не могу вернуться назад и изменить тот факт, что я зависал с теми девушками, что Сид наблюдала, как я одну за другой вез к себе домой, но, черт возьми, если она спросит, я расскажу, насколько глубоки мои чувства к ней.

Но я ничего не могу изменить, и теперь Сид воспринимает меня так же, как те девушки из школы и колледжа или те, которых я встречал в баре. Она ожидает от меня то, что ожидали они, — ночь секса и ничего более. И от этого я чувствовал себя настоящим говнюком.

Сид подавилась пивом и быстро заморгала.

— Не поняла?

Я запустил руку в волосы.

— Ранее на террасе — я не должен был давать тебе то, о чем ты просила.

Ее руки сжались в крошечные кулачки, и мне хватало жизненного опыта, чтоб быть благодарным тому, что у нее не было в руках бутылки с пивом, потому что она не упустила бы шанс запустить ею в мою голову.

— Я пыталась избегать этой темы, поскольку ты до боли ясно дал понять об этом.

— Мы должны поговорить об этом, — ответил я. — Расставить все точки над «и». Ты...

— Я не хочу, Кайлер. — Она резко встала. — Не вижу в этом смысла. Думаю, я уже достаточно унизилась за последние два дня, хватит до конца жизни.

Я покачал головой:

— Я не пытаюсь унизить тебя. Это последнее, что я хочу.

— Тогда нам не следует говорить об этом. Ты не хочешь меня. Я это поняла. — Она на короткий миг взглянула на меня, ее нижняя губа дрожала, а это как запрещенный удар в мою грудь, но потом она отвернулась к окну. — Тут больше не о чем говорить.

— Тут чертовски о многом нужно поговорить, Сид. — Я повысил голос и клянусь Богом, если она подойдет к окну еще ближе после того, что случилось, я свяжу ее. — Почему ты раньше ничего не говорила? Или ты просто проснулась несколько дней назад и решила, что хочешь *этого* от меня?

Она сдавленно рассмеялась.

— Да, это именно так и происходит. Я просто проснулась однажды утром и поняла: «Бог ты мой, да я хочу, чтоб Кайлер занялся со мной сексом». Серьезно, ты такой тупой.

— Тогда объясни мне. — Я вскочил на ноги и пересек комнату. Она попятилась, выставив между нами кресло. — Мне нужно знать, почему ты захотела этого от меня. С чего ты взяла, что с этим не возникнет проблем?

Она вцепилась в спинку кресла, судорожно сглатывая.

— Ты так говоришь, как будто для тебя это непосильный труд.

Я сузил глаза. Что за черт?

— Я не об этом говорил и говорю.

— Ладно. Ты хочешь поговорить о нас. Почему ты так против этого? — Эти слова словно прорвали плотину. — Я была твоим лучшим другом с самого детства. Я *наблюдала* за тобой, когда ты начал проявлять внимание к девушкам и встречаться с ними, и не думаю, что ты хоть раз отказывался от их предложений.

Я отшатнулся.

— Я тебе не гребанная проститутка, Сид.

Она изумленно раскрыла глаза.

— Но ты *готов* трахнуть все, что движется и улыбается тебе, но только не меня!

— Да! Это именно то, о чем я говорю. — Я шагнул к ней. Из-за мягкого освещения от свечей ее глаза казались темными, как беспокойные волны в океане. — Я не хочу трахать тебя, Сид. Это не про нас с тобой.

Она прерывисто вздохнула.

— Ты хотел меня. Я это *чувствовала*.

Я отвернулся и так сильно стиснул зубы, что даже удивился, почему они не раскрошились.

— Ты не получишь этого.

Обхватив себя руками, она отошла от кресла и направилась к двери, ведущей в другую часть дома. Ох черт, нет, куда она собралась? Мы не закончили разговор.

— Я поняла, — продолжила она с блестящими от слез глазами, отчего все мое тело напряглось. — Я недостаточно хороша для тебя. И неважно, что я влюблена в тебя... — Она резко побледнела. — О Боже...

В этот момент гребаный мир остановился. Я всегда думал, что люди чрезмерно мелодраматичны, когда говорят, что жизнь — дерьмо, если слышат нечто совершенно неожиданное и шокирующее, и черт возьми, они оказались правы. Гребаный мир действительно остановился для меня, прямо в этот момент.

Сид *влюблена* в меня? Она *любила* меня?

— О Боже мой, — снова прошептала она.

Я со скоростью света оказался рядом с ней. Обхватив ее щеки, я откинул ее голову назад, так чтоб она смотрела мне в глаза.

— Что ты только что сказала?

Она выглядела так, будто ее сейчас стошнит.

— Ничего, я ничего не говорила.

— Чушь собачья! — Мои глаза расширились. — Ты влюблена в меня?

— Конечно. — Она рассмеялась, но я понял, что смех был фальшивым. — Мы лучшие друзья, казалось, целую вечность, и я бы в...

— Ты не это имела в виду. — Голос охрип, а в груди грохотало сердце. Не может быть, чтоб она имела это в виду. — Ну же, Сид. Не это.

Она покачала головой.

— Неважно. Ты не...

— Ты. Не. Поняла. — Мне хотелось встряхнуть ее. Она была недостаточно хороша? С ума сошла что ли? Я уже начал так думать, потому что все было совсем наоборот. — Ты лучше, чем девушка на одну ночь, Сидни. Я не могу сделать этого с тобой. Ты совершенно не такая, как те девушки. Ты заслуживаешь гораздо большего.

Ее глаза вспыхнули и раскрылись от удивления. Я стоял так близко, что видел крошечные слезы, которые скатились по ее щеке. Если бы меня ударили по яйцам, мне было бы легче перенести эту боль, чем видеть, как она плачет, и знать, что я являюсь причиной ее слез.

И тогда меня осенило, что это уже не в первый раз, когда я заставляю ее плакать. Были и другие случаи. Те наши крошечные моменты раньше не казались важными, но теперь, оглядываясь назад, я понял, как много они значили для нее. Каждый памятный момент разрезал меня как ржавый нож.

Я был самым распоследним мудаком, чем мог бы себе представить.

В девятом классе я отменил нашу с Сид ночь кино ради молоденькой чирлидерши, у которой был очень талантливый ротик. На следующий день Сид сидела в классе с красными опухшими глазами и сказала мне, что это из-за аллергии, за исключением того... что у Сид не было ни на что аллергии. В течение всего лета после десятого класса я постоянно срывал наши с ней планы, чтоб провести время с девушками. На наш выпускной я пообещал ей танец, но рано ушел оттуда. Снял номер в отеле для девушки, имя которой уже и не вспомню. Она всегда улыбалась и говорила, что все хорошо, но потом... после с ее глазами что-то происходило — то она прочитала грустную книжку, то смотрела депрессивное кино. То же самое и в колледже, даже если она с кем-то встречалась. И даже совсем недавно, я вспомнил ее выражение на лице, когда она увидела Минди, выходящую из ванны в то утро, когда мы выезжали в Сноушу. Я оказался не прав и в то же время прав. Это не было отвращением, это было тяжелое разочарование.

Все это время я разбивал ей сердце, но она до сих пор была рядом.

Она *все еще* здесь.

Я произнес гортанным голосом:

— Не плачь, малыш. Я не этого хотел. — Я наклонился, ловя губами ее слезы. — Ты даже не представляешь, как много значишь для меня.

По щеке потекла еще одна слезинка, и я стер ее своим большим пальцем.

— Я не спал с ней, — выпалил я, как полный идиот.

Сид заморгала.

— Что?

Я даже покраснел.

— Я не спал с Минди — девушкой, которая была у меня дома. Я не спал с ней, Сид. Знаю, что это не многое меняет, но я не спал.

Это только заставило ее плакать сильнее, и я действительно не знал, что делать. Я облажался сильнее, чем думал, и сильнее, чем боялся. Она попыталась отвернуться, но я мягко, но крепко удержал ее лицо. В груди что-то болело.

То же самое я почувствовал, когда в старшей школе она заявила, что встречает с

Нейтом.

Поэтому я сделал единственное, о чем мог думать, единственное, что хотел.
Я поцеловал ее.

Сидни

Сначала я не могла понять: он целует меня, чтоб я перестала плакать, или у него были какие-то другие мотивы? Действительно странный способ, но он сработал. Я перестала плакать, потому что просто перестала думать. Он целовал меня. Годы раздумий о том, как это будет, и ожидание этого момента остались в прошлом, и теперь его губы прикасались к моим.

И поцелуй был таким мягким и нежным, что проник глубоко в меня и украл мое дыхание, а потом и мое сердце. Но сердце всегда принадлежало Кайлеру.

Его губы снова коснулись моих, а потом еще раз. Я резко вздохнула и опустила руки на его талию. Из него вырвался глубокий звук, который проник в каждую мою частичку, вызывая волну мурашек по всему телу.

Давление на мои губы увеличилось, а его руки соскользнули с щек и запутались в моих волосах. Он оторвался от меня и склонил мою голову назад, хватая зубами нижнюю губу, умоляя открыть рот.

Мое сердце так сильно стучало, что я думала, оно выпрыгнет из груди. Мои пальцы сжимали мягкую ткань его толстовки, и, когда его язык проник в мой рот, из меня вырвался тихий стон, и поцелуй углубился. Меня никто никогда так не целовал — он как будто жаждал испробовать меня на вкус. Голова кружилась. Глубоко внутри зарождалось желание, начиная с сердца, оно распространялось самым сладчайшим огнем.

Кайлер отстранился и снова взял в руки мое лицо, бережно удерживая его ладонями. Когда он начал говорить, его губы касались моих.

— Теперь ты поняла?

Я едва могла дышать, когда открыла глаза.

— Поняла что?

Он немного склонил голову, чтоб наши губы снова оказались на одном уровне.

— Ты.

— Я? — переспросила я и вздрогнула, когда наши губы снова сомкнулись.

— Это то, что ты заслуживаешь. — Он втянул мою нижнюю губу, и я подумала, что в этот момент я наверно слегка повредила голову и это мне причудилось, потому что это не могло быть реальностью. — И это, — добавил он, перемещая руки мне на плечи. Он притянул меня к себе, пока я полностью не прижалась к нему и не почувствовала каждый сантиметр его тела. — Малышка, ты не заслужила того, что хотела получить на террасе.

Он прошелся языком по моим раскрытым губам, и я поцеловала его в ответ так, как мечтала сделать в течение многих лет. Он застонал, и его руки перебрались на мои бедра. Когда он вновь поднял голову, я уже практически задыхалась.

— Что еще я заслуживаю?

Уголок его губ приподнялся.

— Все, малышка, ты заслуживаешь все.

Мое сердце настолько переполнилось чувствами, что я подумала, оно сейчас взлетит вверх к потолку, но в него просочилось замешательство, угрожая моему пузырю счастья.

— Кайлер, я... я не понимаю.

От улыбки на его правой щеке появилась ямочка, отчего мое сердце загрохотало еще

быстрее.

— Тогда ты действительно ничего до сих пор не поняла. Думаю, пора обучить тебя.

Я затрепетала. Прямо сейчас я вспомнила старую поговорку — «Дареному коню в зубы не смотрят». Прими этот факт. Просто *смирись* с судьбой. Не застывай. Что бы это ни было, не наделай ошибок. Я не хотела оглядываться назад и жалеть, что всему помешал мой рот и бесконечные вопросы.

— Обучить меня?

— Ухуммм, — пробормотал он, поворачивая свое тело так, чтоб мы прижались бедрами. — К тому времени, как я закончу, ты полностью поймешь, что я имел в виду. И думаю, что мы начнем с этого свитера.

— Свитера?

Кайлер укусил меня за нижнюю губу, и я ахнула.

— Мне нравится этот свитер. Тебе очень идет этот цвет. Идеально. — Он подобрал с груди пряди волос и передвинул их на плечо. — Но знаешь, что больше всего мне нравится в этом свитере?

— Что?

Он поднял ресницы и пронзил меня жгучим взглядом. Напряжение перемешивалось и туго скручивало мой живот. Жар в его пристальном взгляде говорил мне, что я совсем, совсем не опытна для него. Как только он скользнул пальцами под мой свитер, вместе с понимающей улыбкой исчезли и его ямочки на щеках.

— Все еще не поняла?

Я покачала головой.

— Хммм...

Этот его низкий рокот заставлял меня хотеть повалить его на спину. Его пальцы прошли по голой коже моего живота, а когда они достигли моих ребер, у меня перехватило дыхание. Он склонил голову на бок и нахмурил брови.

— Сид, ты не надела лифчик?

Прежде чем я успела ответить, его рука двинулась дальше, пока кончики пальцев не коснулись линии груди.

— Нет, не надела. Очень неприлично, Сид.

Мои губы дернулись.

— Не то что бы мне нужно...

— Не говори ничего. — И его губы захватили мои долгим жгучим поцелуем. — Вернемся к свитеру.

— К свитеру? — тупо повторила я.

Он кивнул, и в этот момент в комнате было слышно только мое колотящееся сердце и треск, исходящий от камина.

— Самая лучшая часть этого свитера, не считая того факта, что в нем ты выглядишь чертовски сексуально, — это то, что он исчезнет.

Ох, черт!

Кайлер стянул с меня свитер и бросил на пол. На этот раз в его движениях было гораздо больше интимности, чем в прошлый. Даже в темной комнате я почувствовала себя намного обнаженной. Его взгляд блуждал по моему лицу и пополз ниже на шею и на грудь. От его взгляда мои соски затвердели.

Он откинул назад мои волосы, которые длинными прядями закрывали грудь.

— Теперь, когда мы прошли урок со свитером, давай поговорим об этом, — сказал он своим низким хриплым голосом, имея в виду мою грудь. — Они абсолютно идеальны.

Я всегда думала, что у меня грудь не красивая, но его взгляд заставил меня почувствовать гордость и счастье за нее.

Он склонил голову, и кончики его волос защекотали мою грудь. Его губы были так близко, и я думала, что умру от предвкушения. Он поцеловал небольшой порез, потом еще один, а затем его губы сомкнулись на соске. Дрожь не покидала мое тело. Он просунул руки мне под поясницу, когда перешел к другой груди и глубоко всосал второй сосок.

— Идеально, — снова повторил он, проводя языком по затвердевшему соску, пока я не схватила его за плечи, выгнув спину. Не отрывая губ, он двигался дальше вниз. — Знаешь, что за этим последует?

У моего воображения было несколько вариантов, но вместо ответа я зацепила пальцем низ его толстовки. Широкая улыбка, от которой на щеках появились ямочки, стала моим вознаграждением. Он убрал от меня руки и снял свою толстовку вместе с нижней футболкой.

Его грудь была еще безупречней, чем я помнила. Твердые мышцы груди, глубокие кубики на животе и эта золотистая кожа всегда манили меня. Я прильнула к нему, покусывая губу, и старалась сдерживать волнение от прикосновения к его коже. Я все еще немного чувствовала порезы, но это было ничем по сравнению с другими ощущениями. Я снова задрожала, когда его голова опустилась к моим плечам. Он оставил на них поцелуй, и эмоции затопили мое горло.

— Ты быстро учишься. Я не удивлен. — Он продолжал целовать мою шею, остановившись лишь у уха. Протянув большой палец, он приподнял мой подбородок. — Ты всегда была так чертовски хорошо во всем, что делала.

— Не во всем, — призналась я, краснея. — Это... В этом я не очень хороша.

Кайлер отстранился и выгнул бровь.

— В этом ты *потрясающая*.

— Нет, не так. — Я рассмеялась, понимая, что пора замолчать. Иногда мне действительно нужно держать рот на замке. — Я всего лишь... ну, ты же знаешь... и это было...

— Это потому, что тот грязножопый идиот не понимал, что делает. — Он коснулся легким поцелуем моего виска. — И поверь мне, я *точно* знаю, что делаю.

В этом я несколько не сомневалась.

Он отодвинулся, укладывая меня на спину, пока я полностью не легла на нашу импровизированную кровать, и тепло от огня прошло по моей спине.

— А теперь об этих джинсах...

— А что с ними?

Он подмигнул мне, и черт меня побери, если он не был в этом мастер.

— Им пора свалить.

Я с трудом втянула воздух. Не разрывая зрительного контакта, его пальцы нащупали мою ширинку и с удивительной ловкостью расстегнули пуговицу. И опять — это несравнимо с тем, что происходило на террасе. В его взгляде и в его действиях не проскальзывала злость. Теперь это было возбуждение и желание, и что-то еще, что я слишком боялась понять. Это было не так, как с Нейтом, с ним этот момент был наполнен неуклюжими движениями с несвязной речью и толчками, после чего все закончилось.

Сейчас все было медленно, нежно и идеально.

Боже, *он* был идеальным.

Кайлер стянул с моих бедер джинсы. Он приподнял меня, чтобы я полностью избавилась от них, после чего я осталась в одних трусиках — в довольно хороших, слава Богу. Он прижался губами к моему лбу, пока его большие пальцы стягивали с меня стринги.

— Ну так что, теперь-то ты поняла?

— Ты хочешь меня? — Мой голос прозвучал странно и незнакомо.

Он рассмеялся.

— Ох, ты почти угадала, малышка.

Я начала хмуриться, но одним плавным движением мои трусики оказались на полу рядом с остальной одеждой.

— Боже мой, если бы снятие трусиков входило в состав Олимпийских игр, то ты бы получил золотую медаль.

Теперь он рассмеялся еще глубже и сильнее.

— Спорт ценен, только если ты хочешь действительно что-то выиграть. — Затем он отстранился, и от его взгляда, блуждающего по всему моему телу, мне захотелось прикрыться и заставить почувствовать его то же самое. — Ты красавица, Сидни. Ты знаешь это? Ты такая красивая и даже не знаешь об этом.

У меня сжалось горло, и прежде, чем я успела прочистить его и испортить этот момент, я потянулась к пуговице на его джинсах, но он перехватил мою руку. Я удивленно вскинула брови.

Он покачал головой.

— Я все еще обучаю тебя, Сид.

— А? — удивилась я. Поддразнивание в его голосе немного успокоило меня, за исключением того, что я была полностью голой, а моя кожа горела по множеству причин. Я никогда не была настолько обнажена перед парнем, даже перед Нейтом. Во время нашего первого и единственного секса я была топлес и с задранной юбкой. И все.

Но теперь мне было нечем прикрыться. Я думала, что под его взглядом мне будет совсем некомфортно, но то, как он рассматривал мое тело, задерживаясь взглядом на некоторых особенных местах, я чувствовала себя богиней.

Взяв мою руку, он потянул нас вниз на грудь одеял. Когда моя спина коснулась их, я почувствовала, как каждый мой мускул напрягся. Горло как будто сжалось, и хотя я должна была почувствовать тепло, внутри меня сковал ледяной холод. Куда подевалась моя сексуальная богиня? Она сбежала, черт бы ее побрал.

Кайлер навис надо мной, удерживая свой вес на одной руке, которая упиралась о матрас за моей головой. Его тело не касалось моего, и он до сих пор был наполовину одет, но я знала, к чему все это ведет. Это было то, чего я хотела — так давно хотела, — но у меня уже был этот небольшой опыт, и я не смогу вынести, если Кайлер подумает, что я фригидная, как заявил Нейт.

И тогда Кайлер поймет, что в итоге напрасно сломал себе нос.

— Эй, — окликнул он меня, нежно поглаживая мою щеку. — Где витаешь?

Я покачала головой.

Кайл пристально смотрел на меня.

— Мы не обязаны это делать, Сид. Мы можем остановиться прямо сейчас, если ты этого хочешь.

Проклинаю себя за свой идиотизм, я сглотнула.

— Нет. Нет, я не хочу останавливаться.

Он передвинул руку к моим плечам, и мое тело дернулось от этого прикосновения. Он перевел взгляд, но ничего не ответил. Вместо этого он приник к моим губам. Поцелуй был нежным и медленным, и он продолжался, пока мышцы моих рук и ног не расслабились. И снова появилось то другое напряжение, превращающее мою кровь в кипящую лаву. Я подняла руку и прикоснулась к твердым мышцам его живота.

— Как хорошо, — просипел он. — Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

И мне нравилось прикасаться к нему. Изучая выпуклости его мышц, я восхищалась гладкостью и шелковистостью его кожи.

Бег прекрасно подтягивает тело.

Я провела руками по его груди и переместила их к плечам. Под моими прикосновениями он весь напрягся. И пока я изучала его тело сантиметр за сантиметром, он навалился на меня всем своим весом, пока наши ноги не переплелись. Ощущение ткани его штанов на моей обнаженной коже побудили меня к сладостному порыву. Мои бедра приподнялись, и он застонал, отчего мне захотелось большего. Его длинное тело было прижато ко мне, и я чувствовала его эрекцию.

Кайлер прервал наш поцелуй, и прежде чем я успела возразить этому, его губы коснулись моей шеи, опускаясь ниже к груди. Не задерживаясь на ней, его руки и губы оставили мою грудь. Я дернулась, пытаясь пальцами вернуть его обратно, но потом он двинулся ниже, прокладывая дорожку из поцелуев по животу, вокруг пупка, а потом и к выпуклости бедра.

— Теперь начинаешь понимать? — спросил он, ухмыляясь и проталкивая руку под мое бедро, нежно его поглаживая.

— Я... думаю, да, — ответила я, наблюдая за игрой теней на его лице. Он опустил ресницы, и по моему телу прошла дрожь. Одной рукой он осторожно раздвинул мои ноги. Когда из него вырвался непохожий на человеческий звук, я поборолась с желанием сжать ноги.

— Я сделаю это, — сказал он, и я понимала, что он имеет в виду. Его глаза метнулись вверх, как бы спрашивая разрешение. — *Я действительно* это сделаю, малышка.

Меня наполняло предвкушение и тревога.

— У меня не было... в смысле, никто не делал этого прежде.

— Я знаю. — Он сказал это с гордостью и властью. — Будет потрясающе. Я обещаю.

Я кивнула и опустила голову обратно на одеяла. Я знала, чего ожидать. Я не настолько наивна и глупа, но когда я почувствовала его пальцы, я чуть не кончила от этих прикосновений. Всего одно касание пальцем — и мое тело начало дергаться, а бедра раскрылись навстречу его прикосновениям.

— Такая чувствительная, — пробормотал он, проникая пальцем внутрь, заставив выгнуться мою спину и вырваться громкому стону из моего горла.

После этого его голова опустилась, а моя спина скатилась с одеял. Короткая щетина его подбородка дразнила мою нежную кожу. Все мое тело напряглось, ощущения перешли за грань, когда его губы коснулись меня там, самым нежным, насколько это вообще возможно, поцелуем.

— Ты поняла? — спросил он снова.

Я сжала простынь от того, как он что-то проделывал своими пальцами.

— Кайлер...

— Ты не заслуживаешь быть оттраханной, как девушка на одну ночь. — Он целовал внутреннюю часть моего бедра, а я плавилась. — Ты заслуживаешь удовольствие. Все дело в тебе, всегда в тебе.

А потом его губы снова оказались на мне, вместе с языком и пальцами. Меня стянуло тугой спиралью удовольствия, и первый импульс был таким сладким и острым. Мои бедра бесстыдно тянулись к тому, что он вытворял, и его рычание отправило меня прямо к краю. Мое тело рассыпалось на тысячу мелких осколков, и я снова и снова так громко выкрикивала его имя, что, думаю, потом мне будет стыдно. Это было самое потрясающее, самое совершенное, что я когда-либо испытывала. Это как полет и падение одновременно.

Он продолжал свою ласку до тех пор, пока через меня не прошла последняя волна удовольствия и я не восстановила дыхание. Снова поцеловав меня в бедро, он навис надо мной, упираясь на руки по обе стороны от моей головы. Я открыла затуманенные глаза.

Он самодовольно ухмыльнулся.

— Я же говорил, что будет потрясающе.

Я коснулась пальцами его подбородка, потом вниз по шее, по груди и, опустив взгляд, заметила выпуклость на его штанах. Я переместила руку на его живот, но он перехватил ее, прежде чем я смогла дотронуться того, к чему тянулась, и перекатился за мою спину на свою сторону кровати. Я в смущении повернулась к нему.

— Ты не хочешь...?

Он поднял брови.

Мое лицо горело от того, что я сглупила и согласилась на то, что он только что сделал.

— Ты не хочешь продолжить? Я имею в виду, ты не кончил и... — И я просто хотела замолчать. Это было так унижительно.

Кайлер, посмеиваясь, обхватил меня руками, притянул спиной к своей груди, и я чувствовала его эрекцию.

— Я в порядке. Это все было для тебя.

— Ты не в «порядке». — Я потерлась о него своим задом, отчего он застонал. Мои губы растянулись в улыбке. — Видишь?

— Ага, вижу и *чувствую*.

Я откинула голову назад, чтоб видеть его, и прикусила губу, надеясь, что мой следующий вопрос не окажется неудачным.

— Ты не хочешь?

— Не хочу чего? — В его голосе послышалось недоверие. Мне на талию опустилась его рука, и он притянул меня к своим бедрам, прижимаясь к моему задку, отчего я снова возбуждалась. — Нет ничего сильнее, чем мое желание оказаться внутри тебя и надолго там остаться.

По моему позвоночнику прошла дрожь.

— Тогда почему ты не сделаешь этого?

Он откинул волосы с моего лица, убирая их за ухо.

— Я хотел сделать это для тебя и я... ну, я обычно не делаю это другим девушкам.

Моя грудь сжалась от упоминания других девушек, но я проигнорировала это.

— Ты покраснел?

— Нет, — фыркнул он. — Я не покраснел.

— Ага, наверно это просто тени на твоём лице. — Я сложила руки на груди. — Так

значит, ты не делал это? Потому что мне показалось, что у тебя имеется реальный опыт в этом деле.

Он снова рассмеялся и потянулся к одеялу, накрыв нас им и тщательно подвернув края вокруг меня.

— Я не говорил, что я *никогда* этого не делал.

Я приняла это во внимание. В течение года у него было несколько девушек, с которыми он зависал. Я только могу представить, что он мог делать с ними, но это не ответ на вопрос, почему он не пошел дальше. Я пожелала своим мозгам заткнуться, потому что это уже начинало действовать мне на нервы.

Кайлер обнял меня за талию.

— Я хотел этого, Сид. Действительно хотел. Поэтому не забивай свою головку чушью. Я просто хотел сделать это для тебя. — Он замолчал, целуя меня в щеку. — К тому же презервативы наверху, и прямо сейчас идти туда у меня нет сил.

Я не смогла сдержать хихиканье.

— Я на таблетках.

Он тяжело вздохнул.

— *Так* ты не помогаешь.

— Ты всегда используешь презерватив, да? Пожалуйста, скажи, что всегда.

— Я никогда не *не* использую презерватив.

Я почувствовала облегчение.

— Итак...

— Сид, малыш, ты убиваешь меня.

Я ухмыльнулась и перевернулась на спину.

— Я могу кое-что сделать, знаешь? Я занималась еще кое-чем.

Его грудь резко вздулась, и он замер.

— Ты не обязана это делать, Сид. Не потому, что я сделал это.

Я ненадолго задумалась над работой головы и рук. Все это я делала с Нейтом все те годы в старшей школе. Я делала это потому, что думала, что должна, или же Нейт просто меня к этому подводил. Так тупо переживать сейчас об этом, и честно говоря, мне очень хотелось быть лучшей по сравнению с теми, кто делал ему это до меня, но все это сейчас не имело никакого смысла. Я не была уверена, что смогу сделать это так же хорошо, как и другие, но я хотела сделать это не потому, что была чем-то обязана Кайлу.

Перевернувшись на свою сторону, я повернула назад голову и встретила с ним взглядом. Одеяло соскользнуло с моих плеч, но я едва обратила на это внимание.

— Я хочу это сделать. Не потому, что чувствую, что должна, а потому, что хочу.

На его челюсти заиграли желваки, когда он поднялся и облокотился на руку, и мне показалось, что он хочет убежать. Глубоко вздохнув, собирая всю свою смелость, пока не потеряла ее полностью, я поместила свою руку ему между ног и сжала ее. Все его тело дернулось, будто от шока. Я раскрыла глаза, глядя на него.

— Ты собираешься сказать мне «нет»?

Его глаза почти почернели, и я думала, что прошла вечность, прежде чем он отклонился назад и накрыл мою руку своей.

Такого ответа мне хватило.

Кайлер

Клянусь, это было совсем не то, что я планировал, когда все начинал. Черт, я вообще не уверен, что *понимал*, что начал, когда поцеловал ее, за исключением того, что просто хотел это сделать, хотел, чтобы она перестала плакать, чтобы она поняла, что заслуживает гораздо больше, чем просила.

Но теперь?

Да, я намеревался удовлетворить ее, а потом лечь спать — пусть даже и не с комфортом. Я хотел выпрыгнуть прямо в окно в ту секунду, когда она схватила меня между ног своими маленькими ручками. Даже когда моя рука накрывала ее, я понимал, что не должен позволять ей делать это. Я сбился со счета, как часто работал рукой, и это казалось таким естественным, но Сид?..

Будто мои необузданные фантазии снова преобразовались в реальность, как и ее вкус, который я все еще ощущал во рту, я никогда в своей жизни не был таким твердым. Никто, ни одна девушка, которую я когда-либо знал, не сравнится с ощущением ее на моих пальцах и на моих губах.

Но это была Сидни, чертовски прекрасная Сид.

Она взглянула на меня сквозь свои длинные темные ресницы, и, о черт, я всегда тащился от ее огромных голубых глаз. Маленькая неуверенная улыбка коснулась ее губ.

— Я принимаю это как «да»?

Желание в ее взгляде уничтожило меня, и весь мой самоконтроль разбился быстрее, чем падающие на пол куриные яйца.

Безусловно, это делает меня последним мудаком, но на хрен все эти джентльменские замашки. Еще секунда, и я кончу, и я все еще был в штанах. Насколько это выглядит жалко?

Я убрал свою руку от ее ладони.

— Делай с ним все, что хочешь, малыш.

Ее ухмылка переросла в улыбку, которая была такой радостной, что было даже больно на нее смотреть. Она неожиданно сильно сжала мой член. Я хотел было ее остановить, но когда ее рука обхватила весь мой член... и да-а-а, она получила меня. Я был полностью в ее власти.

Навалившись на плечи, я приподнялся, чтоб она смогла снять с меня спортивные штаны. Я подумал, что она удивится, когда увидит трусы, поэтому не был удивлен, когда она остановилась, и ее пальцы потянули резинку.

Посмотрев на меня, она выгнула брови.

— Рождественские эльфы?

Я слегка дернул плечом.

— Я помешан на них.

— Я оценила. — Она облизнула свои чертовски аппетитные губы, и я захотел снова ее поцеловать, но потом она аккуратно стянула с меня боксеры, освобождая мой член, и мои ноги сразу обдуло ветром. Она не успокоилась, пока они не упали рядом с моими штанами, и только потом вернулась на место — и лишь одеяло оборачивало ее талию.

Черт.

Когда я смотрел на нее, все мое тело подергивалось. Черт возьми, она была сексуальна

как ад со своими длинными темными волосами, спадающими на плечи и прикрывающими грудь. Что ни говори, внешность очень многое значит.

Подтянувшись, я откинул прядь густых волос назад, обнажая одну из ее дерзких грудей. Она молча изогнулась, такая невероятно восхитительная. Я могу смотреть на нее бесконечно.

Она опустила голову, и ее волосы снова накрыли ее плечи, когда ее пальчики обернули мою головку и *твою ж мать*. Моя спина прогнулась, когда ее рука медленно поднялась вверх, а потом снова вниз. Я сильно зажмурился, потому что знал — если не перестану пялиться на нее, то кончу через секунду.

Но это не значило, что я далек от этого в ближайшее время.

Ее рука медленно двигалась в установленном ритме, немного неуклюже, но в этом было что-то особенно сексуальное. Она сомневалась в себе, но это не остановило ее. Ничто не останавливает Сидни, и клянусь — если я сейчас открою глаза, ее маленький подбородочек будет сморщен от сосредоточенности.

Мне нужно увидеть это, и черт бы меня побрал, если это не оказалось правдой. Мое тело напряглось, когда ее хватка усилилась, а движения стали быстрее.

— Ох, малыш, я не... — Она посмотрела на меня, ее губы были слегка приоткрыты, а щеки покраснели. Грудь быстро вздымалась, и в самом начале моего позвоночника начало зарождаться удовольствие от силы ее движений. — Может, мне...

— Ты, блядь, идеальна. Слишком идеальна.

Она снова улыбнулась, и мне нужно было снова закрыть свои чертовы глаза, потому что если я растворюсь в ее глазах, то никогда не выплыву оттуда. Ее рука переместилась вверх, и пальчик погладил головку члена, отчего я застонал, дергая ногами. Я не...

Твою ж мать!

Горячая влажная мягкость ее рта сжала мой член, и я начал кончать. Выгнув спину, я пытался оттолкнуть ее, но она крепко удерживала мой член ртом, не собираясь выпускать его. Я откинул голову назад, ухватившись пальцами за ее волосы. Мой член взорвался, и его никто не останавливал. Последний рывок освобождения, и она все еще держала мой член во рту, работая рукой, пока он не перестал пульсировать. Я был совершенно убит этими новыми ощущениями — такими идеальными и восхитительными.

Восстановив дыхание, я обхватил ее руками и уложил сверху, так, чтобы она лежала на моей груди. Наши ноги переплелись, она была такой легкой, но я все равно чувствовал ее каждой клеточкой своего тела.

По мне неожиданно прошла еще одна волна дрожи, когда она прильнула ко мне щекой, прямо рядом с сердцем. Я обнял ее, притягивая ближе. Я знал, что скоро она замерзнет, но я был законченным эгоистом, чтобы позволить ей накрыться этим чертовым длинным одеялом.

Чувствуя ее дыхание на себе, я держал ее, пока мое сердце не успокоилось, пока я снова не смог открыть глаза. Я хотел чувствовать ее в своих руках — вечность.

Несмотря на вялость во всем теле, я никак не мог уснуть. Какой-то своей частью я не хотел засыпать, потому что не хотел упустить ни секунды звуков ее мягкого дыхания. Она вырубилась, лежа на мне и улыбаясь, я положил ее на бок на ее стороне кровати, плотно прижался к ней грудью и накрыл нас одеялом. Огонь в камине будет гореть до утра, но в комнату уже просачивался холод.

Я никогда не спал до этого с девушкой, в смысле, не в одной постели и даже не на той же простыне, на которой мы занимались сексом. Другие девушки обычно уходили, но если вдруг они и оставались, я спал там, где их не было. Сид была единственным человеком женского рода, с которым я проводил всю ночь, поэтому я не был удивлен, что сейчас не чувствовал себя странно, даже не смотря на то, что теперь между нами все по-другому.

Начиная с того, что она рядышком свернулась калачиком — великолепная и абсолютно голая. Ее обнаженная спина прижималась к моей груди, и прекрасный изгиб ее попочки прижимался к моему члену. Я не надел трусы, поэтому у меня снова был стояк.

Вообще не думаю, что он бы не встал.

Я приподнялся на локоть, подперев щеку кулаком. В таком положении я смотрел на нее наверно в течение часа. У нее самые густые ресницы из всех, что я видел. И не благодаря косметике, которая типа создает объем и удлинняет. Они доходили до ее щечек, которые были покрыты чуть заметными веснушками. Ее пухлые губки были слегка приоткрыты. Опухшие от *моих* поцелуев. Меня наполнила гордость, и я наклонился и поцеловал ее в висок.

Сид что-то пробормотала и немного сдвинулась. Моя рука замерла на ее животе. Я кругами поглаживал ее живот в районе пупка, но каждый раз, когда ее сладкая попочка двигалась, я начинал бороться с тем, что висело у меня между ног.

Мой взгляд блуждал по ее лицу. Не было никакой необходимости вбирать в свою память каждую линию ее красивого и нежного лица, потому что я сделал это уже сто лет назад.

Одеяло соскользнуло с ее плеч, и я снова укрыл ее. Она чему-то улыбалась во сне, и от этого у меня сдавило грудь.

Вздохнув, я растянулся рядом с ней и прижал ее еще ближе, ее голова оказалась под моим подбородком. Сон не заставил себя долго ждать. Наверное, я проспал всего пару часов, прежде чем меня разбудил какой-то шум, но это был самый лучший сон в моей жизни.

Я резко открыл глаза. Сквозь щель занавески проскальзывал бледно-серый свет начинающего утра, огонь в камине почти затух. Немедленно насторожившись, я задержал дыхание и прислушался. Снова раздался шум — это оказался вой ветра. Я медленно выдохнул. Я очень не хотел был гребаным невротиком, но после того, что произошло, это хорошо, что я стал параноиком.

Откинув голову назад, я проверил Сид. Она перевернулась, еще ближе прижавшись ко мне. Одну ногу она закинула на меня, голова покоилась на моей груди, а ладошка накрывала мое сердце. Я до сих пор был чертовки твердым и начал подумывать, что это может превратиться в мое постоянное состояние.

Проклятье.

Дрожащей рукой я потянулся и убрал волосы с ее щеки. Я не хотел вставать, но я также не хотел, чтоб она проснулась в ледяной комнате. Как можно аккуратней я выскользнул из ее захвата. Она, наверное, очень сильно утомилась, потому что даже не почувствовала, когда я встал и накрыл ее еще одним одеялом.

Я натянул спортивные штаны, игнорируя желание вернуться под одеяла и разбудить ее так, как, я надеялся, никогда не будил Нейт. Надев толстовку, я вышел из комнаты и сразу же поморщился.

Черт возьми, как *холодно* в остальной части дома.

Я выглянул из-за рождественской елки и увидел, что снег до сих пор идет, но уже не так сильно. Все вокруг было покрыто снегом, и казалось, что ты находишься на Антарктиде.

Блин, я понятия не имел, как долго они будут расчищать дорогу сюда, до нас сейчас даже снегоуборочная машина не доедет.

Пройдясь по дому, я с одержимостью параноика проверил двери и окна. Все было хорошо заперто. Пока я спускался в гараж за дровами, я проигрывал в голове все сцены с Сид.

В это ранее утро в тишине дома я не мог поверить в то, что произошло этой ночью. Проклиная ледяной бетонный пол под ногами, я быстро обошел свой внедорожник и снегоход и собрал несколько сухих бревен. Тупица, обувь придумали для умных. Это доказывало, как сильно мой мозг был занят мыслями о ней. Блядь, когда она сказала эту часть про «любовь», я полностью потерялся в ней.

Теперь я был потерян в ней.

Не то что бы мои чувства к ней были чем-то новым для меня или я открыл их в себе, когда прикоснулся к ней своими губами или когда она выпалила эту незаконченную фразу. Нет, такого дерьма не было. Может, действительно, некоторые люди однажды просыпаются и влюбляются. Но не я. Это чувство росло во мне, начиная с того момента, когда она пошла на первое свидание с Нейтом, и заканчивая сегодняшним днем. Я до сих пор помню горький укол ревности, когда она сказала мне, что начала встречаться с Нейтом. До того момента я действительно не понимал, что чувствую к Сидни.

Блядь. Мы во многих отношениях оставались детьми, и я недавно открыл для себя эту радость — радость, которую можно испытывать, находясь рядом с противоположным полом.

Но после того как Сид сказала, что рассталась с Нейтом, я понял, *что* чувствовал к ней. Потому что, услышав об этом, я не расстроился и мне не было грустно — я был *рад*. Я почувствовал *облегчение*. И уже это говорило о том, что я не заслуживал Сид, но это было правдой. Я был подонком. И до сих пор им являюсь.

В тот день, когда мы стояли у здания науки в кампусе, я уже знал, что люблю ее. Не как лучшего друга. Не как почти-как-родную-младшую-сестренку. Я любил ее совсем по-другому. Я был по-настоящему *влюблен* в нее.

Но это ничего не изменило. Мои чувства к ней были чем-то, что я не мог признать. Я не позволял им вырасти во что-то большее, чем страстное желание, которому не суждено быть удовлетворенным. Люди всегда так поступают. Я был лишь одним из многих.

Сид всегда была слишком хороша для меня. Я никогда прежде не думал, что она может помышлять о чем-то другом, кроме дружбы, когда дело касалось меня, и я до сих пор не уверен на сто процентов, потому что не мог понять, как она могла быть влюблена в меня после того, как все эти годы видела, как я — цитирую — «трахал все что движется».

Как она могла?

Я не понимаю.

И я также не собирался спрашивать ее об этом, не сейчас. Что я имел? Прожить день или два так, как я всегда мечтал, но до того, как столкнуться с сухой реальностью, потому что одно я знал наверняка. Когда она покинет это место и вернется в реальную жизнь, она поймет, что сможет найти кого-то лучше, чем я, и это реально может произойти. Она встретит парня, который не откажется от карьеры, что будет гарантировать постоянный заработок, и который не провел последние семь лет, развлекаясь с каждой девчонкой и игнорируя ее.

Сидни

Меня разбудил запах свежесваренного кофе, который я не могла по-настоящему

почувствовать, потому что была уверена, что у нас нет электричества. Может, мне это приснилось?

Перевернувшись, я не почувствовала Кайлера и его тепло. Может, все, что произошло ночью, мне тоже приснилось? У меня скрутило в животе, и я распахнула глаза. Огонь в камине увеличился, и под теплым одеялом я практически зажарилась.

И в этой импровизированной кровати мне было очень одиноко.

Мое сердце тонуло быстрее, чем Титаник. Я зажмурилась. Вероятность, что прошлая ночь оказалась сном, была крайне маловероятна, потому что под одеялами я лежала голая и это означало, что Кайлер, проснувшись утром, скорее всего сбежал от уродины-прилипалы.

Он обо всем пожалел.

Я была уверена.

Пожалел о том, что мы сделали, а у нас ведь даже не было секса.

— Может, ты уже прекратишь притворяться спящей? — донесся до меня глубокий голос Кайла, наполненный весельем. — Я знаю, что ты проснулась.

Я приоткрыла один глаз.

— Я не притворяюсь.

— Угу.

Борясь с желанием накрыться с головой одеялом и сделать вид, что меня тут нет, я глубоко вдохнула и перекатилась на спину. Кайлер сидел на спинке кресла, держа в руках термос.

Один уголок его рта был приподнят. Он поставил термос на пол и, нагнувшись, взял в руки чашку.

— Я знаю, как тебе нужен кофеин, поэтому откопал растворимый и вскипятил на огне воду. Также нашел для тебя сахар.

Я присела, удерживая на груди одеяло. Наши взгляды пересеклись, и я почувствовала, как мне сперло дыхание.

Его глаза были такими темными, почти черными. Но я ни капельки не могла понять, что означает выражение его лица. Я судорожно подыскивала слова, чтоб что-нибудь сказать.

— Ты вскипятил воду на огне?

Он улыбнулся, демонстрируя свои глубокие ямочки, от которых я всегда терялась, и, отвинтив крышку термоса, налил кофе.

— Ты так этому удивлена.

Я просто не могла представить его за этим делом. Потупив взгляд, я не знала, что делать и как себя вести. То, что он сделал вчера ночью, было моей самой желанной фантазией, но никогда в реальной жизни. Я не могла связать все это воедино. То, что он заварил мне кофе и вскипятил воду на огне, не означало, что он собирался поклясться мне в вечной любви или заняться со мной сексом.

— Сид?

Подняв свой взгляд, я покраснела. Я подвинулась и потянулась к чашке.

— Спасибо.

Его брови взметнулись вверх, и он отвел чашку в сторону.

— Нет. Еще рано.

Склонив голову в сторону, я нахмурилась.

— Почему?

— Увидишь. — Поставив чашку на пол, он встал, подошел к краю кровати и сел предо

мною на колени. Медленно, словно боясь меня отпугнуть, он обхватил ладонями мое лицо. — Доброе утро.

Потерявшись от такого, казалось бы, простого прикосновения, я на мгновение застыла.

— Доброе утро?

Сидя на коленях, он наклонился ближе и прижался лбом к моему.

— Думаю, мы можем сделать кое-что получше, чем это.

Сердцебиение ускорилося. Его близость была хорошим знаком, так ведь? Я старалась не думать о своем утреннем дыхании, когда сглотнув, спросила:

— Мы можем?

Он кивнул и нежно провел своим носом по моему. Моя хватка на одеяле усилилась так же сильно, как сжался мой живот.

— Запросто, — ответил он. — Хочешь проверить?

— Да. — Этот ответ я почти прошептала.

Он повернул голову и поцеловал меня сначала в один уголок рта, а потом в другой.

Я задрожала всем телом, когда его большой палец погладил мою скулу, а потом он сильнее прижался к моим губам и поцеловал по-настоящему.

— Как насчет этого? — спросил он, еще раз коротко целуя в губы. — Такое «Доброе утро» тебе больше понравилось?

Не в состоянии что-либо выговорить, я просто кивнула.

Кайлер усмехнулся и, откинувшись назад, подобрал чашку. Передав ее мне, он сел рядом, там, где сидела я — девочка, за долю секунды превратившаяся в кашу.

Первый глоток кофе долго стекал по моему горлу, наконец предоставив мне возможность говорить.

— Как давно ты проснулся?

Он пожал плечом.

— Пару часов назад. Огонь почти погас, поэтому мне нужно было добавить дров.

Я сделала еще один глоток. Растворимый кофе бы не так уж плох.

— И я все это время спала?

— Да. Правда, ты немного разговаривала во сне.

Я раскрыла рот от удивления.

— О, нет. Я разговаривала? Что я говорила? О, мой...

— Да я пошутил. — Смеясь, он искоса посмотрел на меня. — Ты не разговариваешь во сне, но учитывая твою реакцию, надеюсь, что это не так.

Я прищурилась.

— Это было подло.

Он усмехнулся.

— Ты хорошо спала?

— Думаю, это был самый лучший мой сон, после того как я в последний раз принимала Нуквил. — Я снова покраснела, понимая, как двояко это прозвучало, и поспешно опустила голову, позволяя волосам скрыть мое пылающее лицо.

Кайлер на мгновение замолчал.

— Я тоже. Самый лучший сон за все годы.

— В самом деле? — Я решилась быстренько посмотреть на него. Не знаю, почему было так важно увидеть выражение его лица, но все же.

Он смотрел прямо перед собой.

— До этого я никогда не спал с девушкой.

От удивления мои брови подскочили вверх.

— Повтори?

Его губы скривились в ухмылке.

— Я никогда не спал с девушкой после того, чем с ними занимался. На самом деле, ты единственная девушка, с которой я спал на одной кровати всю ночь.

У меня закружилась голова от его слов, и, чтоб спрятать свою улыбку, я сделала еще глоток. Я помнила, что он сказал насчет Минди, и чуть не подпрыгнула от счастья, еле удерживая себя от джиги-дрыги в обнаженном виде.

— Ни разу?

Он покачал головой и повернулся ко мне.

— Никогда даже не хотел этого.

Наши глаза снова встретились, и я была не в состоянии отвести взгляда, даже если бы в этот момент в комнату ворвался Санта с ружьем.

— Никогда?

Откинувшись, он положил руку мне за спину.

— Никогда, — ответил он тихим голосом. Склонив голову, он поцеловал мое обнаженное плечо и уперся в него своим подбородком.

Я боялась, что расплескаю повсюду кофе. Он не жалел о прошлой ночи. Это было очевидно. Облегчение просочилось в мою кровь, как сладкий наркотик, но я до сих пор не знала, как себя вести, и боялась сказать что-нибудь не то.

К счастью, Кайлер был намного опытней меня в таких вещах.

— Снег уже идет не так сильно. Через какое-то время и до нас доберутся снегоуборочные машины.

Я почувствовала удар от разочарования, но скрыла это улыбкой. Забавно, что еще вчера я очень хотела уехать домой.

— Думаешь, они доберутся до нас сегодня?

— Я буду этому удивлен. Скорее всего, только завтра, — ответил он. — Сейчас снаружи как на Северном Полюсе.

— Наверное, это хорошо для Санты.

Его глаза замерцали.

— Я думаю, что даже он заблудился бы в таком количестве снега.

Я допила свой кофе, и Кайлер забрал у меня чашку. Обернув вокруг себя одеяло, я пробубнила, что мне нужно в ванную, и он сказал, что я могу воспользоваться той, которая внизу. Я пересекла комнату, крепче оборачиваясь в одеяло, в другой части дома было очень холодно. Наверное, было бы разумней захватить одежду — где бы она ни валялась — и переодеться в нее, но я бросилась бегом в ванную по ледяному деревянному полу.

Я обнаружила, что Кайлер перенес в эту ванную некоторые наши принадлежности и мне не нужно подниматься вверх. Я улыбнулась его продуманности и выполнила все свои утренние процедуры. Стая бабочек в животе была готова к полету. Я умылась как можно быстрее, чтоб не заморозить себя ледяной водой.

Эти проклятые бабочки порхали вокруг, щекоча мои внутренности, даже когда я вышла из ванной. Несмотря на холод, мои щеки горели. Я остановилась у елки, всего на несколько секунд, потому что стоять у окна было опасно. Мой взгляд упал на два подарка под деревом, с нашими именами на них. Мои губы дрогнули в улыбке, когда я перевела взгляд на

блестящую звезду на макушке. Мы даже не додумались включить гирлянду.

Если я не ошибаюсь, Рождество наступит через неделю, плюс минус пару дней. Я знала, что хотела на Рождество, и казалось, я уже его получила. Я надеялась, что праздник пришел ко мне раньше — и это не было какой-то дикой случайностью.

Когда я вернулась в гостиную, то увидела, что на черном деревянном столике Кайлер устроил некий шведский стол для завтрака. Он разложил бананы, батончики для завтрака, злаки и много всего такого, чего не нужно готовить.

Я сразу же остановилась, как только вошла, в горле застрял комок, а может, еще и во рту.

Он поднял взгляд и улыбнулся.

— Это лучшее, что я мог приготовить на завтрак.

— Все прекрасно.

Мои слова прозвучали невнятно, и я думала, что сейчас расплачусь. Вроде ничего плохого, но если я разревусь, как маленький ребенок, то не смогу быть привлекательной. Склонив голову, я подошла и села на свободную подушку, удерживая одеяло.

— Похоже, на ланч и ужин останутся чипсы и сырые овощи, — сказал он, протягивая мне еще одну чашку свежего кофе. — Сегодня мы кушаем здоровую еду.

Я рассмеялась.

— Как будто раньше мы по-другому питались.

Он усмехнулся.

— Ты из тех девушек, кто любит мясо. Так что не ври.

Эта часть была правдой.

— Спасибо, что собрал все в кучу.

— Всегда с удовольствием. — Он слегка меня толкнул. — Ешь. У меня на тебя сегодня большие планы.

Мои брови взметнулись вверх.

— Да? Что, планируешь выгнать меня на улицу, чтобы я поработала лопатой?

— Нет. — Схватив яблоко, он откинулся назад и беспечно раскинул руки и ноги. — Выходить наружу не придется, но для этого все же потребуется небольшая физическая активность.

По моим венам растекалось тепло.

— В самом деле?

Он смотрел на меня со злым огоньком.

— Оглянись вокруг, Сид. Ты кое-что потеряла.

Осмотрев комнату, мне потребовалось несколько секунд, чтобы успеть понять.

— Моя одежда? Где моя одежда?

Его ответная усмешка была чистым грехом.

— Малышка, сегодня тебе одежда не понадобится.

Сидни

О Боже, Боже, Боже...

Я буквально выпучила глаза, что, наверное, не очень красиво смотрелось со стороны. Мое тело под одеялом загорелось.

— Значит все, что на мне останется, это одеяло?

— Большую часть времени.

Я затрепетала.

— Ладно. А ты будешь одет?

Кайлер подмигнул и откусил яблоко.

— Большую часть времени.

— Тебе это не кажется несправедливым?

Его взгляд потеплел.

— О, это будет справедливо в равной степени.

Реально ли превратиться в лужу? Я верила в это. От его глубокого смеха я растеклась, но вернулась к нашему маленькому фуршету и занялась едой. Так много вопросов хотелось задать. Я хотела... нет, *мне было нужно*... некое подтверждение того, что произошло между нами, но если быть честной — я слишком боялась сказать то, что могло бы обрушиться на меня как сотрясающий снежный шар.

Это было моей слабостью, возможно даже, это было неправильно, но я держала рот на замке.

Через пару минут мы начали разговаривать... разговаривать как нормальные люди. О следующем семестре и от каких предметов мы откажемся. О том, как он планирует поговорить с матерью о ветеринарной школе во время перерыва, и я правда надеялась, что все пройдет лучше, чем он боится. Кайлер должен заниматься тем, что сделает его счастливым, а не тем, чего от него ожидает мать.

Так прошел час. Время от времени он проверял окно и возвращался ко мне. Мы говорили об Андреа и Таннере, о том, как я представляла, как он разочарован, что ему не удалось покататься на сноуборде.

Мы просто болтали, как делали всегда, но кое-что изменилось. Кайлер непроизвольно касался меня, и каждую секунду я предвосхищала это.

Он проводил большим пальцем по моей щеке и рассказывал о маме, пытающейся снова приготовить индейку в этом году. Я была невольным дегустатором ее множественных кулинарных приключений, поэтому не завидовала ему. Когда я призналась, что до сих пор ем сырой фарш, он убрал волосы мне за ухо. И когда он рассказывал, что хочет собрать пряничный домик, когда придет домой, и сказал, что мы... И когда он скользнул пальцами на моем голому плечу, чем вызвал дрожь по телу...

А потом Кайлер встал, протянув мне руку. Понятия не имею, сколько прошло времени с тех пор до этого момента.

— Пришло время физической активности, которую я обещал.

На некоторое время я совсем забыла, что под одеялом была голой. Но не настолько, как сейчас. Я с трудом сглотнула. Я имела довольно хорошее представление, о какой физической активности он говорил. Я внезапно занервничала и, дергая край одеяла, никак не могла

нормально вдохнуть. Я в ловушке. Я так сильно хотела его. Я всегда его хотела, но не имела никакого понятия, что делать. Что, если я сделаю что-то неправильно? Что, если после всего он почувствует то же самое, что и Нейт?

Но я доверяла Кайлеру — и это имело огромное значение.

Придерживая одеяло у груди, я протянула ему свободную руку. Он переплел наши пальцы и с поразительной легкостью поднял меня на ноги. Обняв меня за талию, он с мягкой улыбкой прижался своим лбом к моему.

— Ты помнишь наш выпускной? — спросил он и притянул меня еще ближе.

От этого неожиданного вопроса я заморгала.

— Да.

— Я обещал тебе танец. — Он закрыл глаза и раскрыл ладонь на моей спине. — Я не сдержал свое обещание.

Слегка качая головой, я уставилась на него.

— Кайлер...

Он открыл глаза.

— Мы никогда не танцевали. Каким же я был кретином.

Мое сердцебиение ускорилося от этого воспоминания. На выпускной я пошла с Нейтом, но Кайлер пообещал мне танец. И как бы неправильно это ни было, я весь вечер провела в ожидании этого единственного танца и не обращала внимания на Нейта, но Кайлер уехал с Бетти Холланд. Они сняли номер в гостинице. Я подслушала ее, когда в туалете она рассказывала об этом своим подружкам.

Я снова покачала своей головой, не зная, что на это ответить. Я не могла поверить, что он помнит.

— Поэтому прямо сейчас я хочу это исправить. — Он выпрямился и широко мне улыбнулся. — У нас нет музыки, но, думаю, мы сможем справиться с этим.

Слезы жгли заднюю часть моего горла, и я опустила голову. Глубоко вдохнув, я кивнула.

— Мы сможем с этим справиться.

— Отлично, — ответил он своим непривычно хриплым голосом.

Кайлер слегка меня приподнял, так, чтоб я наступила на его ноги, и меня это рассмешило. Его ямочки на щеках углубились в ответ, и он прижал меня ближе. Моя рука, удерживающая одеяло, была зажата нашими телами, но ноги были прижаты полностью. Напевая в полголоса, он медленно качнулся, перемещая нас по небольшому кругу. Я не узнала песню, но от этого ритмичного глубокого звука я непроизвольно закрыла глаза.

Приложив щеку к его груди, я улыбалась, пока мы танцевали. За считанные минуты я забыла, что была одета в одно одеяло, и что кроме музыки, которую он напевал, был слышен только ветер за окном, и что мы сейчас находились не в гламурном банкетном зале. Здесь, в руках Кайлера, находиться было идеально до умопомрачения. И по-другому больше никак это не описать. Мое сердце увеличилось до таких размеров, что я думала, оно разорвется и превратится в клейкую массу. Он превращал меня в гигантский поджаренный зефир — опаяясь снаружи, внутри я становилась жидкой.

Этот танец был лучше всех остальных, что могли бы быть на выпускном балу.

Подняв голову, я открыла глаза и наткнулась на его взгляд. Его глаза были почти черными — и они стали для меня всем миром.

Кайлер опустил подборок, и от легкого прикосновения его губ к моим по венам растеклась дрожь. Он прошептал мое имя, и этот звук прошел через все мое тело. Его рука

скользнула мне на спину и схватила за волосы. Он захватил мои губы, покусывая их, пока я не открылась для него и поцелуй не углубился, тем самым лишая меня воздуха. Он целовал меня до тех пор, пока я не почувствовала себя слишком пьяной, до тех пор, пока мое тело не начало гореть и я не поплыла от неприличных ощущений.

— Я хочу тебя, — сказал он мне прямо в губы, снова целуя их. — Я так сильно хочу тебя, что не могу больше терпеть. Скажи, что хочешь того же.

Я вся дрожала. Я попала в сети его горячего взгляда. Я была уверена, что четко дала понять, чего хотела, но смогла произнести только лишь одно слово.

— Да.

— Скажи. — Его губы снова накинудись на мои, и он снова меня поцеловал, скручивая мои внутренности в приятные узлы. — Скажи это, малыш.

— Я хочу тебя, — сказала я одурманенная. — Я хочу тебя, Кайлер. Только тебя.

С глубоким рыком, от которого я вздрогнула, он поставил меня на ноги и вытянул из моих рук одеяло. Я отпустила пальцы, и оно мягко упало на пол. Под его взглядом, блуждающим по моему телу, по мне разливался жидкий огонь.

— Черт, — прорычал он и снял свою толстовку, отбрасывая ее в сторону.

Надеюсь, не в камин, хотя в этот момент не думаю, что кто-то из нас это бы заметил.

Мой взгляд остановился на его животе. Он превратил свои шесть кубиков в восемь. Боже. Я хотела задержать дыхание, чтоб втянуть живот, потому что стоять голой перед человеком, который являлся олицетворением фитнеса, было немного стыдно, но потом он схватил меня за плечи. Он с силой притянул меня к себе, так что наши груди прижалась друг к другу. От этого контакта я воспламенилась еще сильнее.

Снова захватив мои губы, он целовал меня, когда мы начали двигаться. Мы снова танцевали. Одна его рука расположилась на моем затылке, вторая на спине, он целовал меня, и мы покачивались под звуки наших стучащих сердец и ветра за окном. Его рука скользнула вниз на мои ягодицы, и я ахнула ему в рот.

Я почувствовала, как его губы изогнулись в улыбке, и он переместил их на мой подбородок. Он отвел мою голову назад, открывая путь к шее. От его скользящих поцелуев на моей шее я сгорала от нетерпения и захныкала. Я даже не поняла, что он развернул нас, пока не наткнулась на одеяла.

Мои пальцы впились в его упругое тело, когда он опустил меня на кровать и его тело накрыло мое, но только наполовину. Я практически задыхалась, когда прикоснулась к твердому прессу его живота. Мои пальцы дрожали, и я чувствовала, как восхитительно натянулось мое тело. Прежняя неуверенность переросла в пьянящее блаженство, когда он потянулся к заднему карману и вынул *несколько* пакетиков из фольги.

Я напряглась под ним.

Он робко улыбнулся.

— На этот раз я подготовился.

— Вижу, — прохрипела я, мой желудок скручивался и извивался одновременно. Как я могла чувствовать себя так хорошо и в то же время так нервничать? Казалось невозможным чувствовать столь многое.

Кайлер посмотрел на меня снизу вверх, прижимаясь своей грудью к моей.

— Мы не обязаны делать это, Сид.

— Нет. — Я вцепилась в его руки. — Я хочу этого... Я хочу тебя.

— Это меня успокаивает, потому что я... — Он замолчал, покачивая головой, и поцеловал

ложбинку на моей ключице. — Тебе нужно расслабиться. Позволь мне помочь тебе расслабиться.

Прежде чем я успела ответить, он поцеловал меня таким нежным поцелуем, таким мягким, что мои глаза наполнились слезами. Я не знала, что меня могут целовать *вот так*. Такие душераздирающе совершенные поцелуи могут навечно вас разрушить. Мои мышцы расслабились, и я положила руку на шнурок его спортивных штанов.

Кайлер застонал, и его руки... ну, его руки были повсюду, уделяя особое внимание всем изгибам и всем чувствительным местам.

Он не торопился, будто пытался сохранить в памяти каждый сантиметр моего тела. Я не понимаю, как он мог быть таким медлительным. Я уже сгорала от желания. Я была настолько готова, что когда его пальцы коснулись меня между ног, я потянулась к нему всем телом, выгибаясь и умирая от желания.

— Черт, детка, мне так тяжело держать себя под контролем. — Его тело содрогнулось, когда я просунула пальцы под резинку его штанов. — Так чертовски тяжело.

Я не хотела, чтобы он себя контролировал.

Когда я потянула его штаны вниз, его дыхание участилось. Под ними он был совершенно голым, и по некоторым причинам это было адски сексуально. Он сел и снял футболку, а потом его рот двинулся дальше, следуя за прикосновениями его рук. Каждое касание его губ, каждый щелчок языка или слабые укусы оставались на мне неким его клеймом.

Мои пальцы сжали его волосы, когда его язык проник в углубление моего пупка. Из меня вырвался удушающий стон, после чего он опустился ниже, целуя меня в самое мое чувствительное место. Потребовалось не так много времени, чтоб я взорвалась под ним, выкрикивая его имя, пока он продолжал покусывать и полизывать меня. Он вытягивал из меня каждый выдох, каждый стон и всхлип. Я была разбита вдребезги, мое тело превратилось в тряпку, а сердце стучало как ненормальное.

Меня сотрясла последняя волна удовольствия, после чего он встал и потянулся к пакетику из фольги. Я не поняла, что он уже натянул на себя презерватив, пока он не лег на меня — грудь к груди, бедро к бедру. Я ожидала, что он перевернет меня, так, как, он говорил, ему нравится, но он не сделал этого. Он устроился у меня между ног, и я могла чувствовать, насколько сильно он готов.

— Ты уверена, малыш? — спросил он своим глубоким и хриплым голосом, таким чертовски сексуальным. — Мы можем остановиться прямо сейчас.

— Я уверена. — Я положила свою руку на его бедро и обернула его ногой, притягивая к себе. — Пожалуйста, Кайлер. Я хочу этого. *Пожалуйста*.

Кайлер

И это единственное слово сломало меня.

Пожалуйста.

Будто она должна умолять меня сделать это, когда я готов умереть за то, чтобы оказаться внутри нее. Именно я должен ее умолять.

Я наклонился, взял ее дрожащую руку, которую она прижимала к моему сердцу, и поцеловал в центр ее ладони. От того, как она задрожала подо мной, я чуть не кончил. Мой взгляд скользнул вверх, встречаясь с ее. Грудь сдавило. Ее глаза были такими голубыми, что казались нереальными.

Меня наполнило сильнейшей и необузданной похотью. Такой, что я никогда не

чувствовал прежде. Мое тело требовало войти в нее, полностью раствориться в ней. Я *умирал от желания* сделать это, потерять себя в восторге от наслаждения, которое я обязательно почувствую, но я заставил себя замедлиться. У нее это было только один раз, и я не хотел, чтобы ей было больно. Я не хотел быть тем моментом, который не окажется величайшим и идеальным для нее.

Скользнув рукой под ее худенькие бедра, я приподнял ее, пока не коснулся ее входа. Мое сердцебиение ускорилося, а потом и вовсе зашкалило. Она освободила руки и обхватила меня за шею.

Я чертовски потерян.

Захватив ее губы, я скользнул языком в ее теплый ротик, пока медленно входил в нее, и твою ж мать, я чувствовал каждый сантиметр каждого нервного окончания. Восхитительно. Двигаясь в ней, я почувствовал, будто это был мой первый раз. И в некотором смысле именно так и было. Я никогда не занимался сексом вот так — лицом к лицу. Я чувствовал себя чертовым девственником. Даже не думал, что когда-нибудь почувствую подобное, но это произошло. Мое тело тряслось от усилия, которое требовалось, чтоб удержаться от полного погружения в нее и от всех моих ощущений и эмоций. Оторвавшись от ее губ, я протолкнулся глубже. Она была невероятно тугой. Каждый сантиметр ощущался чертовски чудесно прекрасным. Наверное, прошла вечность, прежде чем я целиком и полностью вошел в нее. Заполненная мною. Полностью. Мои бедра дернулись, и я застонал от острых ощущений, которые пронзили мое тело.

Сид всхлипнула, и я замер, а мое сердце подскочило.

— Тебе больно?

— Нет, — прошептала она, ее глаза такие яркие и так широко открыты. — Это потому что ты... — Сладкий румянец покрыл ее щеки, и черт бы побрал все мои чувства. — Ты большой и у меня не было...

Я сдержал улыбку и прилив тупой гордости.

— Я знаю. — Я погладил пальцем ее подбородок. — Через несколько мгновений ты привыкнешь к нему.

Она кивнула и улыбнулась, но оттенок ее глаз был слишком ясным, слишком четким. Она была влажной и теплой, но тело было напряжено. Дерьмо. Она не наслаждается этим. Не так сильно, как я.

Полный решимости исправить это, я, стараясь не двигать бедрами, наклонился, чтоб нежно поцеловать ее. Сид поцеловала меня в ответ, но я чувствовал, как она все еще дрожит подо мной. Я сдержал проклятья, понимая, что мне нужно двигаться еще медленней.

Я скользнул рукой между нами, двигая ею вдоль хрупкой линии ключицы и потом вниз к округлости ее груди. Обхватив ее, я погладил пальцем ее сосок. Он сразу затвердел, и это было хорошим знаком. Ее реакция посылала в мое тело немедленную невероятную пульсацию.

Углубив поцелуй, я все еще оставался внутри нее, позволяя ей самой сделать следующий шаг. И она его сделала. Ее бедра дернулись, сначала совсем чуть-чуть, но я почувствовал это как ударную волну. Переместив голову, я взял в рот ее розовый сосочек и всосал его. Ее бедра дернулись еще раз, и я поднял голову, сжав зубы. Ее пальцы скручивались на моих волосах, а взгляд начал затуманиваться, она обернула меня ногами в молчаливой просьбе. Ее бедра снова приподнялись, и я испустил резкий вздох. Сид застонала, и моя кровь буквально закипела.

Теперь, когда я получил чертовски понятный знак, мне нужно было еще раз удостовериться.

— Ты в порядке? — спросил я, едва узнавая свой собственный голос.

Она обняла меня за шею.

— Да. Теперь... теперь уже лучше.

— Лучше? — Мои губы дрогнули в полуулыбке. — Мы можем сделать лучше, чем «лучше».

— Мы можем? — спросила она задыхаясь.

— Ухumm, — пробормотал я, раздвигая ее ноги и оборачивая одной мое бедро. Ее вздох удовольствия был именно тем, что мне нужно было услышать. — Как насчет этого? — Я поцеловал ее и медленно вышел из нее, а потом снова вошел. Она вздрогнула, когда я наполовину вышел. — И этого? — спросил я.

Ее глаза были открыты только наполовину.

— Это... Это хорошо. Это... ох... — Потом ее глаза закрылись, и она толкнулась ко мне бедрами, чтоб я снова полностью вошел в нее. — Ох... ого.

— Ага, — хмыкнул я. — Ого.

Сид снова толкнулась ко мне, и я уперся руками в подушку за ее головой. Я позволил ей задать темп, и дорогой Бог, когда у нее получилось и она крепче обернула вокруг меня свои невероятные ножки, моя сдержанность полетела ко всем чертям. Я глубоко входил в нее, снова и снова. Ее тихие стоны возрастали вместе с увеличением темпа моих толчков. Я начал двигаться быстрее, касаясь своими бедрами ее, и, слегка приподняв ее, вошел еще глубже. Она начала дергаться сильнее, и я просто обезумел, когда она начала выкрикивать мое имя, а ее мышцы стали туго сжимать мой член, посылая чувствительные волны. Я не смог сдержаться. Больше нет. Еще два толчка, и я зарылся лицом в ее шею и плюхнулся на нее, кончая.

Мой член пульсировал в ней, пока я изливал из себя все свое семя. Просто ад. Я наконец добрался до этого момента, который прежде был для меня недостижимым. Секс имеет значение... *ох... святые небеса*, он имеет значение, когда он с человеком, который что-то значит для тебя.

С Сидни он имел значение.

Сидни

Мое тело болело во всех правильных местах, но боль ощущалась совсем, совсем по-другому. Боже, теперь я понимаю, почему люди так сходят с ума от секса. То, что мы сделали, было удивительным. Я не была настолько наивной, что не знала, что это не всегда может быть таким потрясающим, но такой секс у меня был впервые, никогда я так не кончала или чувствовала себя настолько — *Боже, не могу поверить, что думаю об этом так* — переполненной и целостной.

Никогда не думала, что секс может так ощущаться.

Мой пульс приходил в норму, казалось, вечность, и я знала, что у Кайлера так же, потому что когда он вышел из меня и перевернулся на спину, то притянул меня к себе. Я полулежала на нем, одной рукой и ногой обнимая его, а щекой прижималась к его сердцу. Так мы и лежали, он медленно поглаживал мою спину. Я прижалась к нему еще ближе, насколько это было возможно, намного ближе, чем когда-либо была к нему.

Все казалось нереальным. Лежать у камина, в зимний снежный день, после того, как мы занимались нечто прекрасным. Сколько романов описывают страстный секс у камина? Больше, чем я смогу сосчитать. Я чуть не рассмеялась, но...

Но Кайлер до сих пор молчал.

Открыв глаза, я наблюдала, как пламя обволакивало бревна, и заставила себя не волноваться и не разрушить это, что бы это ни было. Конечно, мой мозг вообще меня не слушал и я начала задавать себе вопросы как маленький ребенок. Почему он молчит? Он сожалеет об этом? Понравилось ли ему? Я оказалась фригидной, и он не мог дожидаться сбежать из этого ада? Мои мысли крутились и вертелись, пока я не была готова ударить себя по лицу, но правдой оставалось то, что Кайлер до сих пор *молчал*, да и был ли он обязан что-нибудь *сказать*? Даже Нейт разговаривал после секса, говорил мне, что ему понравилось, что в итоге оказалось ложью, но все же он что-то, да говорил.

Боже, а если это было ошибкой?

Я зажмурилась. Никогда не буду рассматривать то, что мы сделали, как ошибку. Ни за что, но Кайлер...? Его рука замерла на моей спине, и я поняла, что начинаю каменеть.

— Сид?

Я хотела закопать голову в одеялах, но они запутались на наших бедрах, и если я начну прятать в них голову, то со стороны это покажется как минимум странно. Я заставила себя поднять голову и посмотреть на него. Он лежал с полуприкрытыми глазами, но я знала, что он видит меня — видит все.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

По моим щекам растеклось тепло, и я попыталась сесть.

— Ни о чем. Я... я просто думаю обо всем. Что мы сделали? Это было мило. Правда. И я надеюсь, что ты тоже чувствуешь...

— Погоди. — Его рука сжала мою талию, удерживая на месте, и теперь он широко раскрыл глаза. — Ты *надеялась*, что я подумаю, что это было мило?

Чувствуя себя слишком незащищенной, я скрестила руки на груди и кивнула.

— Ты сошла с ума?

Мои брови взлетели вверх.

— Извини?

— Думаю ли я, что это было мило? Нет. Это было не мило. Это, блядь, было лучшим, что я когда-либо чувствовал, малышка.

Я уставилась на него.

— И это чистая правда. Так что прекращай забивать свою голову всякой ерундой. Быть с тобой? Да ничто и никогда с этим не сравнится. — Одним плавным движением он сел и потянул меня к себе на колени. — Чувствуешь?

Схватив его за плечи, я ахнула. О да, я *чувствовала*. Желание разливалось в моем животе жидкой лавой.

— Я... я чувствую.

— Хорошо, потому что это правда.

Его руки скользнули к моим бедрам, и мое сердце затрепетало в ответ. В его глубоких карих глазах я увидела озорной блеск, и его сексуальные губы изогнулись в ухмылке.

Он не может...

Кайлер немного сдвинулся и прижался к моей сердцевине, горячей и готовой. Святое дерьмо, он был бесчеловечным. Он усмехнулся, когда увидел выражение моего лица.

— Что? Ты выглядишь удивленной, малышка.

— Ты готов к... ммм... повторить?

Его губы изогнулись в полуулыбке.

— Я всегда готов, когда дело касается тебя, но ты не...

— Я не — что? — Я была впечатлена его фразой «всегда готов, когда это касается тебя». — Хочу сделать это снова?

Он наклонил голову, разглядывая мое лицо.

— Нет ничего большего, чем желание сделать это снова, но мы можем и не делать этого. — Он положил ладонь мне на шею, скользя пальцем по моей нижней губе. — Мы можем просто расслабиться.

Не думаю, что была способна расслабиться, не тогда, когда могла чувствовать его эрекцию, и я была немного удивлена тому, как он так быстро восстановился. И я *была* готова. Я промокла насквозь, и он должен был заметить это.

Мое сердце забилося еще быстрее, когда я опустила свои ресницы.

— Я хочу.

Его член подпрыгнул.

— Сид...

Повернув голову, я снова почувствовала его палец на моей нижней губе и в порыве откуда-то взявшейся смелости всосала кончик его пальца и втянула его в рот.

Все тело Кайлера дернулось, и он издал невероятно сексуальный звук.

— Черт, детка...

Двигимая его ответной реакцией, я всосала его палец глубже и наклонилась к нему. От ощущения нежной кожи его груди на моей чувствительной я застонала, все еще держа его палец во рту, мои глаза закрылись, а тело содрогнулось.

— Блядь, — прорычал он, сжимая и приподнимая мои бедра. — Боже. Я не могу насытиться тобой.

— Я твоя. — Я переместила его руку себе на грудь, и застонала, когда его ладонь накрыла ее. — Вся твоя.

Он привстал, целуя меня. Медленно. Глубоко. Между ног пульсировала боль в такт

моему бьющемуся сердцу. Переместив свои руки ниже, он раздвинул мои ноги так, чтоб я оседлала его, и прижался головкой к моему входу. Может, я и начала это первая, но он полностью все контролировал. Он склонился к моей груди, и я отстранилась назад, выгибая спину.

Его рот зажал мой сосок, и я потеряла способность дышать. То, что он делал своими губами, своим языком и своими зубами, посылало жгучие толчки удовольствия сквозь меня, и в этот момент я понимала, что Кайлер мог быть гораздо тверже, чем был. И это возбудило меня еще сильнее.

Я дотянулась до его пульсирующего члена и сжала. Его ответный стон послал дрожь по моему телу. Медленно поглаживая его, я прижалась своим лбом к его,

— Пожалуйста, — прошептала я, закрывая глаза.

— Малыш, ты не должна меня умолять. — Он втянул мою нижнюю губу. — Просто скажи мне, что ты хочешь, и ты это получишь.

Я сжала пальцы и заставила себя произнести эти слова.

— Я хочу тебя. Я хочу, чтоб ты занялся со мной любовью. — Мои глаза распахнулись от последних трех слов. Я хотела забрать эти слова обратно.

О Боже, я не должна была...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Кайлер так быстро переместился, что я почувствовала, будто мир пошел кругом. Он обнял меня за талию, приподнял и уложил на спину. Как только моя голова коснулась подушки, он уже был у меня между ног.

Я дернулась, когда он с голодом накинулся на меня. Одна моя рука вцепилась в одеяло, а второй я тянула за его шелковистые волосы, удерживая на месте, пока его язык не погрузился в меня. Я думала, что кончу только от этого. Я была так близко, но его ласки были слишком мягкими.

— Ты такая вкусная, — сказал он, двигая во мне своим пальцем. — И такая чертовски тугая. Ты само совершенство, знаешь об этом? — Его ресницы закрывали вид его глаз. — И я люблю, когда ты вот так на меня смотришь, когда я лижу тебя. — Чтоб подтвердить это, он вытащил палец и надавил на чувствительную точку, о существовании которой я даже не догадывалась, и от этого я закричала. — И я чертовски люблю *этот* звук.

Вместо слов моя голова извивалась из стороны в сторону, пока он лизал, посасывал и тянул мою плоть. Потом его губы опустились к комочку нервов, вырывая из меня стон. Кайлер застонал в ответ, как только мое тело начало трясти. Он засунул в меня еще один палец, и я улетела в сокрушительное забвение.

Кайлер уже был в презервативе, когда я испустила последний стон своими опухшими губами. Все вокруг было размыто, когда наши взгляды встретились. Его жгучий взгляд прожигал меня насквозь. На его лице мелькало столько поразительных эмоций, когда он притянул мои бедра и мягко усадил меня на колени. Я приложила ладони к его груди, она двигалась в такт его неровного дыхания.

Удерживая меня, он откинулся немного назад и усадил к себе на колени, вытянув ноги.

— Оседлай меня, — сказал он, сжигая меня своим огненным взглядом.

Я положила руки ему на плечи, раздвигая бедра шире.

— Еще один первый раз?

— О, да! — ответил он, держа одной рукой свой твердый член. — Еще один первый раз. От этого я почувствовала все виды безумного счастья и, когда наши взгляды снова

встретились, не была готова увидеть в его глазах дикость и собственничество. Сжав одной рукой мое бедро, он опустил меня вниз. Первоначальный укол боли от его быстрого толчка рассеялся дивным ощущением давления и полноты.

Через несколько минут я поймала ритм, и вскоре он толкался вверх, а я в это время опускалась вниз, наши тела двигались абсолютно синхронно. Он поймал мои губы и, обнимая за талию, прижался еще ближе к моей груди, толкаясь в рот языком, подражая движениям его бедер.

— Сидни, — прорычал он, его тело задрожало.

Я скакала и извивалась на нем, но этого было недостаточно. Из меня вырвался вскрик, и одним резким движением Кайлер повалил меня на спину, врезаясь в меня бедрами. Он схватил меня за бедра, приподнимая их и входя еще глубже и глубже. Он убрал руку от талии и положил ее на живот, надавливая и удерживая меня на месте. От этого захвата я не могла двигаться.

Это было то, чего он хотел.

— Черт, я не хочу, чтоб это закончилось. Я хочу чувствовать это — прямо вот так. — Он опустил бедра, и все мое тело содрогнулось. — Я хочу чувствовать это вечно.

— Да. О, мой Бог... — От напряжения я не могла дышать. Я откинула голову назад, широко раскрыв невидящие глаза. Слова вылетели из моего рта: — Быстрее. Пожалуйста. Кайлер, *пожалуйста*. Я люблю...

Он обрушился на меня губами, унося мои слова прочь, и я кончила, разбиваясь вдребезги, а он незамедлительно последовал за мной, сотрясаясь всем телом. Я почти не слышала то, что вырывалось из его рта. Это были слова молитвы. Проклятья. Несвязные слова, которые так или иначе предназначались мне. Когда он рухнул на меня и зарылся лицом в моих волосах, то продолжал руками удерживать свой вес. Я бы не возражала, если бы он всем своим весом упал на меня.

Только тогда я поняла, что все еще крепко сжимаю его талию своими ногами. Я ослабила хватку, и опустив ноги, застонала от движения.

Он что-то пробормотал, а потом сказал четче:

— Я не хочу двигаться.

Я улыбнулась в его мокрую от пота кожу на груди.

— Ну не двигайся.

Его низкий смешок прогрохотал сквозь меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ммм.

— Как и я, малыш, как и я.

Кайлер

На ланч мы решили отказаться от чипсов и сырых овощей и напали на сыр и крекеры.

— Да мы просто настоящая элита, малышка. — Я поставил тарелку с сыром и крекерами между нами.

Она захихикала, выкладывая крекеры в ряд по пять штук.

— Разве у нас не утонченный вкус?

Я очень любил звук ее смеха, я отвел взгляд от ее крекеров и, отбросив еду в сторону, набросился на нее как животное, стянув с нее свою толстовку. Она была только в ней, одетой на голое тело, и она была так чертовски аппетитна, сидя в ней с подогнутыми ногами, отчего край толстовки ласкал нежную кожу ее бедер.

Сказать по правде? Я просто любил, когда на ней была моя одежда... на ее полуголом теле. Лёгкий доступ и... этот доступ я использую в кратчайшие сроки.

И я также любил то, как ее взгляд постоянно перемещался на мои штаны, низко свисающие с бедер. Каждый раз, когда она смотрела на то, что у меня между ног, она краснела и прикусывала губу, сжимая свои бедра.

Не могу поверить тому, что Нейт сказал о ней. Я хотел снова разбить ему челюсть и, может, еще несколько ребер. Фригидная? Да эта девушка полная противоположность фригидной — горячая маленькая распутница, которая взрывает мой мозг.

Она взяла маленький нож, которым я резал сыр, и вырезала на одном из кусочков сыра ушки Микки Мауса. Хихикая, она положила его на крекер и передала мне.

Да, я мог бы пристраститься к этому.

После того как мы поели, она принесла гитару. Вытянув передо мной свои голые ножки, она слушала, как я играю. Я играл в течение нескольких часов, периодически останавливаясь, чтобы просто прикоснуться к ней, поцеловать, погладить.

Я не мог насытиться ею.

Она была как наркотик, и я хотел снова и снова получать свою дозу. Я пристрастился к тому, как она меня чувствовала и какие звуки она издавала. Я на секунду задумался о неловкости, которая возникла между нами после нашего разрушающего-мозг-секса, и было пару моментов, когда никто из нас, казалось, не знал, что сказать. А может, мы оба хотели сказать что-то, но не смогли. В любом случае, этот момент быстро прошел.

Каждый взгляд, каждое прикосновение и каждое слово теперь имели глубокое значение.

Сид заснула, пока я играл на гитаре, и хотя мне очень не хотелось оставлять ее, я все же встал и проверил еще раз все окна и двери. Все было в порядке. Никто не заглядывал в наши окна или пытался сломать наши двери. Если бы не эти перерезанные провода генератора, я бы не был таким параноиком. Хорошей новостью было то, что снег шел уже не так сильно. Завтра я вытащу снегоход и поеду в главный коттедж, выяснить, в каком состоянии дороги. Снегоуборочные машины, должно быть, сейчас работают на основных дорогах, и мне нужно было проверить свой сотовый, чтобы узнать, есть ли связь, но что прямо сейчас? Я просто не хочу.

Я вернулся в комнату и почувствовал, как мое сердце выполняет какие-то проклятые трепетания, когда мой взгляд упал на Сид. Лежа на спине, с укрытыми ногами одеялом и со своими раскрытыми розовыми губками, она была чертовски красивым и соблазнительным созданием из всех, что я когда-либо видел.

И я не хотел думать о Сид, которая окажется за пределами этого места.

Потому что я понятия не имел, что с нами будет, когда мы вернемся в свою реальную жизнь, где будем окружены друзьями и семьей. Было ли это началом наших отношений или лишь мимолетное увлечение? Честно, я не знал. Я слышал, что она готова была сказать, когда кончала, но я также знал, что в таком порыве чувств ты способен на самые сумасшедшие фразы. Я никогда не принимал всерьез эти сладкие шептания во время секса. В этот момент ты всех любишь, даже своего профессора по биологии, особенно когда на тебя накатывается оргазм.

А Сид... невинная и прекрасная Сид... без какого-либо опыта, когда дело дошло до секса. То, что она хотела сказать, отправило меня на небеса, но на самом деле настоящие чувства очень сложно расшифровать, когда в них присутствует секс.

Я знаю, что она очень сильно обо мне заботилась, это очевидно. Но действительно ли

она любит меня? Такой любовью, которая была у моих родителей, до того, как мой отец умер? Такой любовью, какую чувствую я...

Блядь.

Опустившись рядом с ней на колени, я закрыл глаза. Забавно: ты думаешь, что если не закончишь предложение в своих мыслях, то это каким-то образом изменит правду. Так чертовски тупо, что мозг может взять некоторую передышку, но это нихрена ничего не изменит.

Я был *влюблен* в Сид.

Полностью, безумно, безвозвратно влюблен в нее — в течение многих лет. Я подумал о тату на спине, которую сделал после окончания старшей школы, и покачал головой. Может быть, раньше я не хотел это признавать, и, может, я вел себя как полный говнюк с теми девушками, но я больше не мог игнорировать свои чувства к ней.

Придвинувшись к ней, я убрал волосы с ее лица, и рука замерла, пока я разглядывал ее лицо. Дошли бы мы до этого момента, если бы метель не свела нас? Не думаю, что да. Я бы продолжил трахать девушек, а она бы нашла себе того, кто не устраивает перед ней парад телок. Парень, который бы ей подходил. Он бы собрал все свое дерьмо. Он бы относился к ней как к самой заветной девушке в этом мире. Он был бы счастливым сукиным сыном.

Я бы хотел быть им.

Я *могу* быть им, если она захочет.

Потребовалось чертовски много времени, чтоб лежать рядом с ней и не разбудить ее, особенно когда она повернулась на бок, уперев в меня свою попку. Бляяаяядь. Но как и накануне ночью, я довольно быстро уснул и проснулся раньше нее, неожиданно бодрый после короткого сна на этом чертовом матрасе на полу и с жесточайшим стояком.

Я разбудил ее своим ртом между ее бедер.

Сид приподнялась на локтях, волосы ниспадали на ее плечи, а грудь вздымалась от неровного дыхания.

— Кайлер, что ты...? — Ее голос был хриплым ото сна. Я любил этот звук. — О Боже...

Улыбаясь, я скользнул пальцем в ее горячую влажность и одновременно кружил языком по клитору. Я любил этот вкус, запах, ощущать ее на своих пальцах. Я мог бы вечность провести между ее ног. Я смотрел на нее, когда ввел в нее второй палец и сильно всосал ее плоть. Она перенесла свой вес на локти, и ее голова откинулась. Низкий хриплый стон заставил меня почти потерять свои гребанные мозги. Сид подняла бедра и слегка покачнулась навстречу моим пальцам и рту. Это было очень, очень сексуально.

— Ооо... — выдохнула она, — Кайлер, я сейчас...

— Ты сейчас кончишь? — Я щелкнул языком, и она еще раз поднялась. — Да? Это то, что я хочу, малышка. Давай.

И она кончила.

Сид подняла спину, выгибаясь всем телом, отчего толстовка обнажила ее животик. Из нее вырывался поток слов, а внутренние мышцы сжимали мои пальцы. Она нахмурила брови и судорожно вдыхала воздух. Как конченный маньяк я смотрел, как она кончает, но мне очень понравилось.

Охренеть как это красиво.

Я даже не вспомню, что делал дальше, но каким-то образом я снял с нее толстовку, а мои штаны уже валялись посреди комнаты. Меня накрыло глубокой волной похоти. Схватив ее тонкие ручки, я завел их за ее голову, прижав запястья к матрасу.

Я оказался в ней всей своей длиной одним глубоким, мощным толчком своих бедер. Ее тело снова и снова извивалось, и я ловил своими губами ее крики. Я вбивался в нее снова и снова, теряя себя в ней еще раз. В этот раз все было как-то по-другому. Обжигающе. Чувственной. Ее гладкая теснота сжимала меня как шелковая перчатка, когда мой язык скользнул к ней в рот. Она была в каждой моей поре, просачивалась в каждый мой мускул и кость, занимая место глубоко внутри в груди.

Меня настиг мой собственный оргазм, ослепляя, до тех пор, пока мои бедра не прижались к ее бедрам и я отдаленно чувствовал, как ее мышцы сжимали меня вновь и вновь. Я никогда не чувствовал этого раньше, такая чертовская связь и...

Твою ж мать, произошло невозможное, то, что никогда не происходило прежде. Я забыл надеть презерватив.

Сидни

Мне понадобилось несколько секунд, чтоб понять, по какой причине Кайлер так остро ощущался внутри, так горячо и волнительно, потрясающе. Каждый сантиметр его члена восхищал с каждым мучительным и пьянящим толчком.

Он не надел презерватив.

О Господи...

Я была в шоке. Я верила ему, когда он говорил, что всегда надевает презерватив. Кайлер не был дураком, но в этот раз он не надел его и даже не остановился, чтоб исправить это. В этот момент паника начала возрастать, но потом все затмила подавляющая волна удовольствия. Понимание того, что это очередной «первый раз», в сочетании с тем, как он удерживал меня, как он чувствовался без защитного латекса... ну, это позволило мне почувствовать новую волну оргазма.

— Сидни, — прорычал он и в самую последнюю секунду вышел из меня. Его губы были на мне, когда он в последний раз надавил членом на мой живот, а его тело вздрогнуло. Только после этого он отпустил мои запястья.

Я крепко обнимала его, обернув руками плечи, пока его сотрясали волны оргазма. Он лежал неподвижно, пока не выровнял дыхание и сердцебиение, после чего перенес вес на другую сторону тела.

Он посмотрел вниз, туда, где мы были соединены.

— Дерьмо. Извини за это.

Я усмехнулась, когда повернулась к нему и поцеловала его грудь.

— Все в порядке.

— Я всегда надеваю презерватив. Я просто... — Он испустил тихий смешок. — Дьявол...

— Все в порядке. — Я запустила пальцы в его волосы, завивающиеся на шее. — Я на таблетках, — напомнила я ему. — Ты мог бы... ну знаешь.

Он коснулся губами моей щеки.

— Я помню, но я так привык к презервативам. Ну, типа сложно отказаться от сильной привычки. — Он лег на спину и откашлялся. — Не то чтобы я пытался отказаться от нее или что-то в этом роде.

Я приоткрыла губы, желая что-нибудь ответить, но во рту внезапно пересохло. Что он имел в виду? Что он не планировал избавляться от этой привычки, потому что до сих пор не исключал возможность трахаться со всеми подряд? Я закрыла глаза, мысленно проговаривая весь свой словарный запас матерных слов. Он не имел в виду ничего из этого, кроме того, что не привык надевать презерватив. Вот и все.

Я надеялась.

Но что, если ничего не изменится, когда мы уедем отсюда?

Боже, я не смогу...

Я попыталась оттолкнуть от себя эти тревожные мысли, но они глубоко поселились в моем желудке, как непереваренная пища недельной давности. Нам нужно поговорить, но каждый раз, когда я открывала рот, я не могла вымолвить ни слова. Я не знала, что сказать и как начать этот разговор. Типа, *«Извини, а ты и дальше планируешь оставаться парнем-»*

илюхой?» Ну да, это будет неправильно. Даже при том, что Кайлер уверял меня, что я заслуживаю больше, чем перепих, я не просила его о большем, а он и не предлагал.

Нам действительно нужно поговорить.

Открыв глаза, я обернулась. Кайлер смотрел на меня со слабой улыбкой. Он выглядел таким... таким расслабленным. Намного более расслабленным, чем я видела его раньше, и сейчас это был самый идеальный момент, чтобы что-нибудь сказать.

— Мне нужен душ, — вот что вырвалось с моего рта.

Взгляд Кайлера упал на мой живот.

— Да, извини за это. Я испачкал тебя.

Я не об этом говорила. Мои щеки запылали, особенно когда он усмехнулся.

— Все нормально. То есть, секс иногда бывает грязным и такое случается...

Мне правда нужно замолчать.

Кайлер глубоко рассмеялся, а потом поцеловал кончик моего носа.

— Я тебе говорил, какая ты очаровательная?

Очаровательная? Я предпочла бы быть сексуальной или горячей. В ответ я лишь пожала плечами.

— Ты чертовски очаровательна. — Пригнувшись, он поцеловал меня. Это был нежный и быстрый поцелуй, но даже от такого пальцы на моих ногах подогнулись. — Думаю, нам обоим нужен душ. Хотя он будет довольно холодным.

Я вспомнила свое ледяное обмывание, когда отключился генератор, и поморщилась.

— Брррр.

— Думаю, это зависит от того, как сильно ты хочешь принять душ.

Я обдумала это и решила, что очень сильно хочу помыться. Вздохнув, я освободилась от его объятий и села. Схватив одеяло, я прижала его к обнаженной груди. Огонь в камине почти погас. Я прислушалась и поняла, что воя ветра уже не слышно. Мой взгляд упал на тонкую щель занавесок, и никак я не могла понять: я буду счастлива или опечалена, если метель уже закончилась?

Кайлер прикоснулся губами к моему обнаженному плечу, и я повернулась к нему. Его лохматые волосы спадали ему на лоб. Мое сердце подскочило, когда он одарил меня кривоватой улыбкой, — Душ?

— Ага, — ответила я.

— Вместе?

Низ живота наполнило теплом.

— Да-а?

Мальчишеская улыбка перешла в игривую ухмылку.

— Может, мы даже не заметим, насколько холодной будет вода.

Минуту спустя мы заметили, что вода была ледяная. Никакая сексуальность наготы Кайлера не смогла изменить этот факт.

— Твою ж мать, — воскликнул он, подставляя голову под струю воды. — Твою ж мать-то!

Я рассмеялась и присоединилась к нему, скрестив руки на груди. Он направил на себя большую часть потока ледяной воды, а я пару секунд постояла под брызгами, которые попадали на меня, отскакивая от него. Каждый участок моей кожи покрылся мурашками, и самое сумасшедшее было то, что я мерзла и в то же время горела.

Кайлер намылился, и мыльные пузыри скатывались по его безупречному животу,

стекали по тугим мышцам и исчезали между ног. Он повернулся, и я увидела на его спине татуировку. На каком языке она? Но он снова повернулся ко мне лицом.

— Ладно, — выдохнул он и встряхнул головой. — Готова?

Я раскрыла глаза и кивнула.

— Не совсем.

— Я постараюсь как можно быстрее и безболезненней. — Он обхватил меня руками и притянул к себе под воду. Его кожа была теплой, но в некоторых местах уже охладела, и я знала, что он чувствует своей грудью, как сильно затвердели мои соски. Но я не знала точно, от холода они затвердели или из-за Кайлера.

Больше всего, наверное, из-за Кайлера.

— Готовься, — пробормотал он, медленно поворачиваясь.

Я подпрыгнула и практически запрыгнула на него, когда вода хлынула мне на спину. Держа меня одной рукой, он схватил мыло. Я стучала зубами, пока он помогал мне намыливаться. Я не могла стоять на одном месте и все мои дергания не ускользнули от внимания Кайлера. Я чувствовала животом, как его член утолщается. Его грудь поднималась и опускалась от тяжелого дыхания, и несмотря на то, что кожа ощущалась как кубики льда, по моим венам растекался огонь. Когда его рука очутилась у меня между ног, я прикусила губу. Этому месту он уделил особое внимание.

Это был самый холодный и самый горячий душ в моей жизни.

Закончив, он обернул меня в пушистое полотенце и уложил у угасающего пламени камина. Он быстро переоделся и побежал в гараж за новыми дровами. После того как огонь снова разгорелся, он повернулся ко мне и выглядел каким-то напряженным. Он толком не разговаривал, а темнота в его глазах напоминало вулканическое темное стекло.

Я обеспокоенно заерзала.

— Я собираюсь доехать до главного коттеджа и узнать, как обстоят дела с главной дорогой. — Он присел рядом, его влажные волосы завивались вокруг ушей. — Это не должно занять много времени. Хорошо?

Я кивнула и собиралась встать.

— Я могу поехать с тобой. Просто позволь мне...

— Ты останешься здесь, — он мягко толкнул меня вниз, положив обе руки на плечи, — в тепле. И хотя снег больше не идет, на улице все еще очень холодно. Я вернусь до того, как ты поймешь, что я уехал.

Я чувствовала себя так, будто он уже уехал.

Но я ничего не сказала, пока наблюдала, как он укутывается, будто отправляется кататься на сноуборде. Перед уходом он не поцеловал меня, и несмотря на то, что я сидела напротив пылающего огня, я чувствовала необъяснимый холод.

Кайлер остановился у двери, ведущей в подвал, пряча сотовый в карман куртки.

— Не выходи на улицу, пока меня нет. Хорошо? Я знаю, ничего не случилось, кроме как с генератором, но я не хочу рисковать.

— Хорошо. — Я потянулась к нему, желая сказать что-то — хоть что-нибудь, но способность говорить полностью покинула меня.

Он обернулся и еще раз остановился, открыл было рот, но потом, слегка покачав головой, начал спускаться по лестнице, исчезая из вида.

И тогда я поняла, что в действительности я еще не навела порядок в своей голове, как думала раньше. Мне двадцать один год, и я не могла серьезно по душам поговорить с

Кайлером и сказать ему правду. Если это было так, то я, вероятно, не должна была заниматься с ним сексом.

Мне нужно подрасти.

Успокаивая себя тем, что перво-наперво так я и сделаю, когда он вернется, я встала и поспешила наверх за чистой одеждой. После того как я оделась и натянула ботинки поверх джинс, я села на диван и начала постукивать пальцами о колени.

Ладно. Может, когда он вернется, я перво-наперво накинусь на него с вопросом о нашем сомнительном статусе отношений. Сначала я позволю ему рассказать о дорогах, а потом мы начнем наш разговор.

Не в силах усидеть на месте, я отправилась на поиски своего мобильного. Он все еще лежал на кухне в чашке с рисом. Вытащив, я очистила его от риса и вставила батарейку, надеясь на лучшее. Он включился, но на экране кроме как зеленых и синих волн ничего не появилось.

— Дерьмо, — простонала я, борясь с желанием швырнуть его как футбольный мяч в стенку кухни.

Я взглянула на настенные часы. Прошло уже полчаса с тех пор, как он уехал, и я начинала сходить с ума взаперти.

Мне хотелось выбраться из этого дома. Находясь здесь без него, я превращалась в больную, испытывающую крайнюю раздражительность от одиночества.

Остановившись у рождественской елки, я накинула на себя свитер и уставилась в большое окно. Я чувствовала себя... совсем по-другому. Так странно, с момента нашего приезда в Сноушу прошло всего лишь пара дней, а такое ощущение, что с тех пор пролетела целая жизнь.

Мои губы растянулись в легкой улыбке, и я закрыла глаза, вспоминая, как сказала Кайлеру, что хочу его. Я отбросила остатки своего смущения и рассмеялась, потому что, серьезно, — никогда бы в жизни не подумала, что мне хватит смелости так себя повести, и я только сейчас поняла, как на самом деле мне было страшно. И это не нельзя назвать способом выживания, думаю, это некая разновидность тупости.

Это не имело никакого отношения к сексу — я чувствовала совсем иное. Что ж, у меня приятно болели все места, о которых я никогда бы не подумала, что они могут когда-либо болеть, но это было гораздо большее. Я никогда по-настоящему не следовала за своими желаниями. Я всегда была слишком осторожна, и из-за того, как все закончилось с Нейтом, я больше всего боялась продолжения — считала, что нужно держать все под контролем и не позволять случиться вещам, которые потенциально могут закончиться миром, наполненным болью.

В некотором смысле это можно назвать защитным детским одеялом, которым я обернулась. Сказать Кайлеру о том, что я хочу его, всё равно, что потерять свое защитное одеяло. И теперь мне просто нужно дойти до конца и все ему рассказать.

Мне нужно сказать Кайлеру, что я люблю его.

Мое сердце екнуло только лишь от одной этой мысли. Я начала чувствовать страх. Это, возможно, будет мучительно неловко, и я лучше пну себя под зад, чем сделаю это, но я должна.

После часа наедине со своими мыслями я уже не смогла больше ждать. Я решила не задумываться обо всем этом. Надев пальто, перчатки и шапку, я спустилась в гараж.

Задача передвинуть снегоход на толстый твердый слой снега оказалась не из легких, и

все мои усилия отдавались болью в заднице. Так как в доме не было электричества, мне потребовалось несколько минут, чтобы вручную опустить дверь гаража, оставив небольшой зазор, чтоб с легкостью открыть ее, когда вернусь. Я взобралась на красно-белый снегоход и испустила счастливый вздох, когда он с легкостью поехал. Воздух был ледяной, поэтому я поторопилась, быстро одев шлем.

Я не была профессионалом в езде на снегоходах, но здесь было столько много снега, что я скользила без особого труда, поднимая в воздух снежинки. К тому времени как я доехала до главного коттеджа, мои пальцы превратились в замороженные рыбные палочки, даже несмотря на то, что на мне были теплые перчатки.

Вдоль всей улицы люди выходили из своих домов, с лопатами в руках, массово откапывали свои подъездные дорожки. В некоторых местах стояли машины, полностью покрытые снегом, и узнать их можно было только по тонким линиям металла, которые проглядывались сквозь слой снега. Было и удивительно и ужасно наблюдать, на что способна матушка-природа в своем порыве злости или скуки.

У заснеженной дороги было припарковано много снегоходов, отчего я не могла угадать, какой из них принадлежит Кайлеру. Все они были похожи на тот, что у меня. Когда я направлялась сюда, я слышала вдалеке работу двигателей, больше похожих на снегоуборочные машины.

Внутри главный коттедж оказался теплым и уютным, с работающим освещением и телевизором. Когда я сняла свой шлем, то подумала, что попала в рай. Очевидно, здесь у них не было проблем с электричеством. Счастливчики!

Но, честно говоря, я не очень переживала из-за отсутствия у нас электричества. Объятия Кайлера полностью перекрыли досаду от поедания дрянной еды и купание под ледяной водой.

В домике имелась игровая комната и гостиная, внутри пахло свежим кофе и жареным беконом. Черт, быюсь об заклад, что Кайлер где-то здесь, сидит и запихивает себе в рот еду. Но не мне его винить. Прямо сейчас я бы сделала все что угодно за яичницу.

Коттедж был забит людьми. Кто-то говорил о том, как долго они пробыли без электричества, кто-то о планируемых датах отъезда. Я оглядела толпу, но Кайлера среди них не увидела, однако заметила бармена, который работал тут в первый день нашего приезда.

Он обернулся и, увидев меня, улыбнулся.

— Привет, приятно видеть, что ты успешно пережила метель века.

Прижав шлем к бедру, я подошла ближе,

— Да, мы выжили без электричества.

— Я уже в курсе. — Он отпил глоток своего кофе, и от этого аромата у меня чуть не потекли слюни. — Твой друг Кайлер рассказал, что ваши линии сорвало деревом.

Я выгнула бровь:

— Кайлер?

Он кивнул.

— Ага, он не так давно был здесь. Рассказал, что думает, что кто-то во время бури намеренно нанес вред вашему дому, типа стрелял в окно и перерезал провода генератора.

— Да, я надеялась, что это... — Я замолкла, переваривая в голове его слова. — Погоди. Ты сказал, что Кайлер был здесь?

Почесав челюсть, он снова кивнул.

— Да, он также спрашивал про дороги. Видимо, очень хотел уехать отсюда. Не то чтобы

я винил его за это. Снег приносит удовольствие, когда ты можешь использовать его для развлечения, но когда он сваливается на тебя в таком количестве, то это превращается в проблему.

— О. — Я переложила шлем в другую руку. — Я, наверное, разминулась с ним. — Я говорила это и одновременно думала, что это полный бред. От дома до коттеджа была всего одна дорога, и я не могла с ним разминуться. От страха кровообращение в моих венах резко остановилось. Что, если он скатился куда-то и ему сейчас больно?

— Когда он уехал? — спросила я.

Он нахмурил брови, пытаясь вспомнить.

— Ммм... примерно полчаса назад?

Мое сердце остановилось. Клянусь, оно полностью остановилось.

— Да, точно. Он и Саша уехали примерно в 9:30.

— Что? — Я не расслышала, нет, я не могла правильно его расслышать. Это исключено. Мои чертовы уши не могли так исковеркать его слова. Он ни в коем случае не имел в виду Сексуальную Сашу, эффектную и сногсшибательную брюнетку, которую Кайлер знал уже дааавным давно. — Он уехал с Сашей?

— Ага, — усмехнулся он, и я возненавидела эту ухмылку, этакий мальчишеский оскал. — Похоже, он был очень рад видеть ее, ведь они всегда зависали тут, когда он приезжал.

Я уставилась на него. Во время зимнего сезона Кайлер часто приезжал сюда иногда один, иногда с Таннером или еще с кем-нибудь. Я приезжала сюда только на Рождество, поэтому не трудно догадаться, что бармен был хорошо знаком с Кайлером.

Видимо, еще и хорошо знаком с отношениями Кайлера и Саши.

Бармен тряхнул головой, усмехаясь.

— Думаю, они поехали к ней. У нее тоже не было электричества, но сомневаюсь, что он поехал туда, чтоб починить ей *проводку*.

Да, я тоже в этом сомневалась, потому что... *О Боже...* потому что Кайлер не разбирается в этой гребанной электрике. Он был с Сашей.

Он трахался с Сашей.

Я шагнула назад, открыв рот и не зная, что сказать. Мой желудок скрутило от боли, а в груди начало жечь. Меня сейчас стошнит.

— Эй, — окликнул бармен, положив руку мне на плечо, когда я согнулась. — Ты в порядке?

— Да, — ответила я еле слышно. — Я в порядке.

Но это было не так. Я далеко не в порядке. Боль в груди просочилась в мои вены и поползла к горлу. В глазах жгло, а тело онемело.

— Вот дерьмо. — Бармен отпустил мое плечо и съезжился, будто только что рассказал, что я неизлечимо больна. — Вот дерьмо, дерьмо, дерьмо. Так ты что, девушка Кайлера, что ли? Типа вы *вместе*? — Он не дал мне возможность ответить. — Слушай, я просто сказал это «от балды». Я уверен, что он поехал к ней, чтоб проверить электричество, и ничего больше.

Я уже не слышала его оправдания. Слышала только биение своего сердца, отдающееся в ушах. Мне показалось, что земля ушла из-под ног и я падаю, хотя я все еще стояла на ногах. Я хотела пнуть этого сплетника, запрыгнуть на него и ударить кулаком в живот, заставить его взять обратно все, что он только что сказал, но он ни в чем не виноват. Я должна

продолжать говорить себе это.

— Я не его девушка, — выпалила я.

Он нахмурился.

— Не понял.

— Я не его девушка, — повторила я, и от этого мне стало больно. *Физически* больно.

Будто в грудь меня кто-то пырнул ржавым ножом и прокрутил его, да, это было именно так. Я не была девушкой Кайлера. У меня с ним был секс, но я *не была* его девушкой. Между нами не было никаких обязательств, никаких обещаний. Он сказал, что я заслуживаю больше, чем перепих, но именно это я и получила. Я была ни чем иным как перепихоном, когда все было сказано и сделано. И *это...* это было так типично для Кайлера — переходить от одной девушки к другой. И вряд ли это единственный случай, когда он имеет двух девушек за один день... а может, и одновременно. После душа он был таким тихим и таким напряженным. Может, он решил, что с него хватит?

Я знала его лучше, чем кто-либо на этой планете. Секс для него ничего не значил. Он постоянно мне повторял, что для него это лишь сексуальное сближение двоих людей. С чего я решила, что со мной будет по-другому? Просто потому, что мы делали это, смотря друг другу в глаза, и он один раз забыл надеть презерватив? Какая же я дура, я реально думала, что *это* что-то значит для него?

Да, реально. Боже, я правда думала, что значу для него гораздо больше.

— Девушка, — произнес бармен, — Мне действительно жаль.

Не сказав больше ни слова, я развернулась и покинула главную гостиную. Но дойдя до двери, я остановилась и вернулась обратно.

— Могу я воспользоваться телефоном? — спросила я не своим голосом и положила шлем на стойку.

Дама за прилавком кивнула и поставила передо мной телефон. Я чуть не позвонила Андреа, но я не могла говорить с ней сейчас. Услышав мой голос, она сразу бы все поняла. После двух гудков мне ответили.

— Мам?

Из-за помех на линии ответ прозвучал после паузы.

— Сидни? Это ты?

Как будто у нее был еще один ребенок, о котором я не знала...

— Да, это я.

— О, Слава Богу. Я так волновалась из-за этого шторма, а ты не отвечала на мои звонки. Мама Кайлера сказала, что у вас двоих все в порядке, и я знала, что с ним тебе ничего не грозит, но...

Я поморщилась при упоминании его имени, но сразу же пропустила это.

— Мам, как обстоят дела с дорогами в сторону дома?

— Почти все главные дороги очищены. Твой отец говорит, что магистрали в порядке.

— Хорошо. — Я зажмурилась от жара в глазах. — Как думаешь... думаешь, вы сможете приехать и забрать меня?

— Да. Конечно, а что с Кайлером? Он останется там? Или что-то не так с его машиной?

Моя мама королева вопросов, на которые я все равно бы не ответила.

— Его машина в порядке. Я просто... Просто хочу поехать домой. Пожалуйста.

На линии повисла еще одна пауза, и я уверена, что услышала, как мама резко вздохнула.

— Милая, у тебя все в порядке?

— Да, — прохрипела я, пытаясь не закрывать глаза. Леди за стойкой смотрела на меня, будто я душевнобольная. — Думаю, что я начинаю заболеть.

Мама что-то сказала про болезнь перед Рождеством и отложила трубку, чтоб позвать отца. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что прошу их ехать больше часа, чтоб забрать меня, но после всего этого я не могла находиться с Кайлером в одном доме. Не думаю, что вообще смогу находиться рядом с ним когда-либо.

Поблагодарив даму, я вернула ей телефон и вышла на улицу к снегоходу. Только когда я уже села на него, я поняла что забыла шлем на стойке. Я даже не почувствовала порывы ветра. Пока я ехала по снегу, я вся онемела.

Первое, что я увидела, это следы. Но не следы от снегохода, это были две параллельные косые линии, протоптанные вокруг всего дома, похожие на следы от лыж, либо кто-то что-то тащил по снегу.

В желудке все перевернулось.

Кайлер вернулся, пока я была в главном коттедже? И он привел с собой Сашу?

Я уставилась на следы на снегу. Нет. Не может он быть таким смельчаком. Только если ему на все наплевать. О Господи, я даже никогда не задумывалась об этом. Я сжала кулаки. Если он там с Сашей, то я оторву ему яйца.

От непролитых слез и боли в груди мне жгло горло. Сдерживая слезы, я повернулась к двери гаража. Она была закрыта не полностью, и зазор был больше, чем я оставляла перед отъездом.

Я быстро обдумала идею вернуться в главный коттедж и подождать, сколько потребуется, родителей там, но так как я была полной идиоткой, я не сказала им, что буду ждать их там. В первую очередь они приедут сюда, и мне нужно собрать свои вещи. Я смогу это сделать. Я не собиралась вести себя как ребенок и убегать. Достаточно того, что я уже позвонила родителям. Я смогу сделать это.

С трудом передвигая ногами, я торопливо стерла слезы на щеках. Учитывая мое непомерное везение, эти чертовы слезы могут превратиться в ледышки на моем лице, и тогда весь мир узнает, что я была в шаге от истерики, какую закатывает ребенок, поняв, что Санты не существует.

Тогда я плакала.

Я была готова снова расплакаться.

Когда я дошла до двери гаража, мне стало интересно, почему Кайлер припарковался тут. Это не имело никакого значения, и на самом деле в данный момент мне было наплевать на это дерьмо. Боль в груди усилилась. Подняв дверь вверх, я глубоко вдохнула, но воздух застрял в горле.

Я медленно моргнула и подумала, что наткнулась на эпизод из сериала «Закон и Порядок».

У задней шины внедорожника Кайлера на коленях стояли двое парней. Их лица скрывали черные лыжные маски. У одного из них в руках был нож, который он вытянул из толстой черной шины, а у второго бейсбольная бита. Оба уставились на меня. Они начали подниматься.

Вот дерьмо!

Сидни

Все происходило словно в замедленной съемке. С одной стороны, я не могла поверить в то, что увидела. Мой мозг отказывался понимать то, что я вижу, но сердце и тело прекрасно все поняли. Как только мой пульс достиг невероятной скорости, мои ноги инстинктивно заработали.

Парень поднял бейсбольную биту.

— Дерьмо.

Пятясь назад и шагнув в снег у дверного проема, я открыла рот, чтоб закричать, потому что в данный момент мой крик бы не помешал. Ноги подкосились, я упала, размахивая руками. Я ударилась спиной о жесткий цементный пол, и из меня вышибло весь воздух.

Один из парней рассмеялся, и я не знала, злиться ли мне на это или бояться.

Тот, что был с бейсбольной битой, навис надо мной, склонив голову в сторону.

— Дерьмо, — снова повторил он, оглядываясь на другого парня. — Нам нужно...

Я издала оглушительный крик и начала ползти назад по снегу. Немного согнувшись, я поднялась на ноги. Мне нужно добраться до снегохода, вернуться в...

Чья-то рука обхватила меня за талию и подняла в воздух. Другая рука опустилась мне на рот, заглушая мой следующий крик. Сердце колотилось в груди с невероятной силой. Я начала изо всех сил отбиваться ногами.

— Так, так, кто это у нас здесь?

Голос показался знакомым, но я была слишком напугана, чтоб думать об этом, особенно когда парень с битой появился перед нами. Это означало, что меня держал парень с ножом. Ужас сковал меня острыми как лезвие когтями.

— Эй, чувак, что ты делаешь? — потребовал Парень-Бита.

Парень-Нож продолжал идти назад, обходя внедорожник, абсолютно не обеспокоенный моей борьбой.

— Что? Мы просто немного повеселимся. Ничего серьезного.

Сердце заколотилось еще сильнее. Этого не может быть. Меня сковал ужас, я крутила головой, пытаясь избавиться от его хватки. На каждом из видеороликов по правилам безопасности, которые всех заставлял смотреть полицейский в институте, нас предупреждали, чтобы мы не позволяли затолкнуть себя в машину или вывести из поля зрения. И сейчас мы находились вне поле зрения, учитывая местоположение нашего дома. Это было плохо. О Господи, это было очень, очень плохо.

— Это не было частью плана, — сказал Парень-Бита и отбросил свою биту. Она звякнула о цементный пол, и он поднял руки вверх. В его голосе была слышна паника. — Ты сказал, что мы всего лишь проткнем шины. Я не...

— Заткнись! Иисусе. — Парень Нож вывернул мою голову в сторону своей груди, и мой затылок пронзила острая боль. — Че ты как баба? Мы не собираемся делать что-либо серьезное.

Я умоляла глазами Парня-Биту. Он не был похож на того, кто хотел бы в этом участвовать, не важно, что это могло быть. Он был моей единственной надеждой.

— Серьезное? — Он указал на нас руками, но избегал взгляда со мной. — Что, блядь, по-твоему, это такое? Что ты хочешь с ней сделать? Это пиздец.

— Чувак, прекрати. — Парень-Нож прошел дальше. — Просто открой гребаную дверь, трусливая ты задница. Мы лишь напугаем ее. Это все.

Мое сердце подпрыгнуло, а широко раскрытые глаза наполнились слезами. *Этого не может быть.* Я безостановочно повторяла эту фразу. Я не могла переварить то, как началось мое утро, полное надежды и любви, и закончилось за наносекунду, превратившись в полное дерьмо.

Парень-Бита выругался себе под нос и, обойдя мои размахивающие во все стороны ноги, открыл дверь в подвал. В животе ухнуло. Когда он проносил меня через проем двери, я на секунду замерла. Волна ужаса парализовала меня. Она опускалась глубоко в душу, угрожая полностью затопить мой разум.

Знакомая обстановка с бильярдными столами, аэрохоккеем и фотографиями маленького Кайлера с отцом побудили меня к действиям.

Резко дернув головой, я оттянула его руку на расстояние, достаточное для укуса. Вцепившись в его кожу зубами, я сжимала их до тех пор, пока не почувствовала его кость и металлический привкус крови во рту.

Парень-Нож взвыл и одернул руку. Его захват на моей талии немного ослаб, и этого было достаточно, чтобы у меня получилось вырваться. Он заблокировал единственный выход из подвала, и пока в моей голове прокручивались все эпизоды знаменитых ужастиков, я поняла, что у меня не было никакого выбора, кроме как бежать обратно в дом.

В жизни так быстро не бегала. Подошва ботинок была влажной, отчего я скользила по деревянному полу. До лестницы я добралась с головокружительной скоростью. В мою спину кто-то влетел, отбрасывая меня на лестницу, но я успела оградить себя от удара лицом о ступеньки.

— Ах ты маленькая сучка, — проворчал он, схватив меня за волосы и упираясь коленом в бедро. Он дернул мою голову назад, и по позвоночнику прошла острая боль, когда он начал тянуть меня вверх. Согнувшись, я начала пинать его, целясь в голень. Я не заметила его удара, пока он не обрушился на меня. Лицо взорвалось от горячей и жгучей боли. Крича, я вцепилась в его руку на моих волосах.

— Что ты делаешь? — закричал второй парень. — Блядь, ты в своем уме?

Парень-Нож проигнорировал его, увлекая меня вверх по лестнице. Когда мы добрались до гостиной, мой скальп горел как в огне, я взглянула на кровать, которую мы соорудили с Кайлером. Она была в беспорядке после того, чем мы на ней занимались утром, и прямо сейчас эта картина вызывала во мне тошноту.

Этого не может быть.

— Ненавижу таких как ты, надменных сук, — выплюнул Парень-Нож, толкая меня вперед. Я споткнулась и, потеряв равновесие, упала на колени рядом с журнальным столиком. Отчаяние затуманило мои чувства. Всепоглощающая паника вступила в свои права

— Почему? — Я вздрогнула от боли, когда зашевелила губами. — Почему вы это делаете?

— Почему? — Он передразнил мой голос. — Вы, маленькие поганцы, каждый год приезжаете сюда и думаете, что являетесь хозяевами этого места, ведете себя так, будто вы лучше нас. Это не так. Вы никто.

Я сморгнула слезы, застилающие глаза. Внутри прозвенели знакомые нотки.

Он оттащил меня от столика к кровати.

— А этот ебанный Кайлер? Он думает, что он крутой, да? Думает, что может командовать мной?

Это настолько поразило меня, что с секунду я не могла двигаться от понимания, в чем все-таки дело. Я знала, кто скрывался за маской. Я чуть не выпалила его имя, но сжала челюсть. Если он думал, что я не знаю, что это Зак, то у меня, вероятно, есть шанс убежать отсюда. По крайней мере, я надеялась на это и вцепилась в эту возможность.

— Давай, дружище. Хватит уже. — Парень-Бита сказал это откуда-то позади нас. — Видишь, она уже напугана. Нам нужно убираться отсюда. Ты натворил достаточно дерьма. Все зашло слишком далеко.

— Слишком далеко? — прошипел Зак в мое ухо, отчего я содрогнулась от отвращения. — То есть, когда Кайлер трахнул мою девушку, он зашел не слишком далеко? Или то, что он прямо сейчас находится рядом с ней?

Твою мать, он имеет в виду *Сашу*? Кайлер упоминал, что между Сашей и Заком что-то было, но он ничего не сказал про то, что было у него самого с Сашей. Я сразу же поняла причину враждебности между ними в баре.

Он солгал мне, на самом деле солгал. И сейчас Кайлер был с ней, а я была с Заком. Как все чертовски невероятно закручено-то.

Кайлер однажды *переспал* с девушкой Зака.

Когда я услышала, где находится Кайлер, ржавый нож добрался до моего сердца, насквозь проткнув его. Я оказалась в этой ситуации из-за Кайлера и его неспособности удержать свой член в штанах. Просто и ясно. Душевная боль разрезала меня так же сильно, как разбитые губы и ноющие мышцы, и моим внутренним ранам потребуется гораздо больше времени на восстановление, нежели тем синякам, что, несомненно, покроют мое тело. Боль перешла на совершенно новую ступень, она так глубоко ранила, что не было никакого шанса пережить ее.

Но только если я выберусь отсюда живой.

Я изо всех сил старалась взять под контроль свое дыхание и трезво мыслить — сквозь душераздирающую боль и панику.

— Мне жаль, — пробормотала я. Из-за онемевшей нижней губы говорила я это нечетко. — Мне жаль, что он переспал с твоей девушкой. Мне так...

— *Тебе* жаль? — Зак внезапно рассмеялся, толкнув меня вперед. — Сожалеть должен тот маленький ублюдок.

Хорошо. Очевидно, сочувствие к психу не сработало. Встав на колени, я развернулась, целясь в дверной проем фойе. Я могу добежать до входной двери, а что потом? Бежать как из ада.

Я пробежала только до середины комнаты, когда он схватил меня за куртку. В безумстве от попытки побега я расстегнула молнию и вырвалась из нее. Я почти добежала до двери, когда он врезался мне в спину. Я с силой упала на пол. Мой крик заглушился криком Парня-Биты. Зак грубо перевернул меня на спину, и пробирающий меня ужас вырвался наружу. Я замахнулась и костяшками пальцев пыталась попасть ему в челюсть, но он поймал мою руку, с легкостью прижимая ее рядом с головой.

— Боже, да ты чертовски смелая для такого карлика. — Зак рассмеялся, и сквозь щели его маски его глаза горели ужасающим блеском. — Вы с Кайлером просто друзья, да? Судя по всему — трахающиеся друзья. Да, я видел вас двоих у окна. Если бы я знал, что ты очередная шлюха Кайлера, я бы вывел тебя из бара гораздо раньше.

Просто очередная шлюха Кайлера.

Ярость окутала меня, как огненный ожог, а кровь огненной лавой текла по венам. Я дернула бедрами, пытаясь скинуть его с себя.

— Слезь с меня!

— Эй! — голосом, который перешел уже на визг, прокричал Парень-Бита. — Это зашло слишком далеко! Я не подписывался на это дерьмо! Хер с домом, но это? Черт, нет. В этом я не участвую.

— Мне похрен, — зарычал Зак. — Проваливай нахер тогда отсюда.

Тяжело дыша, я встретила взглядом с Заком. Как далеко он собирался зайти? Очевидно, то, что происходит, не было частью плана. Парень-Бита был слишком взволнован из-за его поведения. Они, должно быть, наблюдали за нами. Увидели, что сначала уехал Кайлер, а потом и я. Они не ожидали, что я застану их за вандализмом над машиной Кайлера. Но сейчас? Мой мозг не мог продолжать следовать догадкам, чем все может закончиться.

Это не может происходить со мной.

Где-то в доме захлопнулась дверь, так же, как и моя последняя надежда. Парень-Бита ушел. Я осталась одна с Заком и его наполненными мстостью глазами.

Кайлер

Скользя по снегу, я тихо выругался. С тех пор как я уехал из главного коттеджа, прошло слишком много времени. Сид, скорее всего, думает, что меня съел Снежный человек. Я не планировал задерживаться. Хорошими новостями было то, что дороги в город уже расчищались и на основных магистралях было чисто, можно было медленно, но все же ехать.

Блин, моя голова все еще шла кругом от произошедшего и от того, что мне рассказала Саша, как только увидела в главном коттедже. Это в очередной раз подтвердило вековые высказывания: «Прошлое всегда возвращается, чтоб укусить вас за задницу» и «Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным».

Мне хотелось лишь поскорее забрать Сид и увезти отсюда подальше. Остановившись у другого снегохода, я нахмурился. Какого черта он стоит на улице? Сид куда-то уезжала, а потом вернулась?

Крайне раздраженный я выключил снегоход. Черт бы ее побрал, она когда-нибудь будет слушаться меня? Последнее, чего мне хотелось, — это чтоб она разъезжала тут без меня, особенно после того, что я услышал от Саши.

Гребанный Зак — гребанное быдло, неотесанный ублюдок, это он проделал все это дерьмо с нашим домом. Судя по всему, он и ее окна разбил. Этот педик до сих пор не может успокоиться из-за того, что Саша продолжает жить без него. Можно подумать, у нее золотая вагина, чтоб такое вытворять после того, как прошло уже больше года. Дерьмо. Я еле себя удержал, чтоб не поехать к нему домой и не выбить из него все дерьмо. Его нездоровая одержимость Сашей причинила Сид боль, а то и еще хуже.

Это ты во всем виноват, шептал внутренний голос.

Блядь. И это правда.

Сняв шлем, я спрыгнул со снегохода, и в это время из полуоткрытой двери гаража кто-то выбежал.

Первая мысль: Какого хрена?

Вторая мысль: Этот тип был в лыжной маске и выбегал из моего дома, где находилась Сид? Ох, мать твою, только не это.

Откинув шлем, я поймал этого ублюдка за талию, когда он попытался броситься вокруг дома. Я повалил его на снег и ударил коленом в живот.

— Кто ты такой, мать твою? — потребовал я, вцепившись в его плечи. — Отвечай!

Парень поднял руки.

— Я не имею никакого отношения к этому. Клянусь. Он сказал, что просто хочет разгромить твой дом и машину. Это было...

Схватив маску, я сорвал ее с его гребаного лица. Это оказался один из дружков Зака. Он был в баре несколько дней назад. Не думая дважды, первым делом я заехал кулаком ему в лицо.

— Где он?

Парень выглядел так, будто сейчас обмочится от страха, в ответ он дернул подбородком в сторону гаража. Его окровавленные губы дрожали.

— Мне очень жаль. Это не должно было заходить так далеко, но Зак... чувак, он ненавидит тебя из-за того дерьма с Сашей. Он внутри, чувак.

Я на секунду замер. В этот момент мир будто рухнул. Я почувствовал неопишуемый страх, который отдавался вкусом крови и в горле и во рту.

Отскочив от этого чмо, я скользнул по снегу, пока не уперся о бетонный пол. Я налетел на дверь внедорожника и, подскочив на ноги, подлетел к двери, глазами сканируя комнату в поисках Сид.

Наверху раздавались глухие шаги и крик, от которого у меня остановилось сердце. Вот дерьмо, голос похож на Сид. Боже мой, это ее голос. Мои руки уже были сжаты в кулаки, а кровь кипела от чистой ярости, но когда услышал наверху чертовый выстрел, я превратился в глыбу льда. О Господи, Сид. Если ей больно, клянусь Богом, я убью этого ублюдка. И меня ничто не остановит.

Обогнув бильярдный стол, я направился напрямик к лестнице и услышал, как сверху кто-то спускается. Через секунду из темного лестничного пролета выскочил еще один ублюдок в маске. Он на секунду опешил, когда увидел меня, и я уже знал, что это Зак, я узнал его по телосложению. Часть его лица проглядывалась через разорванную снизу маску. Мой взгляд упал на его руки. Они были в крови.

Блядь, я не успел.

Бросившись через комнату, я налетел на Зака и сбил его с ног. Этот урод замахнулся на меня, но я увернулся от удара. Схватив за ворот свитера, я осадил его одной рукой. Я замахнулся и ударил его в челюсть. Один. Два. Три раза. Одних ударов было недостаточно. Блядь, нет. Удары превратились в кровь, разрыв кожи и вспышки тупой боли. Этого было недостаточно. Я хотел избить его до смерти, но когда голова Зака начала заваливаться назад, я бросил его на пол и заставил себя встать.

Мои руки дрожали, а кожа на костяшках кулаков разорвана.

Следующий вдох дался с трудом, но еще труднее было отойти от Зака. Только единственная цель заставила меня оставить его, мне нужно было найти Сид. *Ружье... о Боже*. Если он пострадала... я никогда себе этого не прощу. Все было очень просто. Я не должен был оставлять ее одну.

Когда я перешагнул через Зака, он перевернулся и заскулил. Пока я поднимался по лестнице, мое сердце сотрясало ударами грудную клетку.

— Сид! — Я думал, что прокричал ее имя, но я будто захлебывался, захлебывался от вероятности того, что могло с ней случиться.

Я пронесся через полуприкрытую дверь и резко затормозил, когда увидел ее. Она сидела на краю журнального столика, уставившись на огонь в камине и обхватив себя за талию. Темные волосы упали вперед, скрывая ее лицо. На коленях лежало ружье отчима.

— Сидни?

Я обошел кругом, разжав кулаки. Остановившись перед ней, я сел на колени и почувствовал, как расколосось мое сердце. В щепки. Воротник у ее шеи был разорван, кожа подбородка покрылась красными пятнами. Нижняя губа была разбита и окрасилась в темно-красный цвет. Меня затопила ярость с новой тошнотворной силой. Я хотел вернуться вниз и разбить Заку череп.

— Сид, малыш, посмотри на меня. — Я потянулся к ней, желая обнять ее, мне было необходимо это сделать.

— Не надо. — Она отпрянула, встала, сжав в руках ружье, и отошла назад. — Не прикасайся ко мне.

Сидни

Стоя рядом с елкой, я наблюдала, как вниз по улице ехала снегоуборочная машина и расчищала с дороги снег, отбрасывая его в сторону. Где-то вдалеке послышался вой сирен. Должно быть, Кайлер вызвал полицию. Умно, очень умно. Честно говоря, я даже не подумала об этом. Как будто мой мозг перестал правильно соображать.

Подбородок и губы болели, но боль чувствовалась отдалено. На самом деле, я не сильно пострадала. Было больно только от одного удара Зака, в остальном я была цела. Судя по костяшкам Кайлера, могу поспорить, Заку сейчас хуже, чем мне. И стене в гостиной, в которую попала пуля.

Зак хотел напугать меня — и у него это получилось. Честно говоря, не знаю, чем бы все закончилось, если бы мне не удалось вырваться и схватить ружье, которое Кайлер подпер к стене. А что, если бы Зак увидел и забрал его? Прямо сейчас я не могла реально оценивать все то, что могло бы произойти. На курсах психологии я научилась тому, что люди способны на многое, и Зак... да, у него определенно были проблемы с психикой. Когда я подняла ружье и направила его на Зака, оно так сильно тряслось в моих руках. Я видела в его глазах сомнение, *типа хватит ли ей мужества нажать на курок? Заряжено ли ружье?*

В этот момент я задавала себе те же самые вопросы.

У меня так тряслись колени, что я была удивлена, как до сих пор стою и еще не падаю на елку. Я знала, что это шок. Не смертельно, но все же шок.

— Сид?

От звука голоса Кайлера у меня зашипало в глазах. Я не обернулась.

— Полиция уже здесь. Они хотят узнать, что произошло. — Он замолчал на некоторое время, а потом снова заговорил, и голос звучал уже ближе. — Ты в порядке?

— Да, — прохрипела я, желая, чтобы он просто ушел. Я еще не была готова разбираться с ним. И не думаю, что когда-нибудь буду готова. Больше всего было в груди.

Снова повисла пауза.

— Он... он причинил тебе боль? В смысле, большую, чем я уже увидел.

Я покачала головой, тяжело сглотнув. Сирена начала приближаться. Я боялась разговаривать с полицией.

— Сид, ты можешь... можешь посмотреть на меня?

Я не хотела, но заставила себя повернуться к нему. Он был таким же бледным, как и я, черные как смоль глаза широко раскрыты. Я взяла себя в руки, потому что смотреть на него было невероятно больно.

— Что, Кайлер?

Он вроде хотел шагнуть вперед, но остановился.

— Что... что происходит? Почему ты не позволяешь прикасаться к тебе? — Он склонил голову на бок, отчего на лоб упала прядь волос. — Я действительно хочу просто обнять тебя. Ты представить себе не можешь, как я испугался, когда узнал, что он здесь. Я никогда...

— Перестань... замолчи прямой сейчас. — Я подняла руку и только после этого поняла, что до сих пор держу в руке ружье. Я опустила его на пол, и комок в моем горле достиг размера с мячик для гольфа. Все вырвалось наружу с головокружительной скоростью. Сейчас не время для этого, но я не смогла себя остановить. — Думаешь, я не знаю, где ты

был?

Его брови поползли вверх, и он шагнул назад.

— Сид, я...

— Я поехала в главный коттедж, чтоб найти тебя. Да, знаю, мне следовало оставаться здесь, и, может быть, это дерьмо не обернулось бы тем, что произошло, если бы я осталась дома, но я поехала туда и тебя там уже *не было*. — От подступающих слез мое горло уже просто горело. — Ты был с Сашей, с той, которая, как мне доложили, была очень *счастлива* увидеть тебя, и ты не подумал дважды, прежде чем поехать к ней домой. Даже после того, что мы... — Мой голос подвел меня, и я покачала головой, пытаюсь сдержать слезы. — Ты солгал мне.

Кайлер открыл было рот, но я оборвала его:

— Ты сказал, что у вас Сашей *ничего* не было, но это, очевидно, не так? Все это — стрельба в окно, генератор, Зак. Это все из-за тебя и из-за нее. Зак пришел сюда, потому что ты спал с его девушкой!

Он вздрогнул, и в животе у меня все перевернулось. Я ненавидела то, что мне на самом деле очень жаль.

— О, Господи, — ответил он. — Сид, малыш, мне так...

— Не произноси это! — Мой голос надорвался. По щеке покатилась слеза, и я злостно вытерла ее. — Ты никогда прежде мне не врал. Никогда! Но насчет нее ты солгал, и он пришел сюда из-за твоей неспособности удержать свой член в штанах больше пяти секунд!

Удар ниже пояса. Я понимала это. И я понимала, что на самом деле Кайлер не виноват, что Зак пришел сюда, но мне было очень больно. Я была разрушена и хотела, чтоб ему было так же больно, как и мне.

— Скажи мне вот что. Раньше ты использовал с ней презерватив? Трахал ли ты ее лицом к лицу? Или, может, все песенки о твоих «первых разгах» тоже были ложью? Боже, ты наверное думал, что я наитупейшая девчонка, раз поверила в это?

Кайлер выглядел так, будто я столкнула его в мусорную яму.

— Что? Нет. Я так не думал, и это не было ложью, Сид. Я...

— Это не имеет никакого значения. — Я резко вздохнула, и горло обожгло болью. — Я какая угодно, но только *не* глупая.

Прежде чем он успел что-либо сказать, снизу раздался незнакомый голос, это был офицер полиции, и я шагнула вперед, дрожа всем телом.

— Ты был прав, Кайлер. — Слезы застряли в моем горле. — Я действительно заслуживаю лучше этого.

Кайлер

Я бы предпочел быть брошенным в мусорную яму, чем стоять перед Сид и видеть ее боль, а еще знать, что я являюсь тому причиной. Кое-что из этого было по моей вине. Черт, да много чего, и я бы с удовольствием прошел хоть сквозь яму с гремучими змеями, чтоб исправить это.

Зак пришел сюда из-за того, что произошло у нас Сашей больше года назад. Этот неуравновешенный сукин сын отомстил мне через Сид, и, блядь, этим он просто убил меня. Я бы хотел отказать Саше, когда она попросила помочь ей с разбитыми окнами. Я должен был быть тут и защитить Сид, а не заниматься гребаными разбитыми окнами и отбиваться от бесконечных намеков Саши. Да, Саша хотела быстрого перепиха. Эта девушка всегда была готова ко всему и где угодно, но я не спал с ней. Черт, нет.

Но спал ли я с ней прежде?

Да, спал.

Я отчаянно пытался вспомнить, что тогда сказал Сид. Соврал ли я ей о Саше или увернулся от вопроса? В любом случае я не сказал всей правды. Ущерб нанесен. Было слишком поздно. Я увидел это в глазах Сид, услышал это в ее голосе.

Сид развернулась на звук приближающихся шагов. Полиция что-то кричала. Я едва слышал их. Мир, который обрушился для меня еще на улице, продолжал рушиться в доме. Она молчала, но ее плечи задрожали, и я знал, что, если она сейчас повернется ко мне, по ее лицу будут литься слезы. Сейчас я хотел подойти к ней. Я начал приближаться, потому что больше не мог видеть ее такой. Не важно, какое дерьмо я натворил в своем прошлом, я не мог это выдержать. Должен быть способ все исправить.

Я успел сделать только шаг.

Захваченные сзади мои руки оказались за спиной, и меньше чем за секунду их сковали наручники. Наверное, это из-за того, что у лестницы лежал полумертвый парень, и коп не знал, кто что тут натворил. Как только я упал на пол, приземлившись щекой, я выругался себе под нос.

— Подождите! — раздался шокированный голос Сид, и я заставил себя приподнять подбородок. На ее бледном лице отразилось замешательство. — Он не тот, кто должен быть в наручниках. Он...

— Просто оставайтесь на месте, мэм, пока мы не возьмем ситуацию под свой контроль.

Офицер дернул меня, мышцы на руках запротестовали от такого напора, и я замычал.

Заплаканные глаза Сид расширились от паники.

— Вы делаете ему больно! О, Боже, пожалуйста, прекратите. Он вызвал вас.

Это было действительно неприятно, но из-за всего, что произошло, я приветствовал боль. Она притупляла жжение в желудке. В комнату ворвался еще один офицер, чем заставил Сид подпрыгнуть, а серебряные шарики на елке зазвенеть. Второй офицер заметил ружье, которое Сид бросила на пол. Он быстро подошел к Сид и оттолкнул ногой ружье подальше в сторону.

Первый офицер гаркнул распоряжение, и Сид в нескольких словах рассказала то, что произошло, — она приехала домой и увидела двух парней, которые возились с шинами у моего внедорожника, один из парней убежал, а Зак сказал ей, что хотел просто напугать ее. Она опустила часть истории про Сашу и причину ее разбитых губ, но когда эти ответы были даны, офицер снял с меня наручники, а к дому подъехала машина скорой помощи.

Видимо, Зак находился где-то поблизости. Очень плохо.

Я пытался не спускать глаз с Сид, пока скорая осматривала ее, а я рассказывал офицеру про Зака, но когда я увидел, как она поморщилась от боли во время обработки губы парнем из скорой, я долго не думал. Я бросился к ней.

— Она в порядке, сынок. — Офицер сжал мои плечи, не позволив подойти к ней. — Она в надежных руках. Лучшее, что ты можешь сделать для нее, это предоставить мне всю информацию. Начни с самого начала.

Я был в шаге от того, чтоб послать офицера куда подальше, но мой взгляд встретился со взглядом Сид. Казалось, мы смотрели друг на друга целую вечность, но потом ее реснички опустились. В них появились кристаллики слез — и я знал, что эти слезы не от боли разбитой губы.

В этот самый момент я возненавидел себя как никогда раньше.

— Сынок?

Потерев подборок ладонью, я повернулся и сосредоточился на офицере. Я начал с самого начала, со снегохода. В доме было полно офицеров, они то входили в дом, то выходили, на мой взгляд, их было слишком много, и я на некоторое время потерял Сид из виду. Я знал, что прямо сейчас она ненавидит меня, и я по праву заслужил это, но я горел желанием узнать, где она и все ли с ней в порядке.

Она вновь появилась у машины скорой, с мешочком льда, приложенным к подбородку. Офицер закрыл собой обзор на нее, получая от нее показания.

Это... черт, это была самая худшая часть — слушать, как она рассказывает о том, что случилось. Когда ее голос дрогнул, меня будто пнули в грудь. Сид была невероятно смелой и сильной, но она никогда не должна была столкнуться с чем-то подобным.

Никогда не думал, что буду тем, кто поставит ее под угрозу. Годами я был единственным, кто приглядывал за ней, старался уберечь от каких-либо неприятностей. Не думал, что теперь я причина всему этому.

Не знаю, сколько времени прошло, пока у нас брали показания. Я слышал, что Зака увезут в тюрьму, после того как подлечат в больнице. Он также сдал своего друга. Офицер заверил нас, что оба понесут ответственность за взлом дома, вандализм и нападение, и все может даже дойти до обвинения в покушении на убийство из-за стрельбы в окно. Правильным наказанием для этого тупого ублюдка будет, если он большую часть своей жизни проведет за решеткой.

Офицеры полиции все еще сновали вокруг, не давая мне возможности поговорить с Сид. Я не думаю, что смог бы объяснить даже самому себе, как все можно исправить, но мне нужно было попросить у нее прощения за весь этот беспорядок и дать понять, что я никогда не хотел причинить ей боль.

Я увидел ее на кухне, он шла бок о бок с молодым копом. Он держал руку у нее на плече, и она больше не прикладывала лед. Я сомневался, что ей следовало так быстро избавляться ото льда.

— Сидни!

Пораженный голосом ее отца, я развернулся в сторону гостиной. Что он здесь делает? Секунду спустя в комнату вошел огромный мужчина. Отец Сид напугал меня до смерти, как маленького пацана. Мистер Белл был одним из тех мужчин, кто одевается в отделе Большие-и-Высокие и который одним лишь взглядом может заставить любого парня пуститься наутек. На ходу снимая шерстяные перчатки, он застыл на месте, когда увидел свою дочь. На его лице застыл ужас, но потом щеки покраснели от гнева.

Его взгляд переместился от дочери на меня, и в этот момент я хотел провалиться в чертову дыру. Я был большим гребаным разочарованием. Я не уберег его дочь. Большим засранцем я уже не мог быть.

Минуту спустя к мистеру Беллу метнулась маленькая фигура. Рядом со своим мужем мама Сид выглядела как ребенок. Внешность Сид досталась ей от мамы — густые темные волосы и личико в форме сердца. Однако поразительно голубые глаза она унаследовала от отца.

— Малышка, — воскликнула миссис Белл и чуть не сбила офицера, когда бросилась к дочери. — Боже мой, что случилось? Ты только посмотри на себя! Что произошло?

Сид оставила копа и бросилась навстречу к матери, крепко обнимая ее.

— Кайлер.

Звук моего имени отозвался стальным звоном по спине. Я повернулся к ее отцу, и за этот короткий промежуток Сидни с мамой уже ушли.

Мистер Белл шагнул вперед, и это был один из немногих людей в этом мире, перед кем я чувствовал себя карликом.

— Что, черт возьми, произошло с моей дочерью?

Сидни

Приезд домой принес облегчение, я стояла в *теплой* спальне, окруженная всеми своими вещами, которые хранились тут с самого детства. Но с тех пор как мы три дня назад вернулись из Хейгерстауна, я пребывала в унынии.

Мне нужно было взбодриться. Через два дня наступит Сочельник, и этот праздник всегда был моим самым любимым — угощения, семья, подарки.

Но мне было плевать.

Моя спальня была какой-то странной, как капсула времени. Раньше она мне никогда не надоедала, но сейчас? Я хотела разнести комнату кувалдой. Меня сбили с толку разноцветные плюшевые медвежата, которые лежали на кровати у подушек. Я взяла в руки одного из них — белого мне подарил Кайлер на мой одиннадцатый день рождения. В груди резануло болью, и я положила медведя обратно, отвернувшись от кровати. Меня бесили переполненные книжные полки. Мне было наплевать на ленты, которые мама развесила на стене у стола рядом с наградами, полученные в средней школе. Здесь также висели газетные вырезки из «Списка лучших студентов». Я начала было выпрямлять один из загнутых уголков, но остановилась и оставила все как есть. Изогнутый. Несимметричный. Несовершенный.

Отвернувшись от наград, лент и газетных вырезок, я взяла свой старый телефон с кровати и закинула его себе в карман. Спустилась вниз по лестнице и нашла маму на кухне. Папа до сих пор был в офисе. Некоторые вещи неизменны, включая и его поздние рабочие ночи.

По всему нижнему этажу распространялся аромат яблочного пирога с корицей — мой любимый.

Мама оторвала увлеченный взгляд от журнала, когда я плюхнулась на стул напротив нее.

— Ваша встреча с Андреа все еще в силе?

Опершись локтями о стол, я улеглась подбородком в ладони.

— Ага, она едет из Фредерика и заедет за мной. Мы собираемся поужинать. И у меня чувство, что после она поедет к Таннеру, который живет в Смитсбурге.

— Хорошо, — подмигнула мама, — я на вас с папой не готовила как раз.

— Как мило.

Она рассмеялась и перевернула страницу.

— Твоя губа больше тебя не беспокоит?

— Нет, она в норме. — И это было практически правдой. Остался только небольшой порез у уголка, и подбородок больше не болел. — Надеюсь, ты не очень переживаешь об этом.

— Конечно, я переживаю. Через что ты прошла? — Она глубоко вздохнула и закрыла журнал. Подняв взгляд, она впиалась в меня своими темными глазами. — Дорогая, я...

— Я правда не хочу говорить об этом. — Я выпрямила руки на кухонном столе. — Я в порядке. Все закончилось. Все в прошлом.

— До того, как дело дойдет до суда, — осторожно напомнила она.

— Он мог бы признать свою вину, и тогда мне бы не пришлось давать против него

показания. — И Господи, я надеялась, что так и будет. — В любом случае, если будет нужно, то я так и сделаю.

Мама ничего не ответила и просто пристально смотрела на меня. Я вздохнула и откинулась назад, зная, что она хочет сказать мне что-то, чего я не хочу слушать. Она посмотрела на меня своим коронным взглядом от мамы:

— Дорогая, — начала она, и мои подозрения подтвердились, — я разговаривала с миссис Бэнкс о случившемся. Ты знаешь ее, она школьный психолог.

О. Дорогой. Бог.

— И она предложила идею, которая мне понравилась, — аккуратно продолжила она. — Я думаю, тебе следует поговорить с кем-нибудь о том, что с тобой произошло.

— Что? Ты шутишь, верно?

Мама нахмурилась.

— Дорогая, ты собираешься стать психиатром...

— Психологом, — исправила я ее.

Она нахмурилась еще сильнее.

— *В любом случае*, ты знаешь, как важно для людей выговориться и не держать все в себе.

Я боролась с желанием закатить глаза. Я знала, как это было важно. И учитывая, как сильно меня напугал Зак, и то, что меня до сих преследовали те образы, я не хотела тратить время терапевтов, которые могли бы помочь тем, кто нуждается в помощи больше меня.

— Мам, мне не нужно никому выговариваться. Я в порядке. Честное слово. Клянусь.

Ее глаза сузились.

— Тогда почему ты ходишь по дому такая подавленная, как будто твоего любимого щенка выбросили на улицу?

Я поморщилась, но желудок скрутило от боли.

— Это очень мило с твоей стороны, мам.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Сметая пальцем крошки со стола, я пожала плечами.

— Я не подавлена.

— Нет, ты подавлена. — Она взяла чашку, встала, подошла к раковине и сполоснула, прежде чем положить в посудомоечную машину. Когда она закончила, то повернулась ко мне, скрестив руки на груди. — Я никогда не видела тебя такой вялой и несчастной в канун Рождества. И если это не из-за того, что произошло, тогда в чем дело?

— Ни в чем. Я просто не в настроении.

Мама вздохнула.

— Милая, ты же знаешь, что можешь рассказать мне? Обо всем. Ты для этого еще не слишком взрослая.

— Я знаю. — Но то, что меня беспокоило, я *вообще* не могла обсуждать с мамой.

Она поджала губы.

— Это из-за Кайлера?

Ах вот оно что. При упоминании его имени мне стало немного плохо. Все тело сковало, а грудь заполнило пустотой. Это как удар, сбивающий с ног. Кайлер. Кайлер. Кайлер. После отъезда из Сноушу я старалась не думать о нем. Это было так же легко и весело, как проходить уровень на шоссе в игре «Фроггер».

Кайлер занимал все мои мысли, чем бы я ни занималась. И знаете, что самое худшее?

Две ночи из трех у меня были сны о нем. Боже, из-за этого еще хуже, чем обычно.

Но я узнала то, чего никогда раньше не знала, — как на самом деле болит разбитое сердце. А я, глупышка, думала, что знала, каково это, когда видела Кайлера каждый раз с новой телкой. Та боль не имела ничего общего с той, что я испытываю сейчас.

Я откинула волосы назад и решила продолжить разговор.

— С чего ты взяла, что это из-за Кайлера?

— Ну, начнем с того, что я не слепая.

Я от удивления вскинула брови.

— Кайлер ни разу не появился тут с тех пор, как ты вернулась. Этот мальчик практически жил тут, когда ты возвращалась со школы. И его никто не мог остановить — это похоже на апокалипсис.

Я бы рассмеялась, но это было правдой, и я почувствовала жжение в горле.

— Я подумала, что было странно, как ты уехала и не попрощалась с ним, но я свела все на твой шок и на произошедшее. — Мама подошла к столу и села напротив. — И плюс ко всему, я почти уверена, что он даже не звонил тебе все это время.

Ну и ну. Спасибо за напоминание. Не то чтобы я считала, что он звонил. Я внесла ясность между нами еще в Сноушу, но факт, что он не звонил, больно ужалил меня. И это было так глупо, потому что я не была готова разговаривать с ним, но если быть честной с собой — но кто хочет быть честен? — я знала, чего на *самом* деле хотела. Чтоб Кайлер пришел и молил о прощении, прощении, в котором я даже не была уверена.

— Поэтому я предположила, что между вами что-то произошло, — закончила мама.

— Знаешь, что обычно говорят о предположениях...

На лице у мамы появилось такое выражение, будто она съела что-то кислое.

— Очень смешно.

Из меня вырвался вздох. Я не знала, что сказать и как начать. Что я могла ей сказать?

— Мам...

Мой телефон запищал от поступившего сообщения от Андреа. Она уже подъехала. Я с облегчением выскользнула из-за стола.

— Мне пора. Андреа уже здесь.

— Сидни...

— Мам, все в порядке. С Кайлером все хорошо. — Я наспех ее обняла. — Честно.

Я выбежала из дома, схватив со спинки дивана куртку, прежде чем мама смогла бы меня остановить. Чуть не сломав себе шею на скользкой дорожке, я села в теплую Хонду Андреа.

— Привет-привет, старушка... — прощбетала Андреа, разглядывая меня в тусклом свете, будто я результат научного эксперимента. — А по тебе и не скажешь, что тебя избили.

Я закатила глаза.

— Ха-ха-ха, типа спасибо.

Она отбросила красный локон со лба.

— Всегда пожалуйста. Твою мать, старушка, я до сих пор не могу поверить. Ты могла бы умереть! Или еще того хуже.

Мне было интересно, что может быть еще хуже смерти.

— Или все могло бы закончиться тем, что ты попала бы в новостную программу «Дейтлайн» или еще на какую-нибудь. — Она качнула головой и тронулась с места. — Может даже, на этом был бы основан эпизод для «Закона и порядка».

Я рассмеялась.

— Ну ты и дуреха.

— Но ты меня любишь, — ответила она, пересекая улицу. — И я люблю тебя. Ну а если серьезно, то я хочу поехать в Сноушу и выколоть этому мудаку глаза.

— Я тоже.

Андреа, коротко усмехнулась.

— Куда поедем?

Так как поблизости выбор был не большой, я сказала ехать на 11-ую трассу и доехать до 81-ой.

— Чего хочешь поесть?

— Хмм... — Она постучала пальцем по подбородку. — Я хочу... мясо!

— А точнее.

— Да любое.

Я перечислила варианты ресторанов, и мы остановились на «Аутбэк». Шоссе все еще было покрыто снегом, который раздували порывы ветра, поэтому мы ехали медленней обычного.

Как только мы вышли из машины, она меня крепко обняла.

— Извини, — сказала она, отпустив меня. — Я так расстроилась, когда ты мне все рассказала. Не знаю, что бы я сделала...

— Все нормально. Слушай, то, что произошло, было мегаужасным, но я в полном порядке.

Она быстро отвернулась, и могу поклясться, она вытерла слезы с глаз, но мне нужно было посмотреть на это, потому что я никогда не видела, как эта девушка плачет. Ни от «Дневника памяти», ни даже от тех ужасных роликов «Гуманного общества», из-за которых я постоянно рыдала.

Ресторан оказался забитым поздними покупателями рождественских подарков с соседнего торгового центра, и я направилась в туалет, пока Андреа заказывала столик.

Долго ждать нам не пришлось. После того как официант принял заказ на напитки и принес нам свежего хлеба, Андреа схватила большой нож и направила его на меня,

— Ладно. Итак, теперь я не за рулем и вся во внимании, и нам нужно поговорить.

Я откинулась на мягкую спинку.

— Обязательно при этом держать нож в руках?

— Ах, да, вероятно, не стоило размахивать им у твоего лица. Извини. — Она медленно отложила его на салфетку. — Ну что ж, нам нужно поговорить о Кайлере.

Я моргнула, никак не ожидая этого. Я ничего не рассказывала ей о Кайлере. Я никому ничего не рассказывала.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Ты заикаешься! Только это уже говорит от многом. — Она глотнула воды из своего стакана. — Я знаю, у вас что-то случилось, потому что Таннер звонил мне сегодня утром.

Мои глаза практически выскочили из орбит.

— *Таннер* звонил тебе?

— О да, — ответила она с таким видом, будто несла ведро, полное тайн.

Я ухватила за край стола.

— Что он сказал?

— Скорее, что он не сказал. — Андреа отломил кусочек хлеба и бросила его в мою тарелку, но я так сильно нервничала, что даже думать о еде не могла. — Он позвонил узнать,

в курсе ли я о том, что между вами произошло в Сноушу. Я думала, он имел в виду того психопата, но потом он сказал что типа «о, черт, нет, не это». Он сказал, что знает, что между вами двумя что-то произошло.

Я открыла рот, но не имела никакого понятия, что сказать. Мои щеки предательски покраснели.

Андреа сузила глаза.

— Ах ты грязная потаскушка, *кое-что* произошло, а ты до сих пор молчишь. Я должна отказаться от нашей дружбы!

Сидящая рядом пожилая пара оглянулась на наш столик, и мне захотелось скрыться под столом от стыда.

— Андреа, прекрати.

— Я твой лучший друг форева, — сказала она без тени стыда. — В соответствии с законодательством феминизма ты должна рассказывать мне о таких вещах.

Я наконец-то обрела дар речи.

— Ого. Думаю, ты неправильно истолковала идею феминизма.

— Да наплевать. — Она закатила глаза. — Тебе нужно рассказать мне все, потому что Таннер сказал, что Кайлер выглядит так, будто уже умер, и отправился в ад, и продолжает находиться там.

Мое сердце сжалось.

— Правда?

Она кивнула.

— Предположительно, он уже два дня пьет, не просыхая, и сегодня первый день, когда он трезвый. Значит, что бы там у вас ни произошло, это не закончилось Диснеевским жилили-они-долго-и-счастливо. Могу лишь сказать, что тебе нужно мне все рассказать и лучше включить самые ценные подробности с большой буквы «Ц».

Мои брови взлетели вверх.

— А что? — Она подняла руки. — Девушки могут жить и опосредованно, разве нет? Я имею в виду, каждая телка не прочь сняться с Кайлером в порно, поэтому я умираю от любопытства, настолько ли он хорош.

— Он настолько хорош. — Слова вырвались из меня прежде, чем я успела их остановить.

Андреа хлопнула ладонями по столу.

— О Боже мой, ты спала с Кайлером?

Я оглянулась вокруг с горящими щеками.

— Тааак. Ты можешь немного убавить громкость?

— Извини, я просто ужасно рада это слышать. Не что бы я радуюсь, что он облажался, потому что знаю, что не это тебя расстроило. Это он... всегда во всем виноваты парни.

Покачивая головой, я выдохнула. Странно, но сказав об этом, мне стало легче. Мне все еще было больно и неприятно, и я молила Бога, чтоб он дал мне сил не расплакаться как дурочке в ресторане, но когда я наконец преобразовала в слова все свои мысли, я почувствовала облегчение. Я рассказала ей короткую версию без грязных подробностей о том, что случилось, утаивая некоторые детали, от которых я лучше умру, чем расскажу. Андреа отогнала рукой официанта, который подошел принять заказ, чтоб я могла дорассказать о Саше и почему Зак начал вредить нам.

Закончив свой рассказ, я откинулась на спинку дивана, полностью опустошенная.

— Итак... теперь ты все знаешь.

Андреа несколько раз открыла и закрыла рот, как рыба, которую вынули из воды.

— Твою мать...

Я сделала глоток своей кока-колы.

— Ага.

— Ну и ну, ладно, дай-ка все обдумать. — Она убрала с лица свои кудри. — Ты напилась и попыталась соблазнить его. Он тебя отшил, а потом сказал, что ты заслуживаешь лучшего, чем одну ночь, при этом занимаясь с тобой петтингом? Потом вы прогнулись под своей животной похотью и занялись сексом несколько раз, да так, как он сказал, он не занимался никогда?

Спасибо Господу, что все это она проговорила тихо.

— Ну что-то типа того.

— И вы, ребята, провели больше суток в чистом сексуальном блаженстве, ели крекеры, и у вас была любовь-морковь, и все это не вызывало неловкость?

Я покачала головой.

— Хмм... — Она теребила свою соломинку. — И он не вел себя странно, так?

— Нет. Как раз таки наоборот, Андреа. Он был... он был идеальным. Понимаешь, я подумала, что он действительно хотел быть со мной. И в то утро, когда мы вместе принимали ледяной душ. Он был... таким милым, а потом... — Я вздохнула, чувствуя себя глупо. — Он показался каким-то отрешенным, а потом все это произошло.

Андреа поджала губы.

— Значит, он, очевидно, поехал к Саше, но откуда ты знаешь, что у них что-то было?

Я одарила ее ироничным взглядом.

— Ладно, — она подняла руки, — это *Кайлер*, но ты не знаешь, что он там делал. Уверена, это вызывает подозрения, и я понимаю, почему ты подумала об этом, но ты не знаешь наверняка.

Честно говоря, я рассматривала вероятность, что у Кайлера и Саше в тот день не было секса. После того как я приехала домой и немного успокоилась, эта мысль терроризировала мою голову каждые пять секунд. Я снова покачала головой. Что, если мое первоначальное подозрение окажется правдой и я настрою себя на обратное, а потом окажется, что мое подозрение оказалось верным? Мое сердце снова будет разбито.

— Но он солгал мне, Андреа. Я спросила его о Саше, и он сказал, что между ними ничего подобного не было. — Я схватила кусочек хлеба, желая швырнуть его куда-нибудь. — Он никогда не врал мне до этого.

— Это так, — согласилась она, натягивая и выпрямляя свой рыжий локон каждый раз, как он выбивался. — И то, что тот психопат причинил тебе боль, из-за нескончаемых сексуальных походов Кайлера. Это сложно оставить в прошлом.

— Ага, — пробормотала я и положила хлеб в рот, интересуясь, куда же подевался наш официант. Наверно Андреа его напугала.

— Но... — Андреа отпустила свой локон, который отскочил и снова скрутился в идеальную спираль. Я ей завидовала. — Но ведь на самом деле это не его вина, так ведь? В смысле, да, он, возможно, год назад спал с телкой и тем самым разозлил ее парня, но ты что, правда думаешь, что он сделал это впервые?

— Я надеюсь, что да, — но потом я закатила глаза, — нет. Конечно же, это не впервые.

— И я знаю, что тебя это беспокоило и раньше, я не говорю, что этого не было, но ты до

сих пор очень сильно переживаешь за него. — Она встретила со мной взглядом. — Думаю, все, что я поняла из этого, это то, что ему действительно нужно загладить вину перед тобой за то, что ты оказалась в этой ситуации, но я не вижу никаких непреодолимых препятствий.

Во мне загорелась крошечная вспышка надежды, но я быстро загасила ее.

— Ладно. Предположим, он не спал с Сашей несколько дней назад, и я смогу смириться с его ложью насчет их прошлых отношений и дерьма с Заком, но я не думаю, что это для него что-то будет значить. Вот в чем проблема.

— Не думаю, что согласна с этим. Для всех было очевидно, что ты безумно влюблена в него. И то же самое и с ним.

— Конечно, — ответила я сухо. — Так же очевидно, как и то, что у него в штанах автовокзал?

Андреа фыркнула.

— Парни настоящие тупицы, когда дело доходит до неразделенной любви. Мы, девушки, чахнем и большую часть наших чувств держим в себе, когда любим кого-то, кто не может быть с нами. Парни же все это дерьмо перекладывают на всех, у кого есть дырка, пытаясь забыть о той единственной, которую они хотят.

— Вау! — рассмеялась я. — Получилось очень красноречиво.

В ответ она одарила меня ухмылкой.

— Это правда. Нечто вроде законов физики. Просто один из способов, который привел меня к очень важному вопросу. Ты все еще любишь его?

Сердце в груди подскочило.

— Я никогда не говорила, что люблю его.

Она закатила глаза.

— Ладно. Прекрати молоть чушь. Как я уже сказала, с самого начала нашего с тобой знакомства было очевидно, что ты влюблена в него. Слушая твою историю о случившемся, я слышу это в твоем голосе. Ответь на вопрос.

Она приковала меня своим настойчивым взглядом. Андреа действительно следует податься в правоохранительные органы. Она никогда раньше не увлекалась этим, но черт бы меня побрал, если в ее голосе не было этой жесткости детектива. Но все же у меня был выбор. Я могла сказать ей то, что хотела сказать, или я могла сказать правду. И произнести вслух правду означает, что потом я никогда не смогу отказаться от своих слов.

— Хорошо, — сказала я. — Я все еще люблю его.

Как только эти слова вырвались из меня, я ожидала, что с потолка посыплются блестящие конфетти и полетят шарики или что-то вроде этого. Конечно же, ничего из этого не произошло.

— Я влюблена в него.

Андреа медленно кивнула.

— Тогда чего ты хочешь, Сидни?

Я отбросила на тарелку недоеденный кусок хлеба.

— Я не знаю. Ну, я думала, что он попытается восстановить нашу дружбу.

— Но ты не хочешь просто дружбу.

— Нет.

Она выгнула бровь.

— Но ты так же не хочешь отношений?

Я открыла рот.

Андреа наклонилась вперед:

— Я понимаю, что ты сходишь с ума, и поверь мне — ты имеешь на это полное право. Как долго Кайлер был велосипедом без обучающих задних колес? Ему за многое нужно ответить, потому что его действия причинили тебе *боль*. И я даже не говорю, что ты должна простить его. Честно, я тебя полностью пойму, если ты не простишь его. Парни иногда ужасно невыносимы, и Кайлер тоже, но... — она постучала пальцами по столу, — но если ты *влюблена* в него и мысль *не* прощения его причиняет тебе больше боли, чем о прощении, а он хочет загладить свою вину перед тобой, тогда, Сид, ты будешь полной дурой, если попытаешься избегать это.

Когда я взглянула на свою подругу, мой желудок скрутило тугим узлом. Не прощение Кайлера причинит огромную боль в конце концов, даже если мы останемся только друзьями. Подпитка гнева не принесет ничего, кроме горечи. Но я так же не хочу быть человеком, который так много отдает от себя кому-то, кто не заслуживает этого, и в итоге остается без шансов на целостность.

Я вздохнула, не зная, что сделать или сказать.

— Я не знаю, Андреа. Может, когда пройдет некоторое время, все вернется на круги своя. — Я почувствовала себя сильнее, когда сказала это. Надежда. Может, мы могли бы оставить все в прошлом. Это кажется более вероятным, чем Кайлер, исповедующий вечную любовь ко мне. — Думаю, мы просто посмотрим.

— Ты права. Увидим.

Я выгнула на это бровь.

Андреа облокотилась на спинку дивана, опустив руки на ноги.

— Ну ладно, в общем, надеюсь, ты не возненавидишь меня.

В моей голове разрослось подозрение.

— А почему это я должна тебя возненавидеть?

Она робко взглянула на меня.

— Андреа...

Она закусила губу и съежилась.

— Я пригласила на наш ужин кое-каких гостей.

В желудке все перевернулось.

— Что?

— Ну, я вроде как сказала Таннеру, что мы идем ужинать, и он предположил, что было бы не плохо пригласить и Кайлера, поэтому на самом деле Таннер виноват, а не я.

Все, что я могла сделать в течение нескольких секунд, это тупо смотреть на нее, в то время как одна часть меня начала прыгать и визжать, а другая хотела встать и побежать к двери.

— Ты не сделала это.

— Амм...

— Андреа! — прошептала я.

Она попыталась улыбнуться.

— Я как бы написала им, где мы, и они должны быть тут с минуты на минуту.

Кайлер

— Думаю, это самая худшая твоя идея за последнее время. — Я заглушил мотор и откинулся назад, сжимая в руке ключи, пока не почувствовал, как зазубренные края впились в кожу ладони. — Серьезно.

Таннер фыркнул:

— Я могу придумать целый список самых плохих идей, но эй, ты впервые за два дня в трезвом состоянии. И как раз вовремя, к праздникам.

Опершись головой о подголовник сиденья, я застонал.

— У меня до сих пор ощущение, что кто-то долбит мои виски ножом для колки льда.

— Ты был *слишком* пьян, — прокомментировал Таннер, готовый открыть дверь машины, — и именно поэтому я думаю, что этот ужин — самая лучшая из всех идей.

Я потер ладонью подбородок, нахмурившись от ощущения щетины. Я не брился с тех пор, как поехал в Сноушу.

— Ага, ты думаешь так только потому, что Сид не тебя люто ненавидит.

Таннер закатил глаза.

— Она не ненавидит тебя люто. Не думаю, что это когда-либо произойдет.

— Ох, это уже произошло. Поверь мне.

— Слушай, я не знаю, что на самом деле произошло между вами двумя, но что-то случилось. И это не конец света. — Таннер открыл пассажирскую дверь, и в салон ворвался поток холодного воздуха. — Поэтому прекрати вести себя как телочка и выходи из машины.

Я бросил на него неодобрительный взгляд, но все-таки вышел. Дойдя до него, я задал ему уже в десятый раз один и тот же вопрос:

— Она же знает, что я приеду, так ведь?

— Ага. — Таннер открыл дверь ресторана, призывая меня войти внутрь. Как только мы прошли мимо хостеса, он виновато посмотрел на меня: — Ладно. Я соврал. Не думаю, что Сид знает.

— Что? — Я резко остановился посреди прохода, отчего в меня чуть не врезался официант.

Я взглянул на Таннера: — Ты что, блядь, издеваешься надо мной?

Таннер сжал рукой мое плечо, отодвигая меня от накрытого круглого стола.

— Нет. Успокойся. Уверен, что теперь она уже знает.

Ему легко говорить «успокойся», у меня было чувство, что я иду на расстрел. Я так долго боролся с желанием позвонить Сид с тех пор, как она уехала из Сноушу. Я не хотел ничего больше, чем услышать ее голос и увидеть ее. И да, мое гребаное тупое сердце колотилось в груди, но Сид показалась чертовски спокойной.

— Ты сволочь, — проворчал я, проведя рукой по волосам. Блин, лучше бы я побрился. И хотя я принял душ, уверен, что от меня до сих пор несет как от бутылки виски. Это дерьмо еще несколько дней будет выходить из моих пор.

Сначала я увидел Андреа, а потом и Сид, и мое сердце колотилось так, будто я пробежал десять километров и вспотел как шлюха в церкви на воскресной мессе. Каким-то образом Таннер оказался впереди меня, доказывая тем самым, что я ползу как какая-то жертва.

Эта сволочь заняла место рядом с Андреа, на чьем лице сверкала самая большая фальшивая улыбка. Конечно же, я *хотел* сесть рядом с Сидни. Я также хотел прикоснуться к ней, прижать к себе и поцеловать. Было и кое-что другое, что я хотел бы сделать, то, чем я занимался всю прошлую ночь в пьяном угаре, работая руками между своих ног.

Я также был уверен, что она может двинуть мне по яйцам.

Чтобы взять себя в руки, я убедил себя, что лучше всего сейчас вести себя нормально. С этой мыслью я прошагал к столу и посмотрел на Сид.

Сердцебиение пришло в норму, и она подняла взгляд, большие голубые глаза смотрели прямо на меня, и это все равно, что смотреть на Иисуса. Ладно. Может, не как на Иисуса, но меня будто сильно ударили в грудь и я услышал голоса ангелов.

Боже. Черт. Она такая красивая. Не то чтобы я забыл об этом, но после того как между нами произошло то дерьмо, было ощущение, что с того дня, когда я в последний раз видел ее, прошли годы.

Эти глаза... они были удивительно голубого цвета и такие ясные. Потрясающие. Под ними я заметил темные круги, темнее, чем ее кожа. Я хотел стереть их, но мне удалось придержать свои руки. Но потом мой взгляд упал на ее губы, и они слегка раскрылись от ее резкого выдоха. По ее щекам распространился слабый румянец, и я хотел прогнать его своими пальцами, своим ртом, своим языком...

Все уставились на меня.

Откашлявшись, я заставил себя сесть и сложил руки на столе. Я взглянул на Сид:

— Привет.

Ее лицо покрылось темно-красным цветом. Никто, кроме нее, так не краснел.

— Привет.

Напротив меня Таннер выгнул бровь. Андреа начала играть с хлебом, будто она двухлетний ребенок. Все молчали, и Сид так сильно застыла на месте, что я думал, она сейчас расколется пополам.

Вот это да, чертовски неловко. Я должен был уехать.

— Итак, все рады приближающему Рождеству? — прошептала Андреа.

Таннер взглянул на нее и невозмутимо ответил:

— Я так рад.

Она скептически сузила глаза:

— По тебе не скажешь, что ты рад.

— Ну, мне же не двенадцать, — ответил он, склонив голову набок. — Рождество уже не так интересно, когда ты взрослый.

— Чего? — выдохнула она, широко раскрыв глаза. — Рождество *не так* интересно, когда ты взрослый?

Он пожал плечами.

— Ты анти-американец, — обвинила она его.

Сид поджала губы.

Таннер выглядел непринужденным.

— Блин, мне просто нравится, что не нужно учиться и можно вкусно поесть.

Андреа покачала головой, отчего ее кудри разлетелись во все стороны.

— А как же подарки?

— Ага, не думаю, что именно в этом заключается празднование Рождества, — прокомментировал он.

Андреа фыркнула.

— Именно в этом и заключается Рождество. Любой, кто говорит иначе, пытается выглядеть остроумным и все такое. Я остаюсь верна себе.

Мой взгляд скользнул к Сид: она посмотрела на меня, и ее брови взметнулись вверх. Наши взгляды пересеклись на мгновение, и всего лишь на это гребаное мгновение все было как раньше. Мы сидели и слушали, как Андреа и Таннер спорят. Нам следовало всегда иметь при себе попкорн, когда они начинают свой спектакль.

Но потом Сид опустила взгляд на свой стакан и начала возиться со своей соломинкой — и это то самое холодное напоминание, что все не как прежде. Сид никогда не была такой тихой, и между нами никогда не было такого напряжения.

Не могу сказать, что пожалел потраченное время на нее, потому что это не так. Мне ненавистно то, как все закончилось. Оглядываясь назад на тех многочисленных женщин, я мечтал, чтоб тогда я удержал свой член в штанах, но Сид никогда не будет одной из них.

Объявился официант и принял заказ на наши напитки и еду. Мы вели светскую беседу, в которой чаще всего чувствовали Андреа и Таннер. Они постоянно поддерживали ее, поэтому в разговоре не возникало неловкой тишины, но сидеть здесь и не разговаривать с Сид было так непривычно.

Облокотившись на спинку стула, я посмотрел на нее. В этот момент она повернулась, и наши взгляды на секунду пересеклись. Я чувствовал себя жалким школьником. Это было так ужасно.

— Твоя губа выглядит уже лучше.

Она заморгала. Я просто тупица.

— Она довольно быстро зажила, — ответила она, снова переводя взгляд на свой стакан. — Осталась небольшая царапина.

Это было приятно услышать.

— Как подбородок?

— Он вообще не болит.

На самом деле слышать это было облегчением. Даже когда я был в стельку пьян, я продолжал беспокоиться о ней.

— Твои костяшки до сих не зажили, — сказала она, заставив меня поднять взгляд.

Наши взгляды снова пересеклись, и некоторое время мы неотрывно смотрели друг на друга.

— Что?

— Костяшки, — повторила она тихим голосом и потянулась к моей руке, которая лежала на столе. Я задержал дыхание, когда она прошлась пальцами по моим костяшкам. Ее прикосновение было почти невесомыми, но я почувствовал его всем своим телом и вздрогнул. Она отдернула руку, бросив взгляд в сторону стола. — Болит?

— Нет, — ответил я хрипло. — Совсем не болит, малыш.

Ее ресницы взметнулись, и она посмотрела на меня так, будто пыталась рассмотреть что-то на моем лице, но потом снова перевела взгляд на стол.

Андреа прокашлялась.

— Ребята, а вы слышали, что говорят о приближении еще одной снежной бури, ближе к новому году?

Таким образом, наш разговор временно перешел на другую тему. Андреа и Таннер сглаживали напряженную тишину случайными разговорами, а мы с Сид едва обменялись

несколькими предложениями, пока не прибыла наша еда.

Сид заказала стейк, но разрезав его на маленькие кусочки, водила вилкой по тарелке.

— Ты не голодна?

Она подняла глаза, убрав волосы назад.

— Думаю, съела слишком много хлеба.

Я перевел взгляд на оставшуюся половину булочки и выгнул бровь.

— Не похоже, что ты съела так много.

Ее пальцы сжались вокруг ножа, и мне стало интересно, фантазировала ли она в этот момент о том, чтоб заколоть меня этим ножом.

— Откуда тебе знать, может, это наша вторая или третья булочка.

— Это первая, — объявила Андреа, отвлекаясь от своего увлекательного разговора о разнице между зомби из игры «Ходячие мертвецы» и фильма «28 дней спустя».

Сид бросила в подругу убийственный взгляд, и я спрятал усмешку. Андреа пожала плечами и повернулась обратно к Таннеру:

— Зараженные не такие же, как зомби из «Ходячих мертвецов».

Таннер тряхнул головой.

— А разве есть реальная разница?

Они снова углубились в обсуждение различий, на что я покачал головой. Краем глаза я заметил, как Сид усмехнулась и проткнула вилкой кусочек стейка. Она взглянула на меня.

— Зараженные *отличаются*, — прошептала она.

На моих губах заиграла улыбка и проникла в самое сердце.

— Верю.

В этот момент она встретила со мной взглядом, а потом атаковала еще один кусочек мяса, обмакивая его в картофельное пюре.

— Собираешься к бабушке с дедушкой на Рождество? — Было глупо задавать этот вопрос. Она всегда уезжает к ним, но мне хотелось что-нибудь спросить.

Сид кивнула:

— Родители хотят уехать на Сочельник и остаться у них на ночь. А ты?

— В этом году приедет дедушка, хочет устроить нам традиционное Рождественское утро.

— Ничего себе. Он собирается сам приехать из Моргана?

— Ага, — ответил я с гордостью. — Он настоящая развалина, но продолжает бегать как двадцатилетний парень.

— Твой дед очень забавный. Помнишь, как он пытался с помощью крана построить детскую площадку на заднем дворе вашего дома?

Я рассмеялся.

— Ага, мама была этому не очень рада.

— Так же, как и соседи. — По старой привычке, и я знаю, что именно ее привело к этому, она оторвала половину креветки от шампура с шашлычками и положила мне в тарелку. Она даже не понимала, что делает, пока не сделала, но потом нахмурила брови и замолчала.

Я уже упустил момент легкости в нашем разговоре и почувствовал холод арктического ветра.

— Я рассказал маме о ветеринарной школе.

— Что? — Она уронила нож, резко развернувшись в мою сторону. — Рассказал?

Взволнованный тем, что привлек все ее внимание, я проигнорировал Андреа и Таннера, которые в этот момент секунд на пять перестали разговаривать.

— Ага.

— И что? — В ее сияющих сапфирах промелькнуло волнение. — Что она на это ответила?

Напряженный разговор состоялся через пятнадцать минут после моего возвращения из Сноушу. И примерно через пятнадцать минут после этого я начал пить.

— Ну, она была не очень рада этому. Были слезы, но, думаю, теперь она знает, что это то, что я хочу.

— Она плакала? — Сид поморщилась. — О, нет.

Я кивнул.

— Кажется, сейчас ей лучше, но думаю, ей нужно некоторое время, чтоб привыкнуть к этому. — Я откинулся назад и растянул ноги до тех пор, пока не коснулся ее своим бедром. Я сделал это намеренно, но она не отстранилась. Я решил, что это хороший знак. — Я рад, что наконец открыто заявил об этом. На самом деле все благодаря тебе.

— Мне? — пискнула она.

Таннер склонил голову в бок, вскинув брови.

Я должен ответить ей что-нибудь.

— Ты... благодаря тебе у меня появилось мужество сделать это.

Таннер подавился.

Я хотел заехать ему по яйцам, но Сид улыбнулась, улыбнулась так широко и красиво, благодаря чему яйца Таннера остались в безопасности.

— Это здорово, — сказала она. — Я рада за тебя. Честно. Я знаю, что это то, что ты хочешь, и в этом деле ты будешь успешным.

Я почувствовал давление в груди, и мне нужно было многое сказать ей. И именно сейчас было не лучшее для этого время, но мне было просто необходимо что-нибудь сказать, потому что я был в двух секундах от желания наброситься на нее.

— Чем займешься после ужина?

— Ничем, — ответила за нее Андреа. — Она будет занята абсолютно ничем.

Сид медленно повернулась к Андреа, и мне захотелось обнять эту чертову девчонку.

— Итак, значит, ты ничем не будешь занята. — Я не дал Сид возможность что-либо ответить на это. Она повернулась ко мне, и я почувствовал, что в эту минуту все и решится. Если она скажет «нет», тогда я пойму, что все кончено.

Мои мышцы напряглись так, будто я находился на краю обрыва.

— Может, мы...

— Кайлер Квин, — нас прервал льстивый гортанный голос. — Ох же черт, эта ночь будет моей счастливой.

Сидни

Ужин начался с семи кругов ада, но к моменту подачи еды я расслабилась. Но не полностью, потому что сидеть рядом с Кайлером было настоящим испытанием моего самоконтроля. Я разрывалась между желанием забраться к нему на руки и желанием вытолкнуть его из нашей кабинки.

Но как быть с этим его взглядом на меня, будто я единственное, что ему нужно в этой жизни? Я уже начала склоняться в сторону своего желания переползти-к-нему-на-колени, как по мне скользнул, словно змея, женский голос, который заставлял парней мгновенно

снять свои трусы.

Я с большой неохотой перевела свой взгляд от темно-карих глаз Кайлера и увидела девушку, которую сразу же узнала. Мне потребовалось несколько минут, чтоб вспомнить, что ее зовут Кори. Мы вместе учились в средней школе. Понятия не имею, чем она занималась все эти годы, но я прекрасно помню, кем она была занята некоторое время в средней школе.

Я прошлась взглядом по ее красному облегающему свитеру. У Кори были сиськи мечты. Она посмотрела на меня и, я знаю, специально проигнорировала мое присутствие. Как будто тот факт, что Кайлер сидит рядом со мной, ничего не значит. В любой другой ситуации я, наверное, даже не обратила бы на это внимания. Во всяком случае, я привыкла к случайным телкам Кайлера, куда бы мы ни пошли. Этот парень любил пускаться в развлечения с девушками, но прямо сейчас, после всего, что случилось?

Андреа что-то пробормотала себе под нос, а Кайлер медленно повернулся.

— Привет, — спокойно поздоровался он. — Как дела, Кори?

Кори резко переложила руку себе на бедро, и ее ярко красные губы расплылись в улыбке.

— У меня все хорошо. Давно не виделись. Я так понимаю, ты будешь дома на Рождество?

— Нет, дрянь, — пробормотала Андреа, и я была уверена, что Кори не расслышала ее.

Таннер сжал губы и неожиданно заинтересовался едой на своей тарелке.

— Ага, некоторое время пробуду дома. — Кайлер положил руку на спинку моего стула. — А потом *мы* возвращаемся к учебе.

Если «мы» и был каким-то скрытым намеком, то никто его не понял, особенно Кори. Она отбросила за плечо волны своих светлых волос и скрестила руки на груди. Даже мой взгляд скользнул на ее декольте.

— У нас в Шеферде тоже каникулы до пятнадцатого января. Мы должны провести их вместе.

Все происходило так, будто меня вовсе там не было.

— Даже не знаю, — дипломатично ответил Кайлер. — На самом деле я буду очень занят, но рад был встретиться.

Кори заморгала, и ее губы образовали идеальную букву «О». Со мной произошло то же самое. Никогда бы не подумала, что Кайлер отошлет симпатичную девушку. Конечно, возможно, это потому, что я сидела рядом, учитывая нашу недавнюю историю, он вел себя немного более сдержанней, чем обычно.

Я поймала взгляд Андреа и ее ухмылку кошки-которая-съела-всех-канареек-из-клетки и не смогла сдержать собственную ухмылку.

— Ну что ж, позвони мне. Я найду для тебя время, если ты его найдешь для меня. — Кори улыбнулась, но уже не так счастливо, как улыбалась до этого. — Увидимся.

Кайлер кивнул.

После того как Кори куда-то исчезла, за столом повисла тишина, и с моих губ сошла ухмылка. В животе забурчала тревога, и я пожалела о съеденном. Таннер продолжал изучать свою еду, будто собирался провести над ней опыты. Андреа была необычайно тихой, что означало приближение Апокалипсиса, а Кайлер смотрел прямо перед собой, поигрывая желваками. Не знаю точно, что заставило всех вдруг над чем-то задуматься, но я неожиданно для себя поняла, *на самом деле* поняла, что то, что произошло между нами, затронуло

аспекты всех наших жизней.

Даже наших друзей.

Потому что прямо сейчас Таннер и Андреа скорее испытали неловкость или же просто не знали, как реагировать на данную ситуацию. Может, они переживали за меня, или им было неловко из-за Кайлера. Вероятно, они ожидали от меня какую-то реакцию, что я сойду с ума от ревности или сбегу в слезах.

Даже если мы с Кайлером оставим все в прошлом и продолжим дружить, нашим друзьям все равно будет неловко. Понимание всего этого легло тяжелым грузом на мои плечи, и мне сразу захотелось вернуться домой и заползти в свою кровать.

Правда заключалась в том, что независимо от того, что сказала Андреа, или того, во что я хотела верить, Кайлер был не из тех парней, кто свяжет себя обязательствами. И если бы он хотел быть со мной, то позвонил бы или что-нибудь предпринял после того, как я уехала — что-нибудь, кроме как напиваться в стельку. Конечно же, он хотел спасти нашу дружбу. Он был... в этой роли он был хорошим парнем.

Андреа улыбнулась мне и, видимо, почувствовала, как испортилось мое настроение.

— Готова уехать от сюда?

Проигнорировав внимательный взгляд Кайлера, я кивнула. Не думаю, что в этот момент мне хотелось чего-то больше, чем просто свалить отсюда.

Кайлер

Девочки очень быстро ушли, оставив нас с Таннером наедине. Он заказал себе пиво, и если бы я не был за рулем, то заказал бы себе целую бутылку Джим Бима.

— Все прошло просто ослепительно, — сказал я, потирая виски.

Таннер фыркнул.

— Я не думал, что все пройдет так плохо. Ну, когда появилась эта блондинка, это было как минимум неловко, но...

— Это было просто неловко? — Не могу поверить, что к нашему столу подошла Кори. Казалось, мы с Сид придвигались к кое-чему, а потом БАХ — удар из прошлого. Идеально чертовски вовремя. — Уверен, что Сид насладились этим.

Он глотнул своего пива.

— Чувак, тебе нужно рассказать мне, что между вами произошло, потому что неделю назад Сидни наверно была бы раздражена этим, но в этот раз она никак не отреагировала. Поэтому прекрати это дерьмо и расскажи, что произошло.

Я выгнул бровь.

Таннер пожал плечами.

— Или мне придется довольствоваться девчачьей версией Андреа, в которой ты случайно оказался гигантской задницей. Расскажи мне свою часть истории.

— Я на самом деле гигантская задница.

Он склонил подбородок.

— Выкладывай.

Последнее, что я хотел обсуждать с Таннером, — это проблемы с женским полом, но черт, по поведению Андреа я понял, что она уже все знает. Рано или поздно и он обо всем узнает. Поэтому я рассказал ему только самое основное. Ни за какие гребаные коврижки я не рассказал бы ему обо всех подробностях, только не о Сид, потому что это было бы просто неправильно. Когда я закончил, то все равно не почувствовал себя лучше. Только лишь еще раз убедился, какой задницей был все это время, многолетний опыт Короля Засранцев.

Таннер облокотился на спинку дивана, медленно покачивая головой.

— Думаю, мне нужно еще пиво, чтоб переварить все это.

— Дерьмо. Нам оно нужно обоим. — Я пробежался рукой по волосам. — Итак, да, я облажался. Сильно.

— Ну, люди лажают гораздо сильнее, чем ты, бро. Поверь. — Он наклонился вперед с серьезным выражением лица. — Это дерьмо с Заком чертовски ужасно, но ты не знал, что это могло произойти. Сидни умная девушка. Она переживет.

— Не думаю, что я сам смогу пережить это. — Я замолчал, уставившись на стол. — Но этот мудила причинил ей *боль* из-за моих поступков в прошлом. Если бы не я, то она никогда бы не прошла через это.

— Но это же не ты причинил ей эту боль.

— А разве есть какая-то разница?

— Да, — решительно возразил Таннер. — Разница огромная. Ты создал эту ситуацию, но ты не мог предугадать, что этот мудила может что-то сделать. Это не твоя вина, бро. Нет.

Я понял, что он имеет в виду, но этого недостаточно, чтобы освободиться от всей своей

вины.

— И это не такая уж и большая проблема, — сказал Таннер, глядя мне прямо в глаза. — Ты соврал ей насчет Саши?

— Блядь! — Я поднял руки. — Я не знаю наверняка. В смысле, когда Сид спросила меня о ней, это было до того, как между нами что-либо произошло. Я даже не думал, что Сид относится ко мне не как к другу. Я сказал, что между нами не было ничего такого. И мы не спали. Мы перепихнулись как-то год назад. Я просто не подумал об этом, когда сказал это Сид.

— Хммм, формальности та еще херня. — Таннер допил свое пиво и сузил глаза. — Ты реально думаешь, что Сид по уши влюблена в тебя?

— Нет. Не думаю. Я не могу думать так, потому что...

— Если это не так, то это может разрушить вашу дружбу. Я понял, но черт бы побрал эту девчонку... должно быть, ты столкнулся с серьезным отказом. — Он пожал плечами. — И это все имеет смысл, учитывая, что ты тайно желаешь ее — и это дерьмово.

— Это так заметно?

Таннер рассмеялся.

— Да, чувак, ты заводишься только от того, что кто-то просто смотрит в ее сторону. Черт, да даже если я смотрю на нее слишком долго, ты начинаешь злиться. А когда ты пошел за Нейтом? Это, конечно же, было сделано только из-за преданной «дружбы».

— Заткнись, — прорычал я.

Он ухмыльнулся.

— Так что ты собираешься делать? Будешь вести себя как телка или все исправишь?

— Не понял? — Я тряхнул головой. — Другище, тебе реально повезло, что ты мне нравишься.

— Тебе реально повезло, что я не веду себя как говнюк. — Он подмигнул, стягивая вниз рукава толстовки, чтоб прикрыть замысловатую татуировку на его руке. — Слушай. Давай серьезно. Ты любишь эту девочку, так?

Впервые жизни я не колебался.

— Да. Я люблю ее, Таннер. — Святое дерьмо, я впервые сказал это вслух. Меня это так потрясло, что даже голос охрип. — Я люблю ее больше всего на свете.

— Так в чем проблема?

Я уставился на него.

— Я более чем уверен, что перечислил все свои проблемы.

— Ты перечислил кучу неудачного дерьма, которое совершил. Все это можно исправить. Ты не совершил ничего непростительного. Никто из вас двоих не умер.

Я не знал, что на это ответить.

— Блядь... — это все, что я смог сказать.

Таннер вздохнул.

— Многие люди готовы убить лишь за шанс быть с тем единственным, кого они любят. Не упусти своего.

Он никогда не рассказывал о своем прошлом, и, кроме странных разговоров между ним и Андреа, он больше ни с кем из девушек по-настоящему не разговаривал. Проскальзывать в их кровать, а потом сваливать? Вот это было в духе Таннера.

— А что насчет тебя? — спросил я.

— Меня? — Он снова рассмеялся. — У меня на это дерьмо аллергия. Любовь? Неет.

Все, что я видел, — это плачущие люди и разбитые нахрен жизни. Я не хочу ничего из этого. От удивления мои брови взлетели вверх.

— Ого. Это... это очень позитивно.

— Да пофиг. Мы говорим не обо мне, и этого не произойдет, а потому сотри со своего лица это выражение.

Я поднял руки.

— Понял-понял.

Таннер склонил голову на бок и натянуто улыбнулся.

— В любом случае, почему ты до сих пор сидишь и разговариваешь тут со мной после всего, что я сказал тебе?

Я на несколько секунд опешил, но потом пожал плечами.

— А кто еще, кроме меня, отвезет твою сварливую задницу домой?

Сидни

Переодевшись в пижаму, я натянула теплый кардиган и спустилась в тапочках вниз. Испытывая чрезвычайную нужду в маминой поддержке, я была разочарована, найдя ее сидящей на диване рядом с папой, разноцветные огоньки от елочной гирлянды поигрывали на их фигурах. Я с трудом подавила желание впихнуться между ними, требуя внимания к себе.

Я направилась в сторону кухни и вынула из шкафа пачку какао. Заварив чашку шоколадного счастья, я поднялась к себе и поставила ее на тумбочку, чтобы немного остыло. Собрав волосы в небрежный пучок, я пошаркала к книжной полке. Мне было необходимо затеряться в хорошей книге, какой-нибудь полной секса и тоски и с обязательным счастливым «и-жили-они-долго-и-счастливо» концом, благодаря чему я люблю и возненавижу эту книгу одновременно.

Блуждая взглядом по ровным и косым названиям на корешках, мои мысли поплыли в сторону раздражающей территории. Название которой было — Кайлер. Боже. Я не хочу думать о нем. Я не хочу думать о том, как он смотрел на меня, когда я уходила с Андреа, как будто я причиняла этим самым ему боль.

Вытянув старую любимую книгу, я вернулась к кровати и плюхнулась в нее. Отложив в сторону книгу, я взяла свой горячий какао, жалея, что не додумалась закинуть в него немного маршмеллоу.

Я пыталась вникнуть в книгу, но поймала себя на том, что уже во второй или третий раз перечитываю абзац, так и не поняв, о чем читаю. Шлепнувшись на спину, я накрыла лицо руками и простонала. Мне хотелось плакать, кричать, неистовствовать и придушить себя подушкой.

Странно, но мне казалось, что с тех пор, как я покинула Сноушу, прошел целый год. За такой короткий промежуток времени столь много всего изменилось. Неужели только лишь неделю назад я некоторое время анализировала возможность заинтересованности Пола во мне? Неужели всего лишь неделю назад мое сердце хоть и было повреждено, но все же было целым? Теперь я не могла даже думать о том, чтоб с кем-то куда-то выйти просто погулять.

И мое сердце было совершенно разбито.

Что же мне теперь делать? Пытаться делать вид, что ничего не произошло? Это не сработает. Избегать его? Это будет слишком сложно, почти невозможно. Я зажмурилась от подступающих слез. Как можно избегать его, когда он является такой сложной частью моей жизни?

Что, если Кайлер, так же как и Нейт, считает меня фригидной?

Перевернувшись, я уткнулась лицом в подушку. Я собиралась свести себя с ума, потому что у меня не было ответов на все эти вопросы. И здесь не было никаких...

Тук.

Я приподнялась на локтях и нахмурилась, настороженно оглядывая комнату. Я не увидела ничего, что могло бы произвести подобный звук.

— Хорошо, — прошептала я, вставая с кровати. Я дошла до центра комнаты и встала, наострив уши.

Тук.

Я подпрыгнула.

О Боже мой, что, если в моем доме привидения? Или у меня такие же галлюцинации, как в фильме «Черный лебедь»? Или...

Тук.

Я бросилась к окну. Ага! Этот звук исходит от моего окна... моя комната находится на втором этаже. Что за черт?

А потом до меня дошло. Этот звук, ох, Боже-мой-святые-угодники, я узнала этот звук. Это не привидение, но маразм имел место быть, потому что это не могло быть тем, о чем я подумала.

Много лет назад Кайлер кидал камушки в мое окно, прежде чем взобраться на большое ореховое дерево у окна моей комнаты. Это нелепая традиция, и он перестал это делать еще в средней школе.

Этого не может быть.

Дрожащими ногами я сделала один шаг к окну, потом еще один. Я дошла до окна и трясущимися руками раздвинула белую занавеску. Через секунду в толстое стекло нижней части окна врезался небольшой камешек.

Я застыла, и мое сердцебиение ускорилося, я рванулась вперед, сдвигая небольшую защелку, и подняла вверх окно. Я пригнулась и выглянула наружу навстречу декабрьскому морозному воздуху.

И мое сердце замерло.

Внизу, рядом со светящимся оленем из неоновой проволоки, с поднятой рукой стоял Кайлер. Через секунду он замахнулся и только потом увидел меня.

— Вот дерьмо!

Я отмахнулась и нырнула обратно в комнату — маленький камушек пролетел мимо моего лица. *Ах, черт возьми!* Я прижала руку к колотящему сердцу и осторожно вернулась к окну. Я снова выглянула.

Кайлер замахал руками.

— Извини!

— Все нормально. — Это было действительно нереально. Может, я сплю? — Что ты делаешь, Кайлер?

— Разговариваю с тобой.

— Я вижу. Почему... Почему ты просто не позвонил мне? — Просто это кажется самым простым способом поговорить со мной.

Он переминался с ноги на ногу, оттягивая вниз куртку.

— Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

На крыльце зажегся свет, и я вздрогнула. Разговор с глазу на глаз вряд ли состоится,

когда он находится на улице и наверняка один из родителей, а то и оба, еще не спят.

— Кайлер...

— Подожди, — крикнул он. — Я поднимусь.

Поднимусь? Только потом я поняла, что он не собирается для этого воспользоваться дверью. О, Господи, он взбирается на дерево. Да он убьется же! Я высунулась из окна, и мое дыхание превращалось в маленькие облачка пара, пока я наблюдала, как он начал вскарабкиваться на дерево.

— Кайлер ты сошел с ума?

— Нет. Да. — Он подпрыгнул на первую тонкую ветку. Выпрямившись, он угрюмо посмотрел вниз. — Что ж, это оказалось сложнее, чем я помнил.

От удивления я открыла рот.

— Может, ты все-таки спустишься вниз и воспользуешься входной дверью, как, даже не знаю, как это сказать... Как делают нормальные люди?

— Я уже на половине пути. — Он оперся ногой в углубление ствола и перепрыгнул на другую ветку, которая была ближе к моему окну. Схватившись за ветку, он посмотрел на меня. От холода его щеки покраснели, а глаза блестели в лунном свете. — Если я упаду и сломаю себе шею, ты скажешь что-нибудь приятное обо мне на моих похоронах? Типа, «Кайлер обычно был приятным человеком».

— Боже мой...

Кайлер усмехнулся и подпрыгнул к массивному стволу, удерживая себя на ветке дерева.

— Не волнуйся. У меня все получилось.

Мой взгляд упал на заснеженную, *твердую* поверхность под ним. Я не была так уверена в этом.

— Почему ты просто не постучал в дверь?

Он склонил голову набок, как будто даже не обдумывал этот вариант.

— Не думаю, что ты бы открыла мне.

— Я бы открыла, — ответила я.

— Слишком поздно. — Он подмигнул, и мое сердце ушло в пятки. — Может, отойдешь?

Попытившись и вернувшись в комнату, я задержала дыхание, когда он ослабил хватку, отчего дерево под ним захрустело. О Господи, я не хочу на это смотреть. Я хотела закрыть глаза, когда он начал ползти по краю, а потом остановился и посмотрел вниз. Он поднял голову, оценивая расстояние до окна.

Мое сердце застыло от страха.

— Кайлер, не смей...

Слишком поздно.

Кайлер наполовину подпрыгнул, наполовину бросился в сторону моего открытого окна. Я обмякла. Закрыв глаза, я прижала руки к груди и вскрикнула. Я слышала звук ломающейся ветки и распахнула глаза. Он влетел в открытое окно, приземлившись на ноги, как чертов кот. Он слегка потерял равновесие и врезался в стол, отчего компьютер и книги затряслись.

Он выпрямил руки и медленно огляделся, прежде чем остановить свой взгляд на мне.

— Я крут.

Я едва могла дышать.

— Ага.

В дверь моей комнаты постучались, и через секунду она открылась. Папа просунул

голову с широко раскрытыми глазами.

— Я просто хотел убедиться, что он остался жив.

Я кивнула, а Кайлер сверкнул улыбкой.

— Целый и невредимый.

— Это очень хорошо. — Папа начал закрывать дверь, но остановился. — В следующий раз пользуйся входной дверью, Кайлер.

— Да, сэр, — ответил Кайлер.

Качнув головой, папа закрыл дверь, и мы с Кайлером остались наедине в моей спальне. Это было не впервые. Он бывал тут во время осенних каникул, несколько месяцев назад, но сейчас?

Это воспринималось совсем по-другому.

Быть с ним здесь, в такой близости от кровати, и я без лифчика и трусиков под одеждой, это заставило меня покраснеть. Это предвестник беды.

Кайлер снял свою вязаную шапку и начал снимать куртку, но, задумавшись, остановился и спросил.

— Ты не против?

Я замотала головой, сильнее укутавшись в кардиган.

Его тугие мускулы перекачивались, пока он снимал свою куртку и вешал ее на спинку стула. После чего он повернулся ко мне, и из моих легких вылетел весь воздух. Он никогда не смотрел на меня так... неуверенно и уязвлено. Он несколько раз сглотнул, а потом уселся на стул возле рабочего стола и глубоко выдохнул.

— Нам нужно поговорить, — заявил он, сложив руки на колени.

— Я знаю, — прошептала я, потому что не было никакого смысла врать или откладывать неизбежное. Я не могла сидеть, поэтому осталась стоять. — Прости, что так уехала из Сноушу, не сказав тебе ни слова. Мне просто нужно было выбраться отсюда.

Он кивнул:

— Я понимаю.

Я думала о том, что сказала мне Андреа о Заке, и о том, что он сделал. Вина кислотой сжигала мою грудь.

— Я... мне не следовало говорить тебе некоторые вещи, которые я сказала о Заке. Это была не твоя вина. Не совсем твоя, и это было грубо с моей стороны обвинять тебя в этом, поэтому прости меня.

Кайлер заморгал.

— Ты извиняешься?

Нотка неверия в его голосе встревожила меня. Как будто он не желал слышать мои извинения, как будто уже было слишком поздно для них.

— Да. Я не должна была говорить тебе это. И то, что ты сделал год назад...

— Остановись. — Кайлер поднял руки. — Ты же не всерьез.

Я глубоко вдохнула, но воздух застрял в горле. Сердцебиение ускорилося, и мне неожиданно захотелось присесть. Я села на край кровати и ощущала себя так, будто мы расстаемся... хотя никогда не были вместе.

Кайлер оттолкнулся вперед, отчего колеса зазвенели по паркету.

— У тебя совершенно нет никаких причин для извинений, Сид. Фраза «Прости меня» не должна даже касаться твоих губ.

— Не должна?

— Нет. — Он провел рукой по подбородку. — Во всем этом только моя вина. Я облажался, Сид. Я так сильно облажался, так много раз, что не имею права даже сидеть здесь. Ты даже не должна со мной разговаривать.

— А? — Я не была уверена, как реагировать на его заявление.

Он судорожно вздохнул, а потом выпрямился. Я напряглась, потому что у него был такой взгляд, будто он к чему-то себя готовил. Как будто он хотел оборвать все разом и, может быть, именно поэтому он здесь. Сказать, что между нами ничего не должно было произойти, что нам лучше остаться просто друзьями и что ему жаль, что он позволил этому зайти так далеко. Я не хотела это слушать, но знала, что должна. Это будет больно — адски. Я подумала о Нейте и о том, что он сказал, и мне захотелось заползти под кровать, но я заставила себя сидеть на месте. Больше никаких побегов. Больше никаких тайн. Жизнь не совершенна. Это должен быть один из тех моментов.

Наши взгляды встретились.

— Мне очень жаль за многие вещи, — начал Кайлер, не сводя с меня своего взгляда. — Я бы хотел, чтобы ты никогда не проходила через то, что произошло с Заком. Они причинил тебе боль. Знаю, ты говорила, что ты в порядке, но он прикасался к тебе своими руками, и это произошло из-за того, что я кое-что сделал. Я никогда не прощу себя за это.

— Это была не твоя вина. — Мое прежнее чувство вины разрослось со скоростью роста сорняков. — Пожалуйста, не думай так. Парень определенно не здоров...

— Я знаю, но потребуется много времени, чтоб я принял это, — открыто признался он. — Я продолжаю переживать об этом, и каждый раз, когда я думаю о том, что тебе причинили боль, это меня убивает. Я серьезно, и прости меня, Сид. Мне так жаль.

У меня заболело сердце оттого, как он говорил это.

— Кайлер...

— Но это не самое главное, о чем я сожалею, — продолжил он, и я подумала — вот мы и добрались. Как бы я ни старалась изо всех сил подготовить себя к этому, комок в горле только увеличивался. Кайлер запустил руку в волосы. — Больше всего мне жаль за то, что я причинил тебе боль. Я знаю, что причинил. Я знаю, что причинил тебе боль другими девушками. Я причинил тебе боль, не отказав Саше. Я не хотел тебе врать. Я просто не подумал, потому что у нас с Сашей ничего не было, но я должен был сказать тебе, что до этого у нас была интрижка. И я больше не спал с ней. Я абсолютно уверен, что не спал с ней, когда поехал помочь ей с разбитыми окнами...

— Разбитыми окнами? — ошеломленно переспросила я.

— Ночью Зак разбил ее окна. Она живет одна, и мне нужно было помочь, — объяснил он. — Но я бы хотел, чтоб я не помогал ей тогда. Я должен был быть там с тобой, но меня не было. Я не могу простить себя за это.

Я закрыла глаза, переполненная чувствами, и не знала, с чего начать. Во мне бурлило слишком много эмоций, чтоб переварить все сказанное им.

— Ох Кайлер...

— И я не ожидаю, что мои извинения имеют хоть какое-то чертовое значение. Поверь мне, — поспешно продолжил он, и я открыла глаза, глотая горячие слезы. — Я знаю, что мне многое нужно исправить. Я много раз отменял наши походы в кино из-за других девушек, срывал наши планы ради перепиха с ними. Потому что все, что я делал, это трахался, ты же знаешь? А потом был выпускной. Я даже никогда не танцевал с тобой. И все это время ты оставалась рядом со мной, а я... — Он тряхнул головой. — Я, блядь, мелю

вздор. Конечно же, я не смогу ничего из этого исправить. Я не буду винить тебя, если ты скажешь мне проваливать из этого дома, но ты просто знай, что я бы хотел исправить много всего, но есть кое-что, о чем я никогда не буду сожалеть.

Я замерла, мысли и пульс начали гонку между собой.

Кайлер поднялся и подошел ко мне, присев на колени. Он немного склонил голову, так, чтоб я смотрела прямо в его глаза, когда он произнес следующие слова:

— Я никогда не буду сожалеть о проведенном с тобой времени, Сид. *Никогда*. И я хотел бы вернуться назад и еще раз пережить те часы. Я бы хотел вернуться в прошлое, и вместо того чтоб зависать с телками, я бы был мужиком и сказал бы тебе все, что я на самом деле чувствую к тебе, что я на самом деле *всегда* чувствовал к тебе.

Я открыла рот и ахнула, но у меня не было слов. Я разглядывала его красивое лицо, и он смотрел на меня в ответ, открыто и ясно — наконец, *прямо здесь*, напротив меня. Мое сердце и набухало, и разрывалось. Надежда горела так ярко, как Полярная звезда.

— А что ты всегда чувствовал?

— Я любил тебя всю свою жизнь, — ответил он, вперившись в меня взглядом. — И буду любить тебя всю свою оставшуюся жизнь, если ты мне это позволишь, Сид.

Кайлер

Как только все это вылетело из моего рта, я знал, что сказал верные слова. В моих мозгах не было никаких сомнений. Я должен был сказать все это несколько лет назад, в тот самый момент, когда осознал, как глубоки мои чувства к ней. И была большая вероятность, что теперь было слишком поздно, но этот груз был сброшен с моих плеч. Я сказал правду. Я не ожидал, что моих извинений сейчас было достаточно, но рассказав о своих чувствах, я мог бы открыть дверь в будущее. По крайней мере, это то, на что я надеялся.

Но чем дольше Сид молчала, тем сильнее я начинал волноваться. Сид выглядела немного ошарашенной. Она не двигалась. Ее руки расслабленно лежали на коленях, ладонями вверх. Она не произнесла ни слова. Ее милые розовые губки полураскрыты. Она просто неотрывно смотрела на меня.

Мне казалось, что мне только что заехали по яйцам. Неужели я так сильно облажался, что мое признание в любви было неправильно ею воспринято? Ох, блин, мне не нравилось это ощущение. По большей части я заслужил это, но легче от этого не становилось, особенно когда ее глаза наполнились слезами, будто она еле сдерживала их.

Я это не планировал. Блядь.

— Сид, малыш, скажи что-нибудь, прошу тебя. — Я прижал к бедрам руки, чтоб удержать себя от желания схватить ее. — *Пожалуйста.*

Она слегка качнула головой, отчего из ее пучка вылезло несколько прядок волос. Темные завитки покрывали ее виски и затылок. Потом она наклонилась вперед. Прежде чем я понял, что она делает, она уже обхватила мое лицо своими дрожащими руками.

Ладно. Это уже хорошо. Это могло бы нас к чему-нибудь...

— Я хочу задушить тебя, — сказала она охрипшим голосом.

Ну хорошо, это не было чем-то хорошим. Вовсе нет.

— Ты даже не представляешь, как сильно я хочу избить тебя прямо сейчас, — добавила она.

А это было еще хуже. Это не...

— Я люблю тебя, — сказала она и сглотнула. — Я полюбила тебя с того момента, когда ты толкнул меня на детской площадке. Клянусь, я полюбила тебя с того самого момента.

— Я... что? — Я уставился на нее — Что ты только что сказала?

И Сид поцеловала меня.

Ее губы были такими мягкими, ее прикосновения были нерешительными и головокружительными и такими чертовски милыми. Я вдохнул через поцелуй, притягивая ее ближе к себе. Мой мозг перестал работать, когда я наслаждался ее поцелуем. Я, не задумываясь, привстал, и мои руки упали на ее бедра. Она схватила меня за предплечья, сцепив пальцы на свитере, отчего все мое тело затрепетало.

— Скажи это еще раз, — попросил ее я.

Уголки ее губ изогнулись в улыбке.

— Я люблю тебя, Кайлер.

По всему моему телу прошла волна дрожи. Я поднял ее и опустил на кровать. Присоединившись к ней, я поцеловал ее в ответ. С секунду наши тела были полностью прижаты друг к другу. Я облизнул ее губы, и она простонала, пронизывая меня острыми

ощущениями. Ее руки потянулись к моей спине, а мои под ее толстый свитер, направляясь к лифчику. Она выгнулась, когда моя рука двинулась выше. Я приподнялся и прошелся взглядом по ее сладенькому покрасневшему лицу, длинной изящной шее и твердым соскам, которые выпирали через тонкую ткань ее маечки. Мое тело тряслось от усилия сдержаться и не раздеть ее догола.

Ох, блядь.

Моя рука, лежащая на ее животе прямо под грудью, была невероятно большой. Стоп. Мне нужно замедлиться, но я до боли хотел оказаться внутри нее, не имея между нами никаких преград.

Сид подняла руку, поглаживая пальчиками мой подбородок. Я сдерживался, закрыв глаза, я хотел, чтоб мое сердце немного успокоилось.

— Ты любишь меня? — спросила она.

— Всегда, — ответил я, целуя ее ладонку. — Знаю, что показывал это дерьмовыми способами, но я полюбил тебя с того момента, когда ты заставила меня съесть пирожок из глины.

Она передвинула руку к моей груди, остановив ее у сердца.

— Да, я бы сказала, что это довольно странный способ.

Я открыл глаза, готовый еще больше просить у нее прощение. Но потом увидел на ее лице мягкую улыбку, и мое сердце подпрыгнуло в груди. Я открыл было рот, но не нашел слов, когда мой взгляд упал на ее лицо.

— Честно?

— Честно, — прошептала она.

— На самом деле я не думал, что ты относишься ко мне как-то еще, кроме как к другу. — Я опустил голову, целуя ее губы, потому что они выглядели так, будто им одиноко. — И я даже не подозревал, что хочу большего, пока ты не начала встречаться с Нейтом, но тогда я понял, что уже слишком поздно. Даже после того как вы расстались, мне казалось, что я упустил свой шанс.

Ее брови поползли вверх.

— Почему ты ничего не сказал?

— А почему ты не сделала это?

Она поджала губы.

— Как и ты, я не думала, что ты относишься ко мне не как к другу и...

— Я знаю. Девушки... — Я прижался лбом к ее. — Я думал, что не смогу заполучить тебя, поэтому мне хотелось стереть все свои чувства. Это была ужасная идея.

Она нахмурилась.

— Да, ужасная.

Мое прошлое не давало мне покоя.

— Я бы хотел вернуться назад и все изменить. Я бы хотел...

Он положила палец на мои губы, палец с запахом какао.

— Это все в прошлом. Мы ничего не сможем с ним поделаться. И, эй, я тоже могла бы что-нибудь сказать. Поработать, так сказать, над «дамскими яйцами».

— Дамскими яйцами? — Я выгнул брови.

— Ухуммм.

Я поморщился и перелег на кровать рядом с ней.

— Я правда не хочу думать о тебе с яйцами, Сид.

Она захихикала, и, услышав этот, звук я улыбнулся. Этот светлый счастливый звук коснулся моих губ.

— Если бы они были у тебя, тогда я... — Я покачал головой. — Не важно. Важно то, что я делаю сейчас. Это все, что имеет значение. Я проведу остаток своей жизни, исправляя все. Я обещаю.

Сначала я подумал, что сказал что-то не то. Слезы так быстро наполнили ее глаза, и она перевернулась и прижалась лицом к моей груди. Ох, черт, я определенно сказал что-то не то. Очень быстро. Ничего себе. Наверно это мой рекорд.

— Эй. — Я скользнул пальцем к подбородку. — Что случилось?

Она сопротивлялась, но постепенно позволила повернуть ее лицо.

— Прости. Это не из-за тебя. Я просто... слишком переполнена эмоциями сейчас.

Этот ответ был недостаточно хорош для меня. Я притянул ее к себе на колени, усаживая напротив себя.

— Сид...

Вытерев щеки, она тихо рассмеялась.

— Это слезы счастья. Клянусь. Просто я думала, что это никогда не произойдет. Не в реальной жизни, и я подумала... Я подумала, что ты жалел о том, что был со мной, и именно поэтому пришел поговорить. Подумал, что я фригидная, как Нейт...

— Так стоп. погоди. — Я приблизил ее лицо. — Ты полная противоположность этому, и я никогда не думал, что это может быть правдой. Черт, я хочу еще раз сломать ему челюсть. Не могу поверить, что ты до сих пор переживаешь об этом.

Она всхлипнула.

— Я знаю это глупо.

— Это не глупо. — Я стер одинокую слезу на ее щеке.

Она склонилась ко мне, обняв меня за талию.

— Глупо. Я позволила этому терзать себя, сколько уже лет? И, думаю, именно поэтому я так переусердствовала и с такой готовностью поверила, что ты спал с Сашей.

— Ты не переусердствовала. — Я сильно сжал ее, упершись подбородком ей в макушку. Боже. Я даже не представлял, как приятно обнимать ее, пока не сделал это. — Я заслужил все, что ты сказала.

— Кайлер, — вздохнула она.

— Знаю, — рассмеялся я. — Все это в прошлом, да? — Когда она кивнула, я удержался, чтоб не затискать ее. — А знаешь, что еще мы оставим в прошлом?

— Что?

— Этих чертовых плюшевых мишек на твоей кровати. Думаю, этот коричневый еще с тех пор, когда ты была ребенком. Он, наверное, полностью покрыт всеми твоими микробами.

Сид отстранилась, пихнув меня в грудь.

— Это не так, ты, задница.

Смеясь, я повалился на спину, притягивая ее к себе и сметая большинство из всех медведей на пол. Я повернулся так, чтоб мы лежали лицом к лицу.

— Эй. — Я протянул руку и поднял одного потрепанного, красного цвета. — Это тот, которого я подарил тебе на день рождения несколько лет назад? Ты сохранила его?

— Ага. — Она выхватила его и положила между нашими грудями. — Конечно, я сохранила его.

Моя грудь наполнилась теплом. Я молча рассматривал ее.

— Что? — спросила она, глядя мне в глаза.

Иногда слов оказывается недостаточно, они не могут полностью описать чувства. Это был тот самый момент. Поэтому я потянулся к ней и поцеловал ее, вкладывая все свои чувства к ней, каждое данное ей обещание в один единственный поцелуй. Когда я отстранился, ее взгляд был затуманен, и я хотел выбросить этого мишку и заняться с ней любовью.

Родители внизу и дверь не заперта? Нет, ничего не должно произойти. И, кроме того, я был чертовски взволнован, что нахожусь здесь с ней.

— Это самый лучший ранний рождественский подарок из всех, что я когда-либо получал, — заявил я ей.

Ее светлая улыбка сразила меня наповал.

— Думаю, это самое умное, что ты когда-либо говорил, и я вынуждена с тобой согласиться.

— Аххааа? — Я схватил ее локон и накрутил себе на палец. — Мне так повезло. Я точно знаю. Так чертовски повезло обладать твоей любовью.

Она придвинулась ближе, и медведь был зажат между нами. Она поцеловала меня так, как никто никогда бы не смог, потому что это была Сид. Я обхватил ладонью ее шею, удерживая ее и контролируя наш поцелуй. Медведь очень скоро оказался на полу, а наши руки и ноги переплелись. Мы зажимались как два подростка, которые затаились в комнате. Она лежала подо мной и терлась бедрами, соблазняя меня. Она была такой худенькой, что я почти не чувствовал ее под собой. Желание сводило меня с ума, кровь бурлила в моих венах, я не хотел останавливаться, даже несмотря на то, что я понимал, что мы не должны заходить дальше. И было слишком хорошо, чтоб останавливаться, и то, как она терлась об меня своим телом, было слишком совершенно, а ее тихие, едва слышные стоны были слишком сладкие, чтоб остановиться.

Не знаю, сколько мы пролежали в такой позе, целуя и поглаживая друг друга, шепча друг другу нежности и смеясь. Было уже поздно, когда я взглянул на часы.

— Ты можешь еще ненадолго задержаться? — попросила она.

Я сомневался, что ее отец будет мне признателен, если найдет меня утром спящим в ее кровати, но я не мог отказать ей.

— Как насчет того, что я останусь до тех пор, пока ты не уснешь?

— Прекрасно, — пробормотала она, положив щеку мне на грудь. — Только когда будешь уходить, воспользуйся входной дверью.

Улыбнувшись, я скользнул рукой ей за спину, обожая то, как она прижимается ко мне ближе, скрепив наши тела, будто мы созданы друг для друга. Черт, думаю, это действительно так, просто мне понадобилось слишком много времени, чтоб осознать это. Но я наконец сделал это, а это самое главное.

Я любил ее. Боже, я так сильно любил ее. Не могу поверить, что так долго не говорил ей об этом. Я был идиотом, но идиотом, которому чертовски повезло.

Сидни

Даже когда я была маленькой девочкой, Сочельник я всегда любила больше, чем Рождество. В этом ожидании было что-то особенное, предвкушение того, что ждет тебя на следующий день, желание, чтоб время пролетело быстрее и в то же время шло медленней.

Этот год ничем не отличался от прежних, но все же был другим.

Я не могла прекратить улыбаться и была уверена, что в глазах мамы и папы выглядела немного глуповато, когда готовила ореховые сладости, чтоб отвезти их к бабушке с дедушкой. Я заметила, что была рассеяна и слишком мечтательна, когда укладывала карамельное драже на квадратные кренделя.

Все казалось нереальным. Думаю, от того, что когда ты очень долго хочешь чего-то, или кого-то, а потом наконец получаешь это. Я до сих пор не могла поверить, что это все-таки случилось. Я все ждала, когда же я проснусь... но все происходило на самом деле.

Кайлер любил меня.

Когда я вчера проснулась, он уже ушел, но запах его одеколona и его уникальный запах улицы просочился в мою подушку. Он оставил мне записку, написав, что он снова вернется и что, уходя, он воспользовался входной дверью.

Кайлер появился сразу после ланча и не уходил до окончания ужина. Мои родители не были удивлены его появлению и, казалось, были счастливы изменениям в наших отношениях. Мама была за-Кайлера-и-Сидни еще с тех пор, когда мы учились в средней школе, поэтому, увидев нас вместе, она была ошарашена.

Уверена, что это так же влияло и на меня.

— Милая. — Мама рассмеялась, привлекая мое внимание. — Что ты делаешь?

Нахмурившись, я посмотрела вниз и тоже рассмеялась. Я положила три карамельные конфеты на один крендель. Я убрала их и отложила в сторону.

— Упс.

— Уху, — ответила мама с понимающим взглядом. — Твоя голова сейчас не на твоих плечах.

— Не-а, — призналась я, выкладывая крендельки и сладости на противень. — Мне, наверное, не стоит сейчас этим заниматься.

— Тебе придется. — Мама вымыла руки. На кухне пахло мясным фаршем, который она приготовила, чтоб взять с собой. — Если мы не привезем эти кренделя, твой дедушка кого-нибудь да ударит своей палкой.

Стоит не делать их, чтоб посмотреть, как мой дедушка гонится за людьми с тростью. Я вставила противень в духовку и установила таймер на три минуты — достаточно, чтоб карамель и шоколад растаяли.

— Итак... — начала мама, глядя в окно над раковиной. С приближением заката синеватые тени на снегу удлинялись. Скоро мы должны отправиться в путь, нам нужно завести часть еды в церковь, а потом уже ехать к бабушке с дедушкой.

Я выгнула бровь, ожидая продолжения ее вопроса.

Мама улыбнулась.

— Вчера вы с Кайлером выглядели ужасно по-приятельски.

Ну, началось.

— Мама, люди больше не говорят «по-приятельски».

Она стрельнула в меня глазами и начала оборачивать фольгой большую чашку с фаршем. Я всегда считала, что негигиенично готовить начинку из индейки за ночь до приготовления, но моя семья уже много лет именно так и делала.

— Я так говорю, соответственно, люди так еще говорят.

Я усмехнулась.

Она вздохнула.

— Ты собираешься признаваться?

— В чем? — спросила я невинно.

Мама скрестила руки на груди.

Я захихикала.

— Кайлер и я... мы вместе.

— Эту часть я уже поняла, — ответила она сухо. — Но я бы предпочла узнать подробности.

Прозвенел таймер, и я схватила рукавицы. Открыв дверцу духовки, я вынула противень. Быстрыми движениями я схватила пакетик с орехами пекан и начала выкладывать их на теплую, полурастаявшую глазурь.

— Мы вместе, — повторила я, тайком кладя в рот орех. — Не уверена, как еще сказать об этом.

Мама облокотилась бедром об угол стола.

— Итак, что вас привело к этому?

Я так не хотела рассказывать, как это произошло. Переходя ко второй партии сладостей, я почувствовала, что начала краснеть.

— Подобные вещи просто случаются, и мы оба признали, что у нас есть чувства друг к другу. Ну, ты понимаешь, больше-чем-просто-друзья чувства.

Она ничего не ответила, и я подняла на нее взгляд. Она стояла со слезящимися глазами. Я перестала выкладывать орехи.

— Мам.

— Что? — Она быстро заморгала, а потом даже рассмеялась. — Прости. Просто я всегда знала об этом, ты заботилась об этом мальчике больше, чем он позволял, и то же самое Кайлер делал по отношению к тебе. Я счастлива, что вы наконец признались друг другу. — Она замолкла, а потом добавила: — Это заняло слишком много времени.

Я нахмурилась и поспешно разложила орехи, пока глазурь совсем не застыла.

— Я начинаю думать, что мы с Кайлером были единственными, кто не замечал этого раньше.

— Так и есть. — Она подошла и поцеловала меня в щеку. — Он хороший мальчик, милая. Я не могла бы быть еще более счастливой за тебя.

Мои губы расплылись в широкой улыбке.

— Я счастлива! На самом деле.

А через полчаса я была еще счастливей-счастливей, когда папа объявил, что прибыл Кайлер и паркуется у нашей машины. Он не писал мне, и я не планировала увидеть его сегодня вечером, но я любила то, каким он был заботливым и просто заехал.

Я захлопнула крышку контейнера, куда сложила сладости, и промчалась через весь дом как ошпаренная, чуть не сбив маму. Я открыла дверь прежде, чем он успел нажать на звонок, и буквально запрыгнула на него.

Он еле успел поймать меня, обняв за талию, и шагнул назад, пытаясь устоять на ногах от неожиданного напора.

— Эй. — Он обнял меня крепче. — Ты так счастлива видеть меня.

— Я всегда счастлива видеть тебя. — Я обняла его за шею и соскользнула немного вниз, отчего он обхватил мои бедра.

Он выпустил гортанный вздох, когда коснулся губами чувствительной точки за моим ухом. Потом он полупшепотом произнес то, отчего моя кровь начала медленно закипать.

— Ты очень часто встречаешь меня так, но мы никогда не сделаем этого в твоём доме.

По телу растеклось тепло, и нужно было приложить огромное усилие отодвинуться, но я отошла не слишком далеко. Он обнял меня за талию со своей хитрой полуулыбкой.

— А что ты тут делаешь? — спросила я его, разглядывая рюкзак за его плечами.

— Просто хотел увидеть тебя. — Кайлер поцеловал меня в лоб. — У меня для тебя сюрприз.

Я взволновалась.

— Сюрприз?

— Ага, — ответил он и перевёл взгляд за мою спину.

Я обернулась в его объятиях и увидела маму в дверях, надевающую куртку. Папа стоял позади нее с контейнерами в руках. Подарки и сумки с одеждой мы уже загрузили в машину. Меня накрыло разочарование.

— Мы уезжаем сейчас?

— Твоя мама и я — да, — подмигнул папа. — Мы завезем еду в церковь и кое-что доделаем там. А тебя привезет Кайлер.

Я посмотрела на Кайлера, выгнув брови.

— Правда?

Он подмигнул.

— Я вчера договорился с твоими родителями.

Мое разочарование испарилось в одно мгновение, но я не смогла не поддразнить его.

— А что, если я хочу уехать прямо сейчас? Ты слишком самоуверен.

Кайлер усмехнулся.

— Ты же хочешь провести со мной время. Даже не думай врать.

Я закатила глаза.

Мама, протиснувшись между нами, поцеловала в щеку меня, а потом и Кайлера.

— Будь осторожен на дорогах, на них все еще гололед.

— Зайдите в дом, — проворчал папа. — Снаружи очень холодно, а ты не одела куртку.

Я почти не чувствовала холод, не тогда, когда я в такой близости от Кайлера. Мы пообещали не разбиться и не умереть по дороге к бабушке с дедушкой, а потом вошли в дом.

— Я рада, что ты заехал, — сказала я, пока Кайлер снимал рюкзак, ставя его на пол, и куртку, которую закинул на диван.

Он с важным видом подошел ко мне, положив руки на талию.

— Я знаю.

— Какой самоуверенный.

— Я прав.

Я поднялась на цыпочки.

— Впрочем, это было между тобой и моими бабушкой с дедушкой, поэтому...

— Очень мило, — рассмеялся он, а потом поцеловал, поцеловал так, что у меня

перехватило дыхание и я уже позабыла о Сочельнике, который казался нереальным, но который точно ощущался вместе с его движущимися губами на моих. Я вцепилась в его руки, удивляясь тому, как долго мы обходились без этого.

Кайлер сел на диван, держа в руках рюкзак и усаживая меня рядом.

— Мама хочет знать, заедешь ли ты завтра поздороваться.

— Я могу приехать завтра вечером, если она не будет против.

— В любое время. — Он провел рукой по моей спине, отчего тело покрылось мурашками. — Сегодня утром мне звонил Таннер, узнать, что я буду делать в канун Нового года.

Я даже еще не думала об этом. Мои мысли были слишком заняты настоящим.

Одной рукой он поглаживал мою ногу, оставив ее на обтянутом джинсами бедре. — Я сказал, что должен спросить у тебя.

— Ты так сказал? — Я не могла удержаться от широкой улыбки и даже не пыталась скрыть ее. — И что он на это ответил?

В ответ Кайлер усмехнулся.

— Он сказал, цитирую, «Речь о чертовых сроках, ты, придурок», а потом попросил сообщить ему.

Я рассмеялась:

— Таннер единственный умный парень.

— А я единственный счастливый придурок. — Он одной рукой обхватил меня за шею и притянул к себе, так что когда он заговорил, его губы касались моих. — Ты слишком хороша для меня, малыш. Однажды ты это осознаешь и вышвырнешь мою задницу на улицу.

— Этого не произойдет. — я поцеловала его, и его хватка на моем бедре усилилась. — До тех пор пока ты не совершишь нечто глупое, но и это вряд ли произойдет. Ты уже пережил время глупостей в своей жизни.

— Ха-ха. Очень умно.

Я одарила его дерзкой ухмылкой.

— Буду знать.

— Вот и знай. — Он пересадил меня со своих колен на диван и потянулся к рюкзаку. — Пока не забыл, я привез наши подарки, которые мама оставляла для нас в Сноушу.

— Ох! — Совсем вылетело из головы. Я нетерпеливо протянула руки к рюкзаку. Кайлер усмехнулся и передал упаковку с моим именем. Обе упаковки были на вид одинаковые, и мне было любопытно, что его мама нам подарила. Прокрутив подарок в руках, я скользнула пальцем по ленте вдоль шва упаковочной бумаги и разорвала красно-зеленую упаковку одновременно с Кайлером.

Передо мной оказалась черная бархатная задняя часть фоторамки. Я перевернула ее и прерывисто задышала. Это была металлическая рамка, на которой сверху была выгравирована фраза «*Это Навсегда*». Фотография... ох, не может быть, от этой фотографии у меня заслезилась глаза. На ней были мы с Кайлером, когда учились в третьем классе. В школе объявили так называемый «День друзей», в который друзья должны были надеть одинаковую одежду. Мы с Кайлером стояли рядом, закинув руки друг другу на плечи, с глупыми ухмылками на лице и такими же глупыми одинаковыми рубашками, на которых моя мама специально для этого события вышила фразу... «*Это Навсегда*». Кайлер, вероятно, хотел бы забыть период своей жизни, когда он носил эту рубашку, потому что тогда мальчишки прилично над ним поиздевались, но я в тот день была очень счастлива. Даже

несмотря на то, что тогда он протестовал против нее, он все равно надел ее. Я даже забыла, что нас тогда фотографировали, но вот он, этот глупый момент, который запечатлели навсегда.

Блин. Я превращаюсь в плаксу. Seriously. Мне нужна помощь.

Судорожно вздохнув, я повернулась к Кайлеру. Он держал такое же фото и такую же рамку. Он притих. Я толкнула его локтем.

— Бьюсь об заклад, что ты забыл об этом.

— Нет, — ответил он. — Это не так. Я несколько раз видел это фото.

Я была очень удивлена.

— Видел?

Кайлер кивнул.

— Мама любит доставать ее из альбома всякий раз, когда приезжают родственники. Забавно, что она дарит нам ее сейчас, учитывая все произошедшее. — Он взглянул на меня. — Как будто она знала, что мы все-таки поймем это, да?

— Ага, — улыбнулась я, поглаживая края рамки. — Она мне нравится. Честно. Правда нравится.

— Мне тоже. — Он положил рамку в рюкзак. — Не хочу забыть ее.

Я не смогла до конца понять, действительно ли она ему понравилась, но остановила себя от дурацких размышлений. Я собрала упаковочную бумагу и отнесла ее на кухню, выбросив в урну. Когда я вернулась в комнату, он стоял перед елкой. Подарок, который я купила ему несколько недель назад, все еще лежал под ней.

— Ты не получишь свой подарок прямо сейчас, — предупредила я его.

Он повернулся ко мне, с потемневшими карими глазами и таинственной усмешкой на губах.

— Есть кое-что, что я хочу получить прямо сейчас, но это не лежит под елкой.

По венам растеклось тепло и собралось в нижней части живота.

— И что бы это могло быть?

— Я могу дать тебе одну подсказку.

Я уже почти задыхалась.

— Давай.

Кайлер подкрался ко мне и снова положил руки на бедра. Он дернул меня к себе, прижимаясь ко мне своими бедрами. Даже через одежду я чувствовала его эрекцию.

— Это твоя подсказка.

Все тело задрожало, и под свитером и лифчиком затвердели соски.

— Думаю, я знаю, что ты хочешь.

— Знаешь? — Он коснулся губами моего лба, чуть выше виска. Мое тело расслабилось и напряглось одновременно. — И что же я хочу?

Я схватила его за руки, и его мускулы надулись от моего прикосновения.

— Меня?

— Бинго! — прорычал он, и я даже не знаю, кто мог бы произнести это слово *так* сексуально. — Я хочу тебя.

И эти три слова были самыми сексуальными словами, сказанными на языке людей. А потом Кайлер поцеловал меня, и я перестала думать о словах и о языках, потому что для меня не осталось ничего важнее, чем ощущение его ловких и мягких губ. Мои ощущения разгорелись с новой силой, горячим потоком разливаясь по венам, когда его язык скользнул

мне в рот.

Господи, Кайлер знал, как следует целоваться.

Когда он еще ближе прижался к моим бедрам, меня пронзило электрическим разрядом. Не разрывая поцелуя, он приподнял меня, и я обхватила его ногами.

— Хорошая девочка, — пробормотал он мне в губы и начал куда-то идти. Когда мы дошли до лестницы, я знала, куда он направлялся, и была *только* за.

Дверь в мою спальню была приоткрыта, и Кайлер протиснулся боком, открывая ее полностью. Он поставил меня на ноги у кровати и закрыл дверь.

— Закрой ее на замок, — попросила я. Дома сейчас никого не было, но зачем рисковать?

Он усмехнулся и, задвинув замок, повернулся ко мне. Наши взгляды встретились, и я уже вся горела от возбуждения. Я опустила руку вниз и, просунув пальцы под подол своего свитера, сняла его и уронила на пол.

Глаза Кайлера вспыхнули.

— Боже. Черт.

Я покраснела и прикусила губу, когда расстегнула пуговицу на своих джинсах. Он шагнул ко мне и ухватился за пояс джинсов.

— Я нетерпелив, — проворчал он, и это было именно так. Одним быстрым движением он стянул с меня джинсы вместе с носками. Стоять перед ним в трусиках и лифчике оказалось неожиданно легче, чем я себе представляла. — Ты красавица.

Это помогло.

Его одежда слетела с него так же быстро, и я не могла оторвать взгляд от его рельефа на плоском животе. Я прикоснулась к нему, скользя рукой под боксеры,

— А ты тоже не плох... — Меня оборвал на полуслове его страстный поцелуй. Он расстегнул мой лифчик и снял трусики. Раздев меня догола, мы переплелись телами на кровати.

Я застонала ему в губы, когда его рука скользнула мне между бедер и его пальцы прикоснулись к моему влажному входу. Его поцелуи опьяняли, и я никак не могла ими насытиться. Подражая своим языком погружениям в меня пальцем, он очень быстро приблизил меня к оргазму, и когда он надавил на чувствительный комочек, я кончила.

Пока я сокрушительно кончала, он вошел в меня, кожа к коже. Эти ощущения просто взорвали меня, и думаю, что никогда не привыкну к ним. Его мощные мышцы на спине вздувались под моими руками. Он входил в меня глубокими точками, от которых сгибались пальцы на ногах и выгибалась спина.

— Я люблю тебя, — произнес он и снова поцеловал меня. Дико. Властно.

— Я тоже тебя люблю, — выдохнула я.

А потом я уже была не в состоянии что-либо говорить. Резкий вихрь покалываний от его яростных толчков пронзил все мое тело, я приближалась все ближе и ближе к краю. Он двигался сильнее и жестче, а его красивое лицо напряглось. Кайлер снова поцеловал меня, и когда я обхватила лодыжками его талию, нас обоих одновременно накрыл оргазм. Наши тела синхронно вздрагивали, выдыхая друг другу в губы наши имена. Этот потрясающий момент вознес меня так высоко, и я думала, что уже никогда не смогу вернуться обратно.

А потом мы долго, очень долго лежали, прижавшись друг к другу под одеялом. Он кружил пальцами по моему позвоночнику, а я довольствовалась стуком его сердца. Под тихую и мирную тишину я подумала об одной Рождественской рифме. Я рассмеялась тому,

насколько сейчас это было неуместно.

— Что? — Рука Кайлера замерла на моей спине.

Хихикая, я поцеловала его грудь.

— Я просто вспомнила об одном Рождественском стихотворении «Ночь перед Рождеством» и поэтому рассмеялась.

— Ты чудная.

— Я знаю. — Я повернула голову так, чтоб опереться подбородком о его грудь. — Но ты же все равно меня любишь?

Уголки его губ приподнялись.

— Я люблю тебя так, как ребенок любит Санту.

Я рассмеялась.

— Это серьезное заявление.

— Крайне серьезное, — пробормотал он, убирая пряди волос с моего лица. — Хотя я должен заявить, что то, что мы только что сделали, — самым лучший подарок на Рождество.

От удовольствия я покраснела.

— Ну, если ты будешь хорошо себя вести, то получишь еще один подарок.

Он выгнул брови.

— А что, если я буду непослушным?

Ход моих мыслей тут же прервался, и, видимо, Кайлер понял это, потому что рассмеялся, и этот глубокий звук провибрировал сквозь меня.

— Мне нравится, к чему ведет этот разговор.

— Уверена, что это именно так.

— Я мог бы притвориться Сантой. Ты могла бы сесть мне на колени и сказать, что хочешь получить на Рождество.

Я снова рассмеялась.

— Такое ощущение, что так будет выгодно только тебе.

— Это означает сидение-на-моих-коленях. Голой.

Потянувшись вверх, я поцеловала его в слегка раскрытые губы. Такое положение привело к еще большим поцелуям и прикосновениям, которые превратились в раскрытие моих бедер, и совсем скоро мы перешли от разговоров к действиям. Мы исследовали друг друга так, будто делали это впервые, очень медленно, познавая друг друга нежнее и глубже, но конечный результат оказался таким же прекрасным и головокружительным.

Так мы и провели все наше время, пока не настала пора уезжать. Он встал, чтоб найти свою одежду, а я восхищалась прекрасным видом его зада. Мой взгляд переместился на его спину, и, поднявшись, я провела пальцами по замысловатой надписи его таинственной татуировки, которая всегда очаровывала меня. Он оглянулся на меня через плечо, но не отошел.

— Что она означает?

Он очень долго не отвечал.

— Ты действительно хочешь знать?

Я откинулась на бок.

— Да, хочу.

Кайлер застегнул джинсы и сел рядом. Он наклонился и поцеловал меня.

— Я сделал тату после окончания школы, буквально перед поступлением в колледж.

— Я знаю. — Я давно начала рассматривать тело Кайлера. И день, когда я впервые

заметила его тату, я хорошо запомнила.

Он улыбнулся уголком губ.

— Наверное, ты или подумаешь, что это действительно глупо, или действительно этому удивишься.

— Теперь мне на самом деле любопытно. Расскажи. — Я мягко постучала по его обнаженной груди. — Пожалуйста?

Он какое-то время просто смотрел на меня.

— Это санскрит. Она означает «Это Навсегда».

Мое сердце замерло, когда я уставилась на него.

— Означает ли она то, о чем я подумала?

— Да, она означает то, о чем ты подумала.

Я прижала руку к груди, сдерживая слезы.

— Ты сделал ее, когда мы закончили школу? Так давно?

— Да. Я просто почувствовал, что это то, что мне было необходимо сделать, понимаешь? Это мы, и неважно, по каким причинам мы были вместе, это было навсегда.

Целую минуту я не могла произнести ни слова. То, что я чувствовала, и близко нельзя было описать словом «удивление». Мне хотелось снова расплакаться, потому что это подтверждало все его сказанные слова. Он действительно не понимал свои чувства ко мне все это время, а я даже не знала об этом. Но глубоко внутри его сердце все уже знало. Моя грудь наполнилась такой нежностью, что, я думала, лопну.

Он внимательно изучал мою реакцию.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю... Я думаю, что она великолепна. — Я села и обхватила ладонями его лицо. — Ты великолепный.

Кайлер прижался своим лбом к моему.

— Я бы не стал разбрасываться такими словами.

— Погляди на себя, хоть раз в жизни ты заскромничал, — подразнила я его, но комок эмоций подкрался к вершине моего горла. — Кайлер?

Он прижался к моим губам.

— Сид?

— Я люблю тебя. — Я замолчала и, сделав глубокий вдох, посмотрела прямо в его глаза. В его взгляде я увидела целый мир. Я увидела наше будущее. — И *это* навсегда.

Больше книг на сайте — Knigolub.net